Эврика

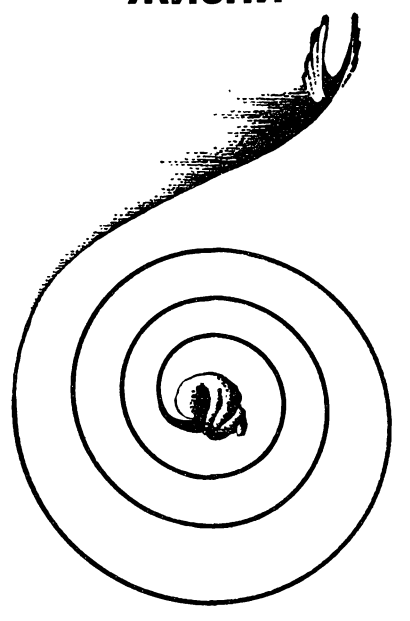
А. Толстых

Возрасты жизни

А. ТОЛСТЫХ

Возрасты жизни

Москва
«Молодая гвардия»
1988

ББК 88
Т 54

Т $\frac{0304000000-161}{078(02)-88}$ 259—88

ISBN 5-235-00590-2

Введение

В мире не так уж много вещей, способных вызвать к себе всеобщий интерес. Жизнь современного человека многогранна и дает нам самую разнообразную пищу для размышлений и исследований. Но, как правило, то, что занимает помыслы одних людей — и они со страстью отдаются предмету своего интереса, — может оставить равнодушными других. Когда же мы сталкиваемся с явлением, которое затрагивает лично каждого живущего на Земле человека, то это означает, что перед нами нечто, в чем сфокусирован целый клубок жизненно важных проблем, отвлечься от которых можно разве что в воображении. К числу таких явлений нашей жизни относится проблема возраста.

Это особое и довольно редкое качество проблемы возраста объясняется тем, что слишком многое и многие сходятся в ней в поисках «своих» ответов на многообразные вопросы бытия.

Философ, осмысливающий закономерности бытия и мышления, пытается понять значение возрастных категорий в жизни человека.

Медик, физиолог стремится подчинить человеческому разуму и «инструментировать», казалось бы, необратимый ход старения организма, возвратить человеку молодость и здоровье.

Юрист бьется над правовыми нормами трудовой деятельности различных возрастных категорий населения, охраны детского труда и работы людей пенсионного возраста.

Педагог ищет в возрастных особенностях детей резервы совершенствования процесса обучения.

Свой интерес в проблеме возраста есть и у демографа, и у социолога, и у антрополога, и, конечно же, у нашего коллеги — психолога, изучающего возрастные психологические закономерности развития человеческой личности.

Вместе с тем, отмечая несомненное научное значение проблемы возраста, нельзя не заметить, что учение о возрастах жизни менее всего приспособлено к тому, чтобы превратиться в «университетский вопрос», то есть проблему, в которой знания предельно отдалены от жизни

и действительности, мысли от дел, теория от практики и «ученые» от «неученых».

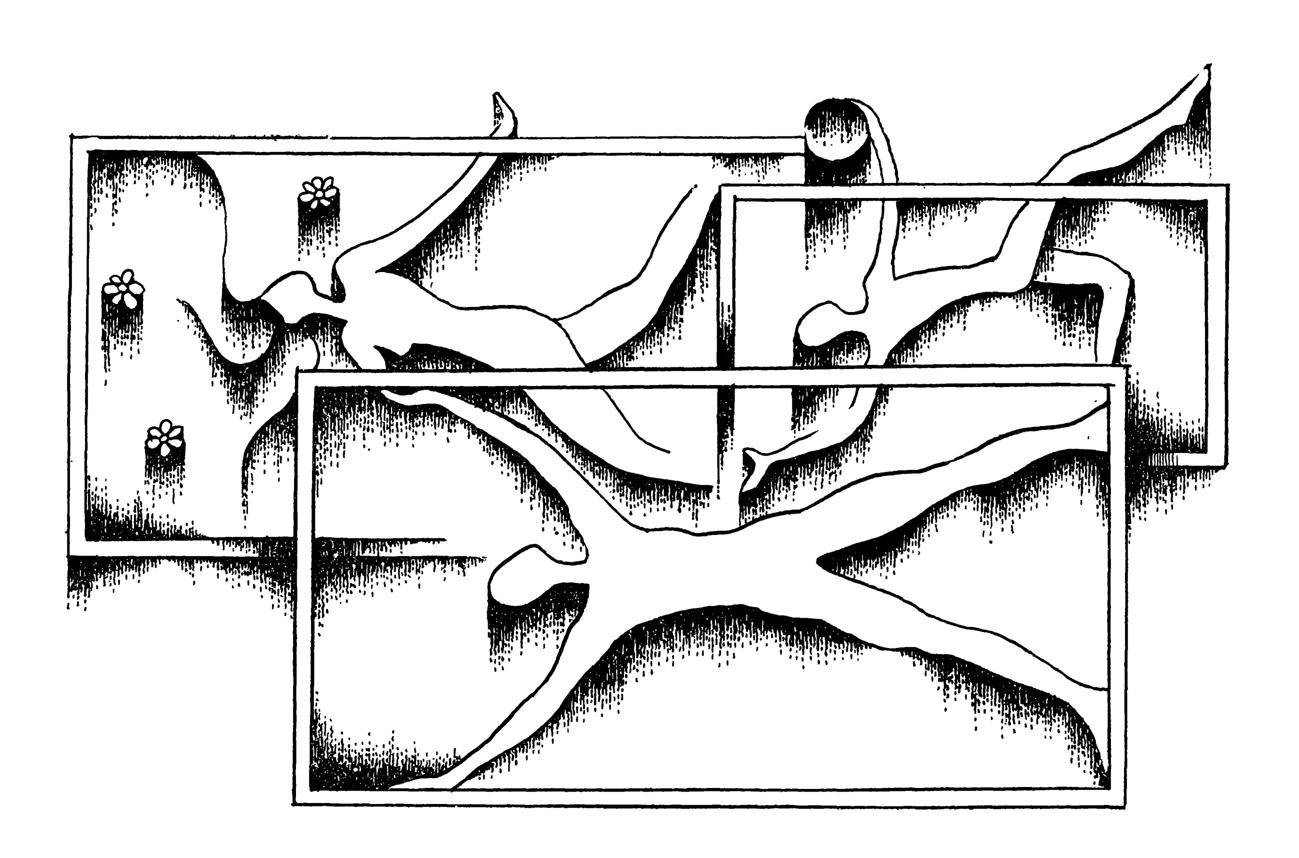
Поскольку мы утверждаем и станем настаивать на всеобщности человеческого интереса к проблемам возраста, который в различной форме проявляется и у юноши, и у человека в пору зрелости, и у старика, постольку и в своем изложении, подчиненном научным целям, мы попытаемся избегать сухого академизма.

Насколько это возможно, мы не станем загружать читателя терминологическими кроссвордами и ребусами (хотя знакомства с рядом научных понятий нам, естественно, не избежать, поскольку забота об упрощении стиля имеет и свои границы, ибо не все можно выразить «попросту», потому что если слишком упрощать, то может получиться «попросту»... не научная точка зрения!).

Мы специально останавливаемся на этом, казалось бы, второстепенном вопросе — да еще в самом начале, — поскольку во всеобщности интереса к проблемам возраста заключено немалое «коварство» темы. Все дело в том, что определенной совокупности интересов к теме соответствует и некая сумма мнений. Английская пословица гласит: «Сколько людей — столько мнений» — и это целиком относится к проблеме возраста. Никому не придет в голову судить о теории относительности Эйнштейна или принципе дополнительности Бора, не запасшись знанием, аккумулированным в этих научных концепциях. Каждый скажет — это слишком сложно, чтобы судить на обыденном уровне.

Не так с возрастной психологией. Здесь аналогичного «самозапрета» нет. У каждого есть некое возрастное самосознание, есть некий опыт переживания в том или ином возрасте, который и позволяет высказывать суждения, не слишком оглядываясь на научные данные и теории.

Более того, проблема возраста кажется «простой». И эта иллюзия имеет свои основания. Казалось бы, что может быть проще: не надо быть профессионалом в области возрастной психологии, чтобы различать людей разных возрастов. Никто не спутает ребенка и взрослого, молодого человека и пожилого, человека в расцвете сил и старика. Мы говорим, не задумываясь: «В вашем возрасте...» — и как много ассоциаций здесь может возникнуть! «В вашем-то возрасте, молодой человек, я о здоровье еще не задумывался!» «В твоем-то возрасте, Вася, должно не пустяками маяться, а крепко учиться». Тут и

пресловутое «Да я в твоем возрасте..!», к коему любят прибегать иные родители в пылу педагогического рвения, и наконец, грустное: «Если бы вернуть те годы, вновь возвратиться в тот возраст...»

Спросите у любого ребенка — сколько тебе лет? — и вы услышите в ответ нечто совершенно исчерпывающее: «Три годика, шесть месяцев и три дня». Комментарии излишни. Вывод также на первый взгляд прост и очевиден — понятие о возрасте есть естественный элемент нашего самосознания. Естественный, то есть органически присущий каждому. Тогда спрашивается, зачем же тут наука?

У людей, которые по долгу службы занимаются возрастной психологией, этот наивный в своей простоте вопрос вызывает бурную реакцию, почти негодование — как это зачем! И, видимо, читателю небезынтересно будет узнать, что сегодня собираются целые научные форумы по вопросам, скажем, возрастной периодизации развития личности, активно обсуждается проблема соотношения «педагогических» и «психологических» возрастов, дискутируется самый вопрос о том, является ли возраст понятием «естественным» или «социальным», и многое-многое другое. И кажущаяся «простота» понятия возраста не должна вводить нас в заблуждение — за этой «простотой» открывается поле сложных научных проблем. О них эта книга.

Как мы уже заметили, проблема возраста является предметом исследования целого ряда современных научных дисциплин, каждая из которых имеет свой угол зрения, свои цели и методы исследования и отвечает на «свои» вопросы.

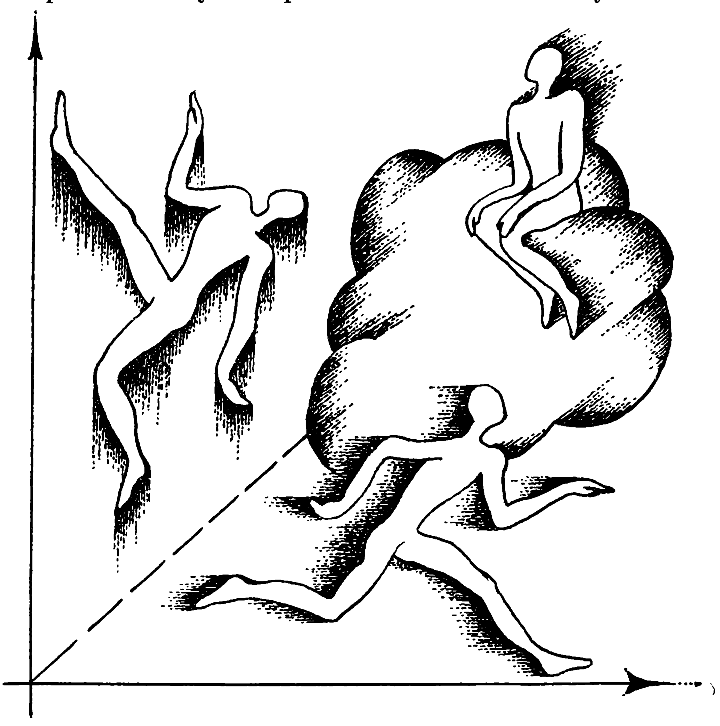
Так, скажем, возрастная психология, о которой пойдет у нас речь, изучает возрастные изменения психики и личности человека и вполне специфична в своих дисциплинарных рамках. Вместе с тем — и таковы требования к современному уровню научного исследования — любая научная дисциплина может развиваться продуктивно, лишь работая в комплексе с другими науками. Поэтому мы станем активно привлекать данные самых различных «смежных» дисциплин — от истории до физиологии высшей нервной деятельности и от демографии до этнографии.

При этом, помещая проблему возраста в своеобразную систему координат, на одной из осей которых размещаем психологическую характеристику, а на другой — сово-

купность данных человековедческих дисциплин, мы должны дать себе отчет в масштабе, который мы принимаем в качестве оптимального для наших целей. Ведь если этот масштаб будет мал, то обозреваемые явления могут предстать слишком «мелкими» из «заоблачных высот» обобщений, неразличимыми в своей жизненной конкретике. Такой взгляд — почти из космических далей — возможно, и хорош для философа, но вряд ли приемлем для того, кто интересуется конкретной психологией живущих на Земле людей.

И напротив — сделай мы топографию человеческих возрастов слишком подробной — и нам грозит погружение в океан фактов многочисленных и важных (ибо что же есть «неважного» в жизни человека?!).

Конечно, скрупулезность анализа относится к добродетелям создателя научного сочинения, но и последнему не следует забывать о первоначальном смысле слова scrupulus (лат.), означавшего не что иное, как «камушек», попадавший в сандалии и коловший ступни древних римлян. Изучать расположение этих камушков они

считали делом бессмысленным — надо просто разуться и вытрясти обувь; «скрупулезность» означала у них учет лишних мелочей.

И хотя сегодня мы употребляем это слово как синоним «сверхточного» — смысл, заложенный древними, сохраняется; как это ни парадоксально, но «сверхточное» не всегда союзник «точного», вскрывающего суть дела, знания. Ибо отнюдь не верно, что чем больше сведений, тем более исчерпывающе знание. Напротив, мелкие сведения часто, перегружая знание, мешают ухватить главное.

А хотелось бы поговорить именно о главном. Вот иногда спрашивают — в чем смысл работы возрастного психолога? В выяснении возрастных характеристик человеческой жизни, их психологического «наполнения»? Да.

В определении возрастных возможностей, резервов психической деятельности в том или ином возрасте? Безусловно.

В оказании помощи, практического содействия людям разных возрастов, в решении их конкретных проблем? И это верно.

Но главное все же другое. Работу возрастного психолога правомерно и лучше всего сравнить с деятельностью архитектора. Как архитектор работает над организацией пространства человеческого бытия, так и возрастной психолог трудится над организацией времени человеческой жизни.

К. Маркс писал: «...Время фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно — пространство его развития». Эти слова являются, безусловно, ключевыми для построения теории возрастов человеческой жизни.

Однако тут мы встречаемся с трудностью, на которую обратил внимание один из «отцов церкви» Августин: «Мы постоянно повторяем слова «время», «времена»... Повторяем и слышим их, и нас понимают, и мы понимаем. Нет слов яснее и употребительнее, и вместе с тем, напротив, столь же сокровенных и требующих объяснения».

Попытаемся разобраться.

Итак, мы существуем во времени. Мы — это окружающая нас Вселенная, космос, природа и так называемая «ноосфера» (по терминологии замечательного русского ученого В. Вернадского), то есть мир человеческой культуры, цивилизации и т. д. В. Ленин отмечал в своих

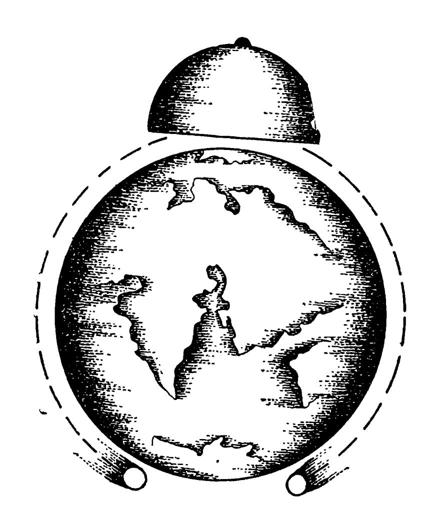
«Философских тетрадях», что «время есть форма бытия объективной реальности».

Человеческая личность — неоспоримый факт нашего бытия, объективная реальность существования человека во времени. В этом смысле личность может быть рассмотрена как временная характеристика и даже подвергаться измерению в секундах, минутах, часах, днях, месяцах, годах, столетиях, тысячелетиях и т. д. (Отмечаем же мы столетие со дня смерти Ф. Достоевского или двухтысячетрехсотлетнюю годовщину рождения Аристотеля.) Можно обратиться к разным системам измерения времени (науке о времени — хронологии) и воспользоваться математической (астрономической) или исторической шкалой, циклическим или линейным календарем — в любом случае перед нами фундаментальный факт существования материи во времени.

В этом смысле все, существующее во времени, имеет свой возраст — египетские пирамиды и древние рукописи, деревья и птицы, реки и океаны. И наиболее простым, исходным понятием возраста является его определение как функции времени.

Однако это лишь одна сторона медали.

На другой — проблема: тот факт, что мы существуем во времени, не дает нам «автоматически» права утверждать, что мы развиваемся во времени. Впрочем, то обстоятельство, что мы эволюционируем, изменяемся, по крайней мере с времен Дарвина, не подлежит ника-

кому сомнению. Как пишет известный французский палеонтолог Тейяр де Шарден, «вообще эволюцию теперь признают все исследователи», и тут же добавляет: «Но насчет того, является ли эта эволюция направленной, дело обстоит иначе. Спросите сегодня у биолога, допускает ли он, что жизнь куда-то идет в ходе своих превращений — в девяти случаях из десяти он ответит и даже пылко: «Нет». Что организованная материя находится в состоянии постоянной метаморфозы, скажет он вам, и что эта метаморфоза со временем ведет ко все менее вероятным фактам — это бросается в глаза. Но где взять шкалу для оценки абсолютного или даже относительного значения этих хрупких построений?»

То, что для биологии и философии составляет фундаментальную проблему, психологу, изучающему процесс развития личности, кажется бессмысленным. Несомненно, человеческая личность не только изменяется, эволюционирует, но и целенаправленно развивается. И конечный момент этого развития четко определен — смерть, которую тот же В. Вернадский определил как «разделение пространства и времени».

Вместе с тем и психолог будет настаивать на этом, возраст не есть простая функция времени, ибо само время ведет себя не единообразно (культурные, исторические различия и т. д.), и поэтому чисто хронологический подход в психологии мало что дает. Ведь хронологически возраст измеряется количеством лет, прожитых человеком с момента рождения, но в то же время возрастные изменения личности не прямо пропорциональны числу прожитых человеком лет. Между ними свои сложные и опосредствованные отношения. Ход развития личности, как утверждал советский психолог Л. Выготский, ни в коей мере не напоминает равномерного и постепенного движения часовой стрелки по циферблату, и один год развития никогда не равен по своему значению другому году.

Можно согласиться с встречающимся в литературе утверждением, что возраст — это прежде всего ансамбль феноменов, предоставленных наблюдению, а не число прожитых лет. Но и это будет верным лишь отчасти, поскольку сама по себе феноменология, сколь бы внушительной по размерам и богатой она ни была, не может объяснить ни значений и смысла различных возрастов человеческой жизни, ни возрастного самосознания личности. Феноменология, если она не осознает себя как

философия науки, может быть хорошим подспорьем в научном поиске, но никак не его предметом.

Предметом же возрастной психологии является развитие, движение и становление человеческой личности.

Развитие, согласно диалектико-материалистической традиции, предполагает, чтобы то, что развивается, содержало в себе в замкнутом виде все свое дальнейшее становление и движение. То есть предполагает определенность направленности постепенного развертывания, «разматывания» того, что в самом начале дано в неразвернутом виде.

Человеческая жизнь как нельзя лучше поддается объяснению с помощью принципа развития. Ведь, говоря о новорожденном, мы можем назвать основные вехи его возрастного развития — детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость и смерть (которая, впрочем, может вмешаться и на более ранних этапах, чем старость). Но даже ей неподвластно изменить ни характер, ни последовательность отдельных стадий жизни.

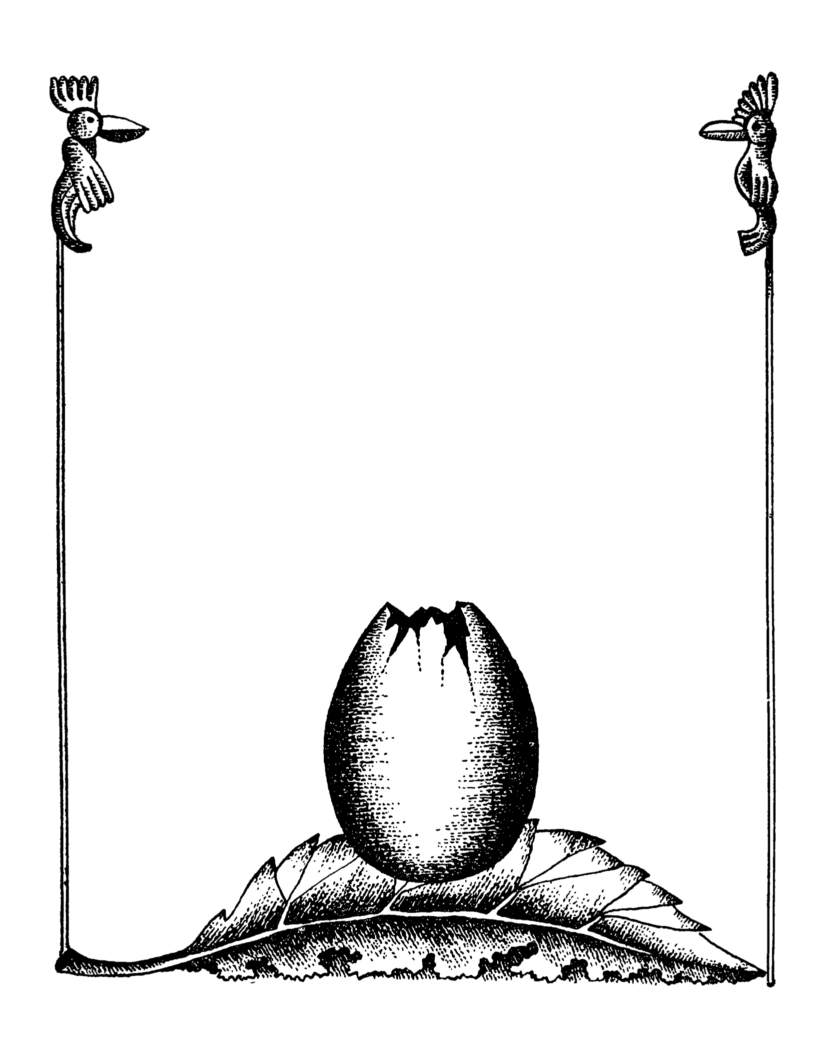
Итак, возрастная психология рассматривает психическое развитие человека от рождения до смерти.

В то же время она изучает развитие личности в ее становлении, то есть смене одного момента другим, и движении — качественно заполненном становлении, что требует понятия развития. Поскольку этот же жизненный путь разделен на ряд стадий, то к нему применимо понятие возрастов жизни, качественно заполненных различным психологическим содержанием, сменяющих один другой в процессе становления и движения личности.

При этом надо признать, что довольно долгое время психологи, в том числе и «возрастные» психологи, удовлетворялись тем фактом, что в ходе жизни человека происходят какие-то изменения. Ученые всецело были поглощены изучением отдельных психических процессов, явлений и состояний личности. В лучшем случае сравнивали происходящие перемены в психическом складе личности, но эти перемены отнюдь не рассматривали как целостный процесс изменений, как единый путь развития личности.

Заполняя этот очевидный пробел наших знаний о человеке, попытаемся на этих страницах представить картину психического развития, становления и движения личности на разных возрастных этапах — от рождения до смерти.

Возраст: культура и история

Хронику пусть пишет лишь тот,
кому важна современность.

Гёте

История возрастов жизни еще не написана. Ее создание — дело будущего и, возможно, будущего ближайшего. Оживленный интерес к вопросам развития возрастных категорий жизни человека, появление работ, вписывающих первые страницы в книгу истории возрастов жизни, — все это позволяет с оптимизмом отнестись к перспективам этой области знаний.

То, что история психологии возрастов вообще один из любопытнейших предметов изучения, не вызывает сомнения. Однако в данном случае важно, чем мотивируется интерес к ней. С уверенностью можно утверждать, что отнюдь не праздным любопытством. В одной из своих книг выдающийся советский психолог А. Лурия писал, что «можно лишь удивляться тому, что мысль о социально-историческом происхождении многих психических процессов, о том, что важнейшие проявления человеческого сознания складываются под непосредственным влиянием основных форм практической деятельности и реальных форм культуры, долго оставалась почти полностью чуждой психологической науке».

Это всецело относится и к возрастной психологии, в которой представление о социально-историческом происхождении возрастных особенностей развития личности сформировалось сравнительно недавно. Долгое время те, кому «по долгу службы» вменялось изучение возрастных особенностей человека, считали возраст естественным состоянием человека, зависящим всецело от видовых свойств его организма, особенностей психофизиологического аппарата. Это господство натуралистических представлений о возрастной психологии человека преоблада-

ло вплоть до 20-х годов нашего века, когда бурное развитие этнографических исследований (К. Леви-Брюль, М. Мид, Р. Бенедикт, Ф. Боас, Н. Миклухо-Маклай и многие другие) поколебало такую картину возрастных изменений личности. Собранный этнографами богатый материал позволил установить важные различия между европейской цивилизацией и так называемыми «традиционными» обществами буквально по всем параметрам процесса развития человека: и детство другое, и отрочество другое, а иногда, как, например, установила М. Мид на островах Самоа, а позже в Новой Гвинее, переход от детства к взрослой жизни совершается вовсе без периода отрочества.

То, что казалось европейцу до этого «естественным» проявлением в нем закона природы, перестало быть таковым, оказалось зависимым от особенностей культуры, в условиях которой формируется человек. Значение этих исследований заключается в том, что они впервые убедительно показали, что длительность любого возраста, характер перехода от детства к взрослости, наличие или отсутствие кризиса, конфликта в подростковом возрасте зависят не от сугубо естественных причин, а определяются конкретными социальными обстоятельствами жизни человека.

Следует специально отметить, что истоки конкретно-исторического подхода к возрастным особенностям человека восходят к взглядам классиков марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» критиковали немецкого философа-младогегельянца М. Штирнера за абстрактное рассмотрение жизни индивида, отвлеченное от исторических эпох, от национальностей и классов, что на деле вело к «раздуванию» господствующего сознания ближайшего к нему класса (буржуазии), возведению этого сознания в ранг «нормального» состояния человеческой жизни. «Чтобы подняться над этой местной ограниченностью и педантизмом школьного наставника, ему (М. Штирнеру. — *А. Т.)* следовало бы только сопоставить «своего» юношу с первым попавшимся юным конторщиком, с молодым английским фабричным рабочим, с молодым янки, не говоря уже о молодом киргиз-кайсаке».

Показательно также описание К. Марксом в «Капитале» того, как в английском парламенте группа, представляющая интересы рабочего класса, боролась за то, чтобы увеличить возраст наступления взрослости. Борь-

бавила за вполне определенный календарный срок — 12 лет. В первой половине XIX века в промышленно развитой Англии «ребенок» 12 лет — это практически взрослый человек, и к нему применялись все основные пункты буржуазного законодательства о труде.

Рабочие, таким образом, боролись за продление детства!

Исследователи обратились к сравнительно-историческому анализу детства и других возрастов человеческой жизни. И на этом пути «вдруг открылось», как это часто бывает в научном поиске при изменении угла зрения, что возраст не есть нечто неизменное и абсолютное, а в своей сущности является понятием общественно-историческим. В частности, было замечено, что возрастные понятия во многих языках первоначально обозначали не столько «календарные сроки», сколько общественное положение, социальный статус. Например, древнерусское «отрок» (буквально — «не имеющий права говорить») означало: «раб», «слуга», «работник», «княжеский воин».

Общественно-исторический подход в понимание возраста привнесли работы П. Блонского и Л. Выготского. В своих трудах в 20—30-е годы они показали, что существует не просто детство, а есть история развития детства, что детство не неизменное явление: оно иное на каждой иной стадии исторического развития человечества. Закладывая основы материалистической возрастной психологии, они утверждали, что существует внутренняя связь между возрастной периодизацией и механизмами психического развития ребенка и историческими изменениями системы общественного воспитания и обучения подрастающего поколения. Следовательно, детство, отрочество, юность представляют собой конкретно-историческую определенность, зависящую от характера и уровня развития всего общества.

Эти идеи явились новыми для всей возрастной психологии, хотя в настоящее время они более всего проявили себя в ее специальной части — детской психологии. Именно история детства, «история умственного развития ребенка» (В. Ленин), межкультурные исследования возрастных особенностей детей стали тем оселком, на котором проверялась в психологии идея культурно-исторического подхода к возрастным изменениям личности.

Вместе с тем, то, что сегодня является нормой для детской психологии, имеет все основания быть распро-

страненным на весь спектр возрастов жизни человека, ибо исторически эволюционирует не только детство, но и молодость, зрелость, старость.

Словом, у нас есть все основания вслед за П. Блонским и Л. Выготским утверждать, что существуют не возрасты жизни, а есть история возрастов жизни. Без нее анализ возрастных особенностей человека может быть лишь простым описанием жизненных фактов. Выйти за пределы такого описания можно, лишь рассмотрев эти факты в их самодвижении, то есть вскрыв исторический культурный механизм их возникновения и развития. Именно эту задачу преследует история возрастов жизни.

Современное состояние возрастов жизни есть результат длительной исторической и культурной эволюции человечества. И сегодня продолжает изменяться характер детства, отрочества, происходят глубинные перемены в молодости, зрелости и старости. И чтобы заглянуть в ближайшее будущее этих возрастных перемен, обнаружить тенденции их развития, необходимо окинуть мысленным взором всю историю возрастов жизни, чтобы на грани прошлого и будущего, в момент их встречи в настоящем увидеть современное состояние в его полноте и целостности.

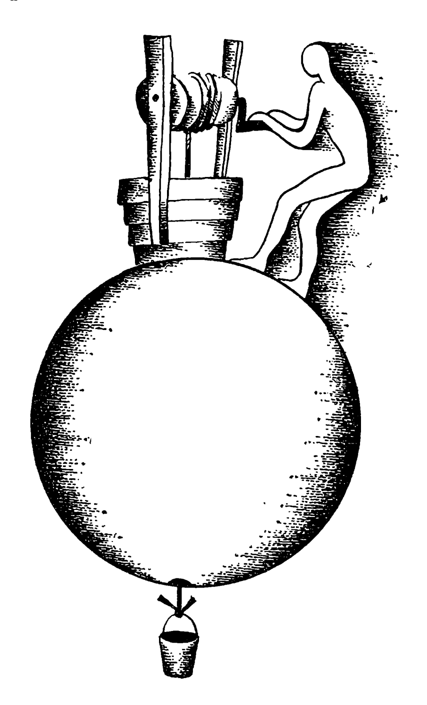
История возрастов жизни необъятна и в силу этого почти необозрима. Следовало бы пройти эту историю шаг за шагом, фиксируя наблюдаемые изменения в возрастной организации общества, трансформации возрастного самосознания людей. К сожалению, аппарат такого исследования слишком громоздок, слишком затейливы хитросплетения нитей такого анализа, чтобы попытаться его втиснуть в рамки главы нашей книги. Поэтому расположим наш наблюдательный пункт как бы на нескольких уровнях и попытаемся по типу телевизионного монтажа, чередуя крупные планы, рапидную съемку (замедляющую полет времени) и «перемотку» целых десятилетий и столетий, ухватить образ истории возрастов жизни. При этом нам придется, следуя за логикой материала, несколько раз менять ракурс рассмотрения, учитывая, что объект нашего наблюдения живой, развивающийся, и статичной камерой его не схватишь. Отсюда и выделение тех своеобразных «ипостасей» в истории возрастной психологии, которые мы находим на ее отдельных этапах и которые позволяют многое (хотя и не все) в этой истории понять и объяснить.

Так, рассматривая возрастную проблематику в перво-

бытном обществе, мы должны считаться с его «мифологическим» сознанием. В таком же смысле мы будем говорить о «философичности» возрастного сознания в античности, и попытках его «магического» истолкования в средние века и т. д. Понятно, что эти определения в известной мере условны, и к любому историческому времени можно подойти сразу с несколькими мерками (философскими и этическими, эстетическими и естественнонаучными, экономическими и педагогическими и т. д.). Однако мы предпочитаем выбор такого измерения, которое в наибольшей мере организует мир человеческих возрастов в наблюдаемый момент. Выигрышность такого подхода состоит в том, что многое в возрастном сознании наших современников мы увидим в истории, причем в самой яркой и отчетливой форме.

В начале человеческой истории

Т. Манн сравнивал прошлое человечества с «колодцем глубины несказанной», «просто бездонным», погружаясь в который снова и снова не достигаешь дна —

впереди открываются лишь всё новые дали прошлого. «Поэтому практически начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так и не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоистоке, довольствуясь какими-то определенными, национальными и личными, историческими пределами».

Со времени появления вида homo sapiens сменилось приблизительно 1600 поколений, но вряд ли возможно с какой-либо степенью точности и уверенности назвать первое. На деле несколько первых сотен поколений объединены для исследователя одним общим названием — первобытный человек. И хотя его история намного превышает во времени историю современного человека, ибо длилась несколько десятков тысяч лет, для нас она сохранилась в относительно незначительном количестве данных, добытых титаническим трудом многочисленного отряда палеонтологов и антропологов. Что мы можем почерпнуть из этих исследований относительно нашей темы? Какова была динамика возрастов в первобытном обществе? В чем заключались особенности различных возрастных ступеней жизни первобытного человека?

Попытаемся по крупицам собрать интересующие нас сведения.

Из многочисленных источников можно судить о средней продолжительности жизни в первобытном обществе: она колебалась в рамках 19—21 года. По-видимому, весь жизненный цикл человека в то время умещался в двух-трех десятилетиях, отведенных на жизнь одного поколения.

На заре цивилизации и на ранних ступенях культурного развития землян центральной фигурой был зрелый человек. Как отмечает польский антрополог Л. Кшивицкий: «Человек зрелый как знаток окрестностей и обладатель многолетнего жизненного опыта был объектом уважения в первобытной орде. Он знал, когда и где созревают плоды, как поймать рыбу, каким образом убить зверя и так далее, и благодаря этим знаниям был важнейшим связующим звеном общества. Но с наступлением старости, когда силы уже отказывались служить, знания и умения становились бесполезными. Беспомощного старика бросали тогда на произвол судьбы».

Поэтому первобытные общества были обществами без стариков. Специалист по исторической биологии челове-

чества И. Швидетцка отмечает, что среди двадцати известных представителей древнего палеолита (неандертальцев) так же, как и среди 102 представителей позднего палеолита, не найдено ни одного, который в момент смерти был бы старше 60 лет; среди 65 представителей мезолита найден лишь один старше 60 лет; в эпоху силезского неолита, в австрийскую эпоху бронзы и в шведскую раннюю эпоху железа старые люди составляют около 10 процентов всего числа умерших; чуть более велика доля старых людей в эпоху после переселения народов, о чем свидетельствуют результаты обследования родовых франкских могил.

Со временем число старых людей в первобытном обществе стало возрастать, что во многом объясняется частичным отказом от обычая, вызванного недостатком пищи, убивать стариков. По сходным причинам было столь же широко распространено и детоубийство.

Ребенок, как и старик, находился на периферии общественной жизни. Впрочем, для того, чтобы занять свое место в жизни, ребенок должен прежде всего выжить, что было крайне трудно. Исследователи считают, что в первый период существования человека на Земле младенческая смертность превышала 50 процентов. Но даже если ребенок и не погибал на первом, самом трудном году жизни, шансы выжить у него были минимальными. Дети погибали от болезней, перед которыми первобытный человек был беспомощен. Не хватало продуктов. Ухода за ребенком со стороны родителей практически вовсе не было. Кроме того, как мы уже отметили, существовал обычай умерщвления детей, просуществовавший до открытия земледелия.

Масштабы детской смертности были поистине огромны (от 15 до 50 процентов). По данным миссионеров, две трети всех новорожденных на Таити умирали от удушения или их убивали при помощи острой бамбуковой палки.

По первобытным обычаям умерщвлялись прежде всего слабые, плохо развивающиеся дети (чаще всего девочки) и дети, которые были третьими, четвертыми и т. д. в семье.

Наряду с обычаем детоубийства существовал и обычай оставления новорожденных на произвол судьбы, который сохранялся достаточно долго. Даже при развитой государственности (Древний Восток, Египет) к нему вполне терпимо относились власти.

Существует мнение, что «легализация» обычая оставления детей преследовала цель снизить детскую смертность. И в Древней Греции родителям было позволено бросать новорождённых детей. Этим же обычаем широко пользовались практически все крупнейшие цивилизации древности: египтяне, древние евреи, индийцы, китайцы, греки, римляне.

Параллельно широко практиковали аборт механическими и лекарственными средствами.

Особенно трагична была судьба девочек. Если для ритуального умерщвления детей с физическими недостатками, или ставших сиротами в результате смерти матери, или рожденных в «несчастливые дни» брались и мальчики и девочки, то по соображениям экономического характера (нехватка продовольствия) умерщвлялись в первую очередь именно девочки.

С «открытием огня», когда человек научился добывать огонь, положение стариков и детей изменяется к лучшему — возникает первое общественное разделение труда (половозрастное) — на долю мужчин выпадает добыча средств пропитания, а женщины — и с ними дети и старики — наблюдают за огнем.

Итак, первобытное общество было обществом, в котором царил зрелый (взрослый) человек. Практически все существование человека в это время было подчинено достижению зрелости, которая, вспыхнув на краткий миг, уходила в небытие, и человек покидал этот мир, не успев достичь старости, оставляя после себя потомство, у которого мало было шансов на выживание.

И все-таки человечество воспроизводило себя и в этих трудных условиях, выжило для будущего в этот трудный период своего становления. В это же время начинают вырабатываться и первые представления о возрастах жизни человека, первоначально органически вплетенные в обыденную, практическую жизнь человека как способ его существования.

Посмотрим, каковы же были эти представления.

Мифология возраста

Временные представления древнего человека, наложившие отпечаток на понимание возрастов жизни, существенно отличались от современных. Главная и во многом парадоксальная особенность этих представлений

состоит в том, что события, происшедшие раньше, и события, совершающиеся сейчас, в определенных условиях могут восприниматься архаическим сознанием как явления одного плана, протекающие в одной временной длительности. При своем первом сознательном осмыслении времени человек инстинктивно пытался превзойти или устранить время.

Советский исследователь И. Кон называет эту особенность архаического ума «расплывчивостью мифологического сознания», а именно, неспособность человека отделить собственное Я от своих бесчисленных предков. Т. Манн в уже цитировавшемся романе «Иосиф и его братья» исключительно тонко передает эту особенность древнего сознания. Старый раб Елиезер рассказывает с мельчайшими подробностями, как собственную, историю о том, как Ицхак сватал в жены Ревекку. На самом деле это был не он, а его предок, выполнявший в доме те же самые функции. «Иосиф слушал с удовольствием, не ослаблявшимся никакими недоумениями по поводу грамматической формы рассказа Елиезера, ничуть не смущаясь тем, что Я старика не имело достаточно четких границ, а было как бы открыто сзади, слилось с прошлым, лежавшим за пределами его индивидуальности, и вбирало в себя переживания, воспоминать и воссоздать которые следовало бы, собственно, если смотреть на вещи при солнечном свете, в форме третьего лица, а не первого».

Мифологическое мироощущение выражается не только в повествовании о деяниях богов и героев, за которыми скрыто фактически представление о мире, управляемом волей богов и духов, но и в действиях, в ритуале, как совокупности обрядов, масок, танцев, татуировок, инициаций и т. д. Все «происходящее» с мифологическими персонажами приобретает для древнего человека характер прецедента и образца для подражания.

Мифы утверждают принятую в первобытном обществе определенную систему ценностей, поддерживая и санкционируя определенные нормы поведения. Это своеобразный свод законов общества, посредством которого регулируются отношения в первобытной общине. Все возрастные представления в таком типе общества подчинены ритуалу, как совокупности обычаев, запечатленных в мифе. При этом возрастные категории также позволяют сохранять традиции общества.

Такое представление о времени кажется современному человеку неупорядоченным, хаотичным, но в нем есть своя гармония, своя логика и своя эстетика. Древний человек (как, впрочем, в известном смысле и современный) живет одновременно в нескольких временных измерениях (священное время, время празднества, время жертвоприношения, время воспроизведения мифа, связанное с возвращением «изначального» времени, наконец, время собственной жизни и т. д.). Течение этих разнообразных временных рядов в целом подвержено определенной закономерности и может быть охарактеризовано как преобладание идеи обратимости (циклического времени) над необратимостью (линейное время). Это свойственно многим (практически всем) древним цивилизациям и некоторым современным традиционным культурам, сохранившим атрибуты архаического уклада.

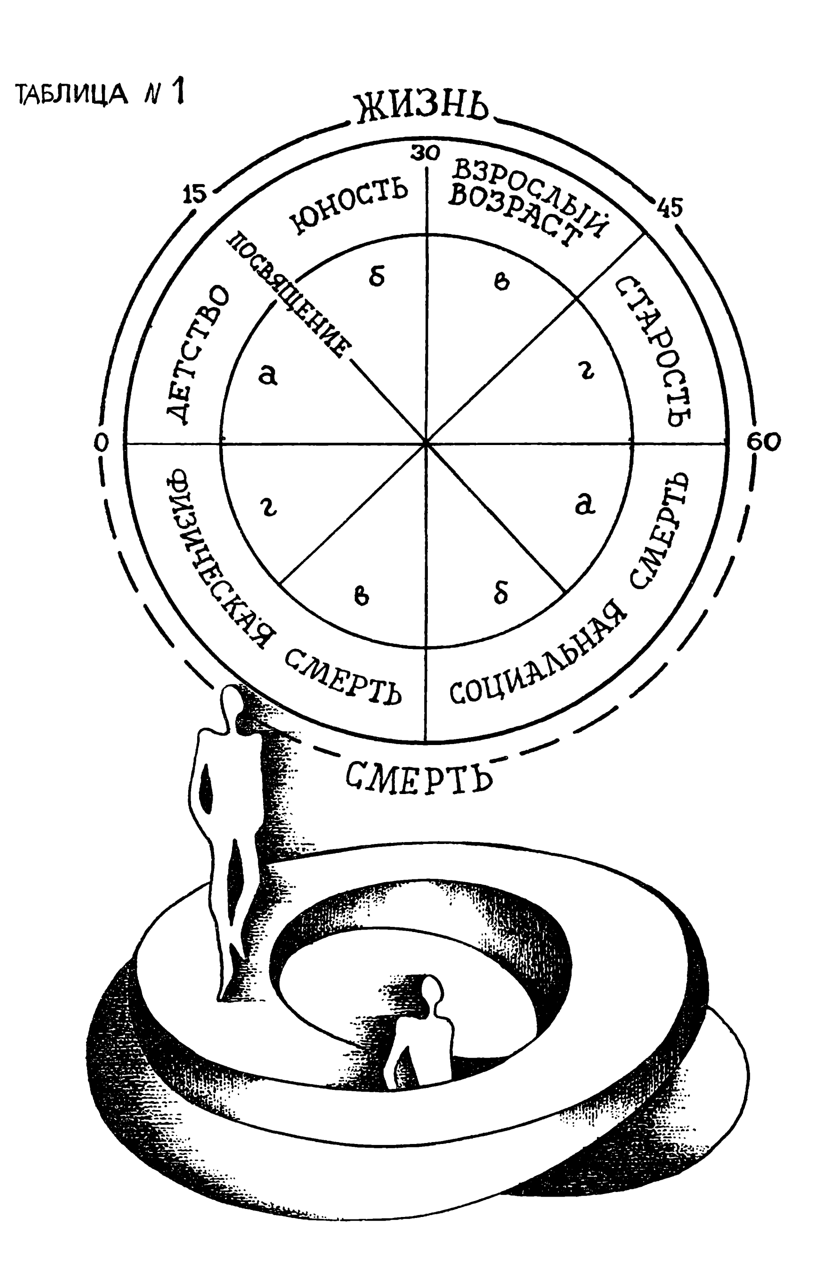
Специально исследовавший этот вопрос советский ученый А. Гуревич отмечает, что в основе систем ценностей, на которых строились древние культуры, лежит идея вечно длящегося настоящего, неразрывно связанного с прошлым. Традиционное древнекитайское восприятие времени — циклическая последовательность эр, династий царствований, подчиненных строгому ритму, такому, например, как 60-летний циклический календарь Востока.

Выразителем древнеиндийского понимания времени был символ колеса космического порядка, которое вечно движется, постоянно возобновляя круговорот рождения и смерти.

Аналогичные представления находим мы и у древних египтян.

Известный американский этнограф К. Тернбул, изучавший происхождение африканских народов и в том числе их возрастные представления в древности, фиксирует такую возрастную систему циклического типа, которая может быть иллюстрацией принципиальной схемы циклического типа возрастной системы вообще (см. табл. 1). Как видно из таблицы, каждый год мальчики, достигшие возраста 15 лет, совместно со своими сверстниками проходят ритуал инициации (посвящения в новую возрастную группу), широко распространенный у разных народов и в разных культурах. Этот ритуал олицетворяет, символизирует окончание детства и наступле-

ТАБЛИЦА № 1

ЖИЗНЬ
30
15
45
0
60
ЮНОСТЬ
ВЗРОСЛЫЙ ВОЗРАСТ
ПОСВЯЩЕНИЕ
ДЕТСТВО
СТАРОСТЬ
а
б
в
г
г
а
в
б
ФИЗИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ
СОЦИАЛЬНАЯ СМЕРТЬ
СМЕРТЬ

ние взрослой жизни и сопровождается многочисленными испытаниями.

После инициации группе дается название, она считается «рожденной» (это так называемая «концепция второго рождения»), и сохраняется еще пятнадцать лет. Затем члены группы переходят в новый возраст, сохраняя единство возрастной группы на протяжении всего ее существования. Мужчины старшего разряда, если они доживают до 60-летнего возраста, с удовлетворением видят, что рождаются дети, которые в 15 лет будут посвящены в «теневую» группу, носящую то же название, что и группа людей, приближающаяся к смерти — реальной (физической) или социальной.

Таким образом, сохраняется преемственность поколений (между группами), имеющими свой собственный характер и возрождающимися под тем же названием через каждые 60 лет. Время, как мы видим, движется здесь по кругу.

Надо сказать, что такая система возрастных групп не только удобный метод возрастного разделения труда: она создает при помощи периодических торжественных обрядов инициации крепкие духовные узы, связывающие для общего дела большие группы людей, порождает особые чувства «лояльности», на ней зиждется распределение власти, она заставляет молодых людей действовать коллективно для защиты земли, скота, урожая, распределяет «социальные роли» по возрастам. То есть в конечном счете создает духовную общность людей.

Параллельно с возрастными системами циклического типа формируются и первоначальные представления о линейном типе возрастной системы, основанные на идее необратимости времени. Такова, например, одна из дошедших до нас древнекитайских классификаций возрастов жизни, показанная на приведенной таблице № 2. Бросается в глаза отсутствие единого основания в выделении возрастов; метафизический и даже метафорический характер названия отдельных стадий («познание собственных заблуждений»). Характерно и отсутствие стадии детства, которая непосредственно включена в молодость. Показательна тождественность двух последних стадий («желанный возраст» и «старость»), что свидетельствует о том, что 70 лет — редкая продолжительность жизни для того времени и достижение этого возраста было «желанным».

Таблица № 2

	Годы
1. Молодость	до 20 лет
2. Возраст вступления в брак	до 30 лет
3. Возраст выполнения общественных обязанностей	до 40 лет
4. Познание собственных заблуждений . .	до 50 лет
5. Последний период творческой жизни . .	до 60 лет
6. Желанный возраст	до 70 лет
7. Старость	до 70 лет

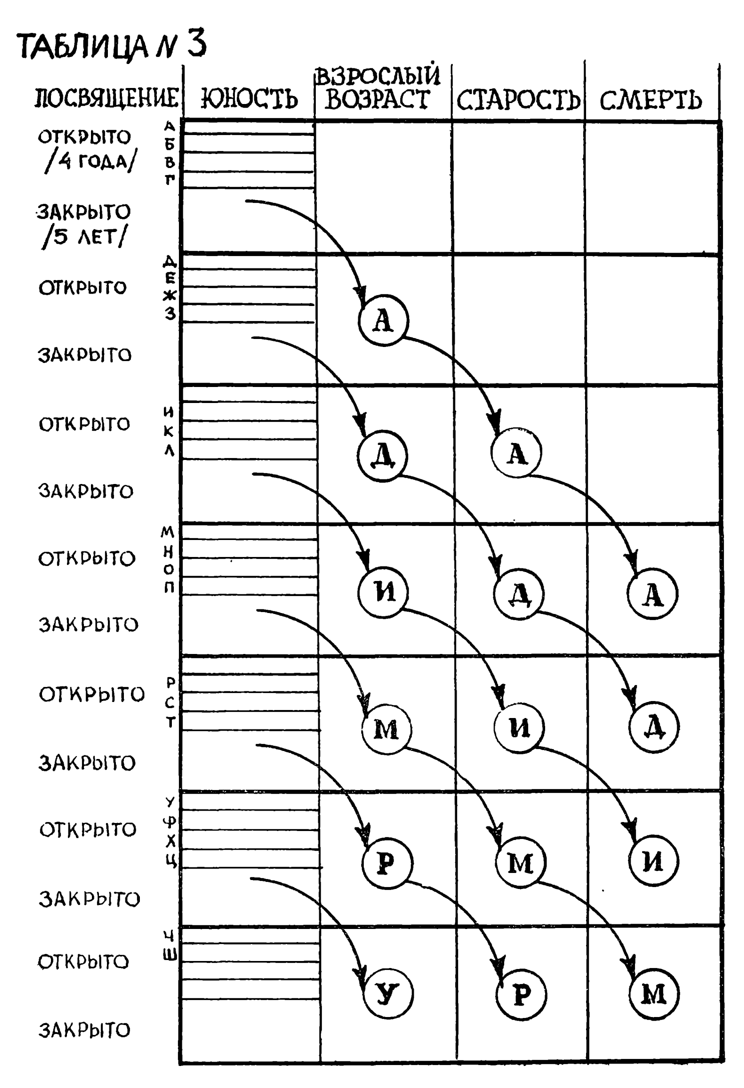
Гораздо более развернутый и подробный вариант линейного типа возрастной системы рассматривает К. Тернбул на примере одного из африканских племен, сохранивших первобытные обычаи (см. табл. № 3). Каждая возрастная группа делится на несколько подгрупп в соответствии с годом инициации мальчиков. Когда при первой инициации отрывается прием в группу, все остальные группы продвигаются на один разряд или уровень. Иногда группа остается «открытой» обычно в течение четырех лет, после чего она закрывается на тот период, пока живут представители этого возрастного разряда, и в нее никто не принимается. На первоначальном уровне каждая подгруппа сохраняет свою индивидуальность, у нее может быть даже свой район деятельности. При переходе от юности к взрослому состоянию подгруппы исчезают, и вся группа приобретает единую форму (обычно принимает форму старшей подгруппы) и сохраняет ее до конца жизни членов группы. После смерти последнего члена группы название и отличительные черты ее исчезают навсегда.

То, что принципы цикличности и линейности сосуществовали в древнем сознании, хорошо видно на примере ступенчатого типа возрастной системы, вобравшей в себя многие черты как циклического, так и линейного представления о времени (см. табл. № 4).

Примером может служить система возрастных групп масаев (Африка), изображенная на рисунке.

При ступенчатой системе возрастные группы существуют не постоянно, а объединяются на короткие периоды. Масаи делят каждую возрастную группу пополам: на посвященных правой руки и посвященных левой руки. Посвященные правой руки дольше остаются воинами, чем посвященные левой руки, которым жрец разрешает при-

соединиться к группе лишь после того, как она уже пройдет половину срока своего существования. Это позволяет жрецу делать различие между сильными и не очень сильными мальчиками и не допускать насмешек над слабыми. Чтобы возместить посвященным левой руки отставание в военных навыках, им поручаются специальные задания и обязанности. В некоторых случаях одна

половина группы осуществляет административные функции, а другая — исполнительские.

Инициация для одногодок происходит не одновременно. Раньше ее проходят посвященные правой руки, а посвященные левой руки еще некоторое время остаются в младшей возрастной группе. Таким образом члены каждой подгруппы (правой и левой руки) в течение какого-то времени живут вместе с соседними группами — старшей и младшей по возрасту.

Воспитательный потенциал таких разновозрастных групп весьма велик, недаром А. Макаренко в своей педагогической практике использовал разновозрастные отряды. Старшие заботятся о младших, защищают их, а младшим гораздо легче усваивать общественный опыт с помощью своих более взрослых товарищей. Таким образом мы видим, что подобная возрастная система оказалась очень продуктивной в своих основаниях и имела продолжение в истории.

Более того. Можно сказать, что в том или ином виде принципы всех описанных возрастных систем (циклической, линейной и ступенчатой) сказались на дальнейших этапах становления человеческого общества. Их элементы несложно усмотреть и в современности. Так, в ритуале инициации видится прообраз нынешних обрядов, знаменующих взросление подрастающего поколения, символизирующих их социальную зрелость (например, вручение паспорта, посвящения в молодые рабочие, в студенты и т. д.).

В циклических возрастных системах большое внимание уделялось преемственности: реально это происходило как присвоение общего имени (разных имен вообще было мало) некоторым возрастным группам (скажем, вступающие в жизнь наследуют имя возрастной группы стариков, то есть группы угасающей, обретающей в молодом поколении свое зримое продолжение). И в наше время идея преемственности в профессиональной, духовной и прочих сферах рассматривается как актуальная.

В древних системах возрастов находим мы и зачатки конфликтов поколений — прежде всего смежных поколений, отцов и детей. Скажем, молодые отцы-воины, когда им приходит время уступить место следующей возрастной группе — детям, прошедшим инициацию (что есть сигнал для отцов к переходу в разряд стариков), всячески сопротивляются этому, чувствуя себя достаточно энергичными и сильными, и в этой связи не испытывают ника-

кого желания уступать свое место, к слову — центральное место в общественной жизни.

Однако эти моменты общности древних и современных представлений не должны вводить нас в заблуждение. Все-таки система возрастных представлений древнего человека достаточно специфична сама по себе и всецело подчинена единому основанию — мифологическому сознанию.

В архаичных общественных формах сознания понимание стадий жизни развивалось на основании целостного образа мира, воплощенного в мифе, как образца для подражания и воспроизводства общественной жизни, ее своеобразного ритма. Древние люди понимали, что у ребенка нет какой-либо врожденной программы развития, он не приспособлен к жизни, как животные, и в силу этого находится в первые годы своего существования в пограничном положении (между жизнью и смертью), ибо еще действует естественный отбор и выживают сильные, отсеиваются слабые и «лишние». Положение ребенка регулируется всецело общиной, ее потребностями, и ребенок является деталью социального организма. Он включается в него сначала с помощью матери, ибо ритуал предписывает женщине определенный набор обрядов, направленных на попечение и воспитание ребенка. Затем он приобщается к определенной возрастной когорте, в составе которой проходит обучение и воспитание, после чего должен выдержать обряд инициации, чтобы получить право на родовое имя (без которого он всю жизнь остается ребенком) и т. п.

Таким образом, все возрастные стадии жизни первобытного человека вплетены в ритуал и ему подчиняются. Ритуал же определен мифом, отсюда и мифологичность возрастного самосознания древних.

Говоря о мифологическом сознании, нельзя обойти стороной и еще одну, причем очень существенную, его характеристику.

Архаичные (мифологические) представления о человеческой жизни (в частности, о ее длительности) обладают особым качеством. Их вполне можно назвать фантастичными. По Гомеру, Нестор прожил «три человеческих века», а иллириец Дандо и один из лакмейских королей якобы достигли возраста 500 и даже 600 лет. Мы могли бы отнести эти «сведения» за счет гиперболы, художественного преувеличения, но...

Как отмечает советский исследователь И. Клочков,

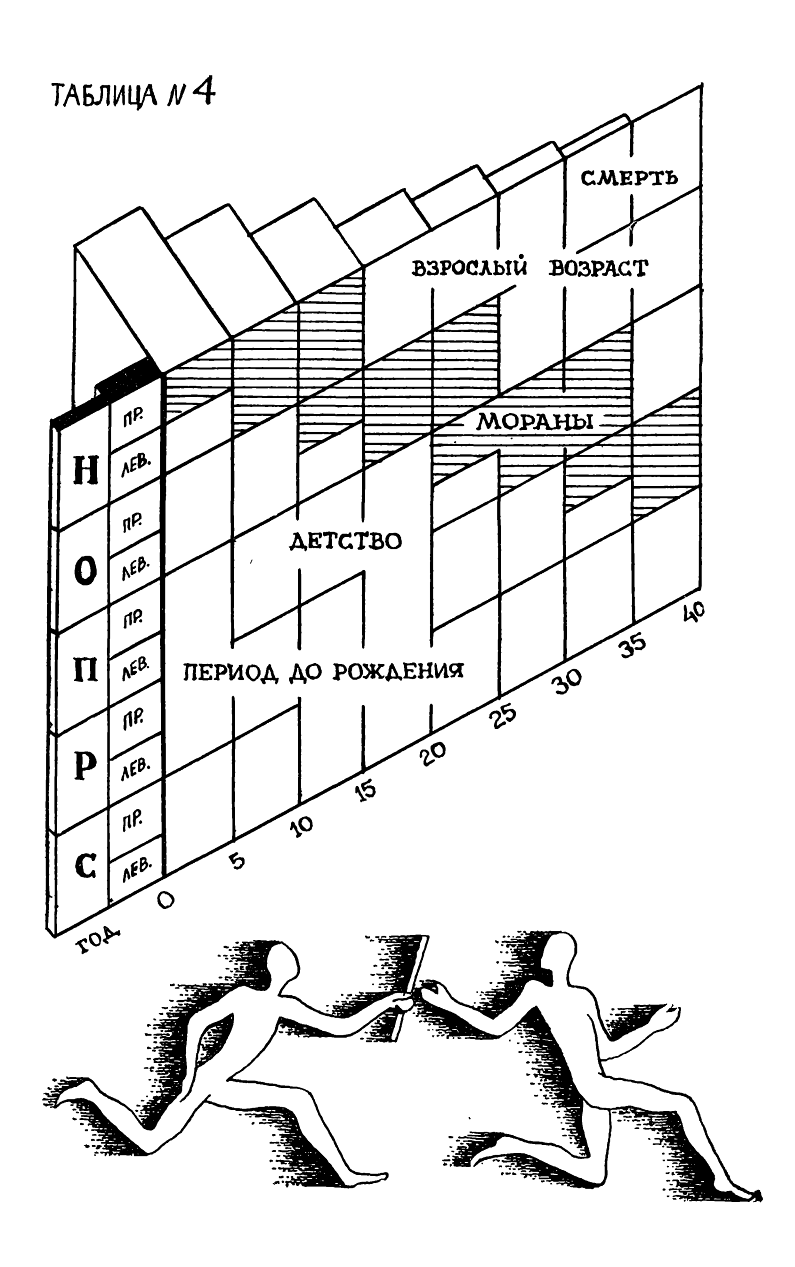

ТАБЛИЦА № 4
СМЕРТЬ
ВЗРОСЛЫЙ ВОЗРАСТ
МОРАНЫ
ДЕТСТВО
ПЕРИОД ДО РОЖДЕНИЯ
Н
О
П
Р
С
ПР.
ЛЕВ.
ПР.
ЛЕВ.
ПР.
ЛЕВ.
ПР.
ЛЕВ.
ПР.
ЛЕВ.
ГОД
0
5
10
15
20
25
30
35
40

«Шумерский царственный список» поражает поистине кошмарными сроками правления допотопных и первых послепотопных царей, подчиненных одной тенденции: чем дальше в историческом времени отстояли описываемые события, тем фантастичнее указываемые в них сроки человеческой жизни. «После того как царственность низошла с небес, Эреду стал местом царственности. В Эреду Алулим 28 800 лет отправлял царство. Алалгар отправлял царство 36 000 лет. Два царя отправляли царство 64 800 лет. Эреду был оставлен, его царственность перенесена в Бадтибиру. В Бадтибире Энменлуанна отправлял царство 43 200 лет. Всего «до потопа» 8 царей царствовали в пяти городах 241 200 лет! «После потопа» продолжительность царствований резко падает, хотя и остается внушительной («В Кише Гаур 1200 лет отправлял царство»). И только начиная с восьмой послепотопной династии идут сравнительно правдоподобные сроки человеческой жизни».

И. Клочков отмечает, что почти все числа правления шумерских царей кратны 360 (по древнему календарю Месопотамии в году было 360 дней). Таким образом оказывается, что день равен году и получить реальные сроки правления можно делением на 360, что математически дает правдоподобные результаты. Возможно, что такими временными коэффициентами древние ученые Междуречья зашифровывали степени «святости» тех или иных династий? Во всяком случае, числа здесь имеют явно выраженный символический характер (намеренное преувеличение призвано придать значимость, священность культу царей, превращая самые сроки их жизни в символ царской власти).

Аналогичные фантастически-символические указания продолжительности человеческой жизни мы находим и в других исторических источниках разных времен и народов. Так, в Библии необычайным долголетием отличаются ветхозаветные патриархи: Адам жил до 930 лет, а Ной — 950 лет. Как и в «Шумерском царственном списке» послепотопные патриархи жили меньше, чем допотопные: Авраам умер в возрасте «всего 175 лет, немногим больше прожил Исаак — 180 лет». В Библии также говорится, что человеческий век «до потопа» составлял 120 лет и жили тогда «на земле исполины». Видимо, не без влияния Библии известный русский историк XVIII века В. Татищев пишет в «Сказании о звере мамонте»: «Жизнь человека продолжалась более 900 лет,

которому помоществовало повсюду разная и благая от благих плодов пища и всегда равно пребывающая теплота даже до произведенного жестокого и праведного божия за грехи потопом наказания».

Этот материал представляет для нас существенную ценность, но не как историческая справка, ибо в нем нет ни грана того, что называется «научными данными» (ни один ученый не поверит в возможность многовековой продолжительности человеческой жизни в прошлом, даже учитывая «райские условия» и «благую пищу»). Важно здесь другое. Уже на ранних ступенях общественного уклада возникло особое явление общественной мысли — возрастной символизм, который будет сопутствовать всей дальнейшей истории возрастов в античности, в средневековье и даже в наше время, сохраняясь и оберегаясь обыденным сознанием.

Использование возрастных категорий в качестве знака определенного социального положения возникает в недрах мифологического сознания, как своеобразной автономной символической формы культуры, особым образом моделирующей мир.

Подводя промежуточный итог рассмотрению истории возрастов жизни на первоначальных этапах развития общества — в пору первобытности и в первых рабовладельческих державах Востока, — надо отметить их особенность в сравнении с более поздними этапами, состоящую во вплетенности представлений о возрастной динамике развития человека в непосредственную жизнедеятельность (ритуал).

Советский исследователь — филолог и историк культуры С. Аверинцев — обратил внимание на эту особенность древних цивилизаций в сравнении с древними греками. Он пишет: «Вся мысль египтян, вавилонян и иудеев в своих предельных достижениях не философия, ибо предмет этой мысли не «бытие», а жизнь, не «сущность», а существование, и оперирует оно не «категориями», а нерасчлененными символами человеческого *самоощущения — в — мире,* всем своим складом исключая техническо-методическую «правильность» собственной философии. В отличие от них греки, если позволительно так выразиться, извлекли из жизненного потока явлений неподвижно-самотождественную «сущность» (будь то «вода» Фалеса или «число» Пифагора, «атом» Демокрита или «идея» Платона) и начали с этой «сущностью» интеллектуально манипулировать, положив тем самым на-

чало философии. Они высвободили для автономного бытия теоретическое мышление, которое, разумеется, существовало и до них, но, так сказать, в химически связанном виде, всегда внутри чего-то иного. В их руках оно впервые превратилось из *мышления — в — мире* в *мышление — о — мире»*.

Таким образом, в период до античности идея возрастов жизни фактически не имела своего теоретического анализа, не была предметом рефлексии. Начиная с древних греков открывается история теоретического освоения понятия о возрастах жизни.

Философия возраста

Понятие о возрастах человеческой жизни в европейской традиции восходит к ионической философии VI века до нашей эры. В воззрениях представителей древней Ионии неразрывно сплелись мифология и философия, магия и стихийный материализм, медицинские и естественные знания. Значение идей ионических мыслителей для развития представлений о человеческих возрастах невозможно переоценить — в преобразованном виде мы находим их у различных философов Эллады (Платон), в эпоху эллинизма, в драматических спекуляциях Византийской империи и в знаменитой «Энеиде» Вергилия, в средневековых трактатах и даже во многих предрассудках современных обыденных представлений о возрастах жизни.

Две идеи древних ионических мыслителей оказались наиболее живучими и распространенными. Одна состояла в утверждении фундаментального единства природы, единства естественных и сверхъестественных сил, восходящая к народным верованиям языческих времен. Мир понимается как единая система, управляемая на основании одного строгого закона (космического детерминизма), обусловливающего все — от движения планет и сезонных изменений вегетативного цикла до судьбы человека. Отсюда понятно стремление выдающегося древнегреческого философа и математика Пифагора найти аналогию между возрастами жизни и сменой времен года, которую мы видим в его классификации возрастов жизни — наиболее древней из известных нам среди ионических мыслителей (см. табл. № 5).

Пифагор сравнивал детство и юность («период становления») с весной, молодость — с летом и т. д. Продол-

Таблица № 5

Классификация возрастов жизни по Пифагору

	Годы
1. Период становления	0—20 («весна»)
2. Молодой человек	20—40 («лето»)
3. Человек в расцвете сил	40—60 («осень»)
4. Старый и угасающий человек	60—80 («зима»)

жительность каждого возраста, по Пифагору, составляла ровно 20 лет. Для современного ума выделение двадцатилетнего цикла скорее всего покажется непроходимым формализмом и выглядит более чем условно. Во времена Пифагора такой «формализм» был выражением совсем другой идеи, ничего общего с современным понятием формализма не имеющей. Мы имеем в виду другое фундаментальное положение ионической философии VI века, своеобразно конкретизирующее идею всеобщей связи явлений, — установление символизма цифр. Цифры для Пифагора — не только математические знаки, но и неотъемлемый атрибут религиозных спекуляций, физического описания мира, магических обрядов и т. д. Это не случайно. Пифагор родился на острове Самос в эпоху тирании Поликрата, союзника египетского фараона Амасиса. Пифагор был знаком с культурой Египта, в частности, с основами музыкального лада струнных инструментов, а также с архитектурой и скульптурой Египта; в последней давались числовые отношения размеров деталей здания (или частей тела), выраженных в некоторых единицах (модулях). Таким образом, числа (у Пифагора целые) являлись «природой всех вещей». Они позволяли древним грекам устанавливать в слитом мире определенные соответствия, которым приписывалось значение отнюдь не случайного совпадения, внешней аналогии, а существенной характеристики космического порядка. Особенно ярко это проявилось в классификации возрастов жизни, данной другим выдающимся древнегреческим философом и врачом с ионического острова Кос — Гиппократом (460—377 или 359 г. до н. э.). Авторство этой классификации приписывается еще афинскому законодателю Солону (VI в. до н. э.). В своем делении возрастов жизни (см. табл. № 6) Гиппократ исходил из древней науки о переломных («климактерических») годах, в центре которой находилась идея цифрового симво-

лизма. Согласно этим представлениям каждые семь (по другому мнению — девять) лет происходит коренная перестройка человеческого организма, опасная для здо-

Таблица № 6

Классификация возрастов жизни по Гиппократу

Период	Годы
Первый	0—7
Второй	7—14
Третий	14—21
Четвертый	21—28
Пятый	28—35
Шестой	35—42
Седьмой	42—49
Восьмой	49—56
Девятый	56—63
Десятый	63—70

ровья и жизни человека. Древние боялись возраста 7, 14, 21... 63, 70, 77 лет (в другом варианте — 9, 18, 27... 63, 72, 81 год).

Особый ужас, понятно, вселял в древние души возраст 63 года, когда оба цикла совпадают. С этими поверьями, возможно, связано мнение Платона о 81 годе, как пределе человеческой жизни. По свидетельству польского демографа Э. Россета, возраст 77 лет («две косы» или «два топорика», перерубающие человеческую жизнь) до сих пор наводит мистический ужас на многих поляков.

Гиппократ в полном соответствии с этими представлениями делил жизнь человека на десять периодов по семь лет каждый, и надо сказать, что его, казалось бы, «нехитрая» классификация оказала огромное влияние на последующих мыслителей.

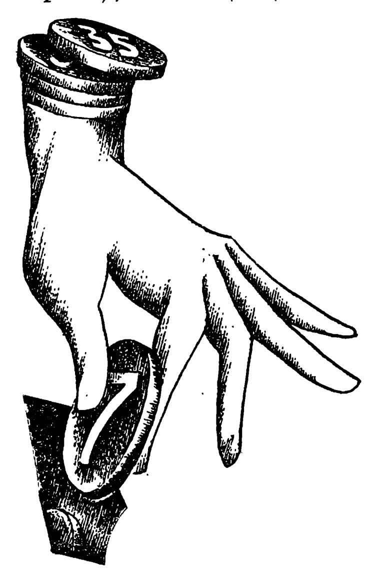
Ее разделяли римский государственный деятель и писатель Плиний Младший, римский грамматик и эрудит Макробиус, арабский философ и врач Ибн Рушд (Аверроэс) из Кордовы. Даже в Библии находим параллели этой глубоко языческой по своему происхождению идеи: Адам, как следует из Святого писания, умер на 931-м году жизни (7×133).

В более поздние времена в XVII веке делались попытки (Мартин Панса) объяснить семилетний цикл следствием влияния Сатурна на нашу земную жизнь.

Лишь в конце этого же века польскому ксендзу К. Нейману, собравшему соответствующий статистический материал и призвавшему на помощь крупнейшего философа и математика того времени Г. Лейбница, при содействии Лондонского королевского общества и известного английского астронома и математика Э. Галлея удалось установить безосновательность положения о «переломных годах жизни», об их якобы смертоносном влиянии на жизнь человека.

Важно отметить, что мир воспринимался и переживался древними греками не в категориях изменения и развития, а как пребывание в покое или вращение по великому кругу. События, происходящие в мире, не уникальны: сменяющие одна другую эпохи повторяются, и некогда существовавшие люди и явления вновь возвратятся по истечении «великого года» — пифагорейской эры.

Обратим внимание читателя на органическую близость, граничащую с непосредственным заимствованием, многих представлений древних греков о космическом и индивидуальном времени и упоминавшихся ранее представлений жителей Древнего Востока. В преобразованном виде здесь можно найти и идею циклического времени (векторное или линейное время играло для греков весьма служебную роль), и концепцию второго рожде-

ния, и элементы линейной возрастной динамики жизни (у Гиппократа).

Вместе с тем, элементы культурной преемственности здесь сильно замешены на оригинальной и самобытной древнегреческой мифологии, на «астрономичности» (по определению советского филолога А. Лосева) античного сознания. Древний грек как бы созерцает совершенный гармонический космос — пластически слепленное целое, как бы некую общую фигуру или статую или даже точнейшим образом настроенный и издающий определенного рода звуки инструмент.

А. Лосев пишет о некоем скульптурном стиле истории, замечая, что космос для античного эллина — это «материально-чувственный и живой космос, являющийся вечным круговоротом вещества, то возникающий из нерасчлененного хаоса и поражающий своей гармонией, симметрией, ритмическим устроением, возвышенным и спокойным величием, то идущий к гибели, расторгающий свою благоустроенность и вновь превращающий сам себя в хаос».

Философско-теоретические воззрения древних греков относительно возрастов жизни необходимо дополнить характеристикой существовавших в ту эпоху структур возрастных групп.

Возрастная структура общества в античности, сохраняя философски осмысленные мифологические элементы, уже принципиально иная. Возраст для древних греков уже не является элементом ритуала, и половозрастное разделение труда фиксируется у них не мифологическими средствами. Миф еще сохраняет свои права, но он уже вынесен непосредственно за скобки жизнедеятельности — буквально вынесен на театральные подмостки (Эсхил, Еврипид, Софокл) — на него смотрят со стороны, рассматривая иллюзорную жизнь богов и героев. Анализируя ее в своем сознании, древний грек не подчиняется слепой воле образца, а мысленно его перерабатывает, согласуясь с логикой жизни. Акцент все более смещается из области мифологии в область философии жизни.

Какова же была сама эта жизнь, взятая в плане ее возрастной динамики?

Прежде всего отметим, что, как и в первобытном обществе, так и в античной Греции, центральное место в общественной жизни занимал зрелый человек. Положение детей было не столь плачевным, как в первобытном обществе, но все-таки «служебным» по отношению к

цветущей поре. Известно, что в Древней Спарте фактически неизменным остался первобытный обычай уничтожения слабых и плохо развитых детей. Спарта была преимущественно военной державой, и в ней почти все было подчинено задачам поддержания и развития военной мощи, основанной прежде всего на культе здорового мужского тела.

Все мужчины в возрасте от 6 до 30 лет были четко организованы и контролировались членами «герусии» (своего рода совета старейшин). С 6 до 18 лет молодые люди воспитывались, готовились к тяготам военной службы, а с 18 до 30 — ее несли. При этом большую часть времени молодые спартанцы жили отдельно от семьи под руководством специальных наставников.

С 30 лет спартанец, продолжая военную службу, получал полные гражданские права и возможность жить дома. После 60 лет он становился членом старшей возрастной группы, из которой и выбирались члены герусии.

В соседних Афинах жизнь была не столь жестко регламентирована, и лишь одна возрастная группа — эфебы (от 18 до 20 лет) была всецело занята вопросами военной подготовки.

Особо отметим изменение положения стариков, которые если и не занимают в античной Греции центральную роль, то и не могут быть отнесены к периферии общественной жизни. Подчеркнутое отношение древних греков к мудрости, ассоциируемой со старостью (Эпикур), делает старика из дряхлого и непригодного к активной общественной жизни члена первобытного общества в фигуру существенную — старейшину, в функции которого входит управление страной, руководство воспитанием подрастающего поколения. В Древней Греции чтили своих долгожителей.

До наших времен дошли сведения о древних долгожителях Эллады преимущественно из среды людей знаменитых, прославившихся на каком-то общественном поприще. Так поэт Симонид прожил 90 лет, поэт Стесихор — 85, философ-атомист Демокрит — 104 года; стоик Зенон — 98 лет и стоик Клеанф — на год больше.

В Риме отрочество считалось до 14—17 лет, до получения тоги взрослого; молодость — до 46 лет (римские граждане, достигнув 46 лет, увольнялись с военной службы и переходили в старший разряд своей центурии); после 46 лет начинался преклонный возраст; в 60 лет, по представлениям римлян, наступала старость.

У римлян совершеннолетие формально наступало с момента, когда по приговору семейного совета юноша снимал с себя детское одеяние и надевал мужскую тогу.

Признаком совершеннолетия признавалось наступление половой зрелости, что в древности могло почитаться свидетельством в пользу пригодности юноши к военной службе. В императорском Риме мужское совершеннолетие устанавливалось в границах 14—17 лет. Относительно женщин, по свидетельству римских юристов, совершеннолетие наступало раньше, приблизительно к 12 годам. Впрочем, последний вопрос не имел практического значения, так как женщина в Риме всю жизнь находилась под «вечной» опекой отца, мужа, ближайших родственников.

И. Кон, анализируя особенности возрастного уклада в Древнем Риме, пишет: «В республиканском Риме основным механизмом воспитания детей, во всяком случае у верхушки общества, была семья. Сначала ребенка воспитывала мать, затем отец, часто с помощью специальных воспитателей из числа рабов. Позже, когда подросток начинал участвовать в общественной жизни, им обычно руководил личный друг или патрон семьи. Римский обряд инициации — вручение мужской одежды — также являлся в большей мере семейным делом. Такая система способствовала воспитанию индивидуализма и ориентировала молодого человека прежде всего на собственную семью».

Вместе с тем именно в Древнем Риме возрастные понятия, как нигде ранее, обнаруживают явственную тенденцию к обозначению общественных связей человека, выходящих за рамки чисто семейных отношений. Недаром они являются особым предметом римского права. В своем социальном наполнении — как этапы социальной жизни — рассматриваются возрастные категории в трудах римских мыслителей. Так, например, латинское слово «iuvenis» («юноша») фигурирует у Тацита в разных значениях — им он обозначет и 14-летнего подростка, и юношу в 18 лет, и мужчину 30 лет, и даже 36-летнего консулярия. Главное в семантике слова «iuvenis» у Тацита — представление о человеке, стоящем на пороге общественной деятельности, но не обладающем всей полнотой сил, прав и обязанностей самостоятельного гражданина. Этот главный смысл слова раскрывается в контекстах, вроде следующих: «...становясь юношами (iuvenis), которым вот-вот предстоит выступить на Фо-

руме (Диалог об ораторах, 33,4); «юноша» (iuvenis) — это тот, кто готовится к выступлениям на Форуме и ораторской деятельности» (там же, 34,1).

Другой видный представитель своей эпохи — римский юрист Ульпиан (III в. до н. э.) составил первые в своем роде таблицы смертности, ставшие впоследствии одним из важнейших методов демографического исследования, которые представляют любопытный памятник античной культуры (см. табл. № 7).

Таблица № 7

Средняя продолжительность предстоящей жизни по Ульпиану

Возраст	Средняя продолжительность жизни	Возраст	Средняя продолжительность жизни
0—20	30	44—45	15
20—25	27	45—46	14
25—30	25	46—47	13
30—35	22	47—48	12
35—40	20	48—49	11
40—41	19	49—50	10
41—42	18	50—55	9
42—43	17	55—60	7
43—44	16	60 и старше	5

Комментируя это примечательное свидетельство римской юридической мысли, уместно провести аналогию с современными таблицами смертности, которые имеют серьезное практическое приложение, что интуитивно осознали реалистичные и прагматичные римляне. Достаточно сослаться на институт страхования, для которого таблицы продолжительности предстоящей жизни — необходимый инструмент успешной работы. Действительно, для заключения страхового договора далеко не безразлично то обстоятельство, что человек в возрасте от 0 до 20 лет имеет почти стопроцентную вероятность прожить еще не менее 30 лет, а шестидесятилетний — только 5 (как видно из таблицы Ульпиана). В наше время в разных странах мира числа эти, естественно, разные, но принцип подхода сохраняет свой смысл.

Немного нарушая хронологическую последовательность и забегая вперед в историческом времени, заметим,

что в XVIII—XIX веках именно математики, работавшие в страховых компаниях, более всех помогли прогрессу науки о продолжительности человеческой жизни. Это понятно: страховая компания жизненно заинтересована в максимально точном прогнозе вероятной продолжительности жизни, ибо без него трудно вычислить сумму взносов, приносящих прибыль по большинству страховых полисов. В новое время усилия Ульпиана продолжил уже упоминавшийся Эдмунд Галлей и другие составители «таблиц жизни». Один из них — Джеймс Додсон — в 1756 году пригласил в лондонскую таверну «Куинз хэд» нескольких дельцов для обсуждения научно обоснованной системы взносов по страхованию, рассчитанных при помощи «таблиц жизни». Так возникло «Общество равноправного страхования жизни», которое первым стало применять научно-демографические методы в страховании.

Однако мы отвлеклись — вернемся в античность.

Из таблицы Ульпиана также можно сделать вывод, что возраст 65—67 лет считался в Древнем Риме уже вполне нормальной продолжительностью жизни.

К этому следует прибавить, что вообще в Древнем Риме старик становится довольно видной фигурой. О почитании стариков в Риме говорит хотя бы тот факт, что высшее государственное учреждение называлось «сенат» (от слова «senec» — старик). Кстати, отсюда же пошло и название «сенат» — известного органа государственной власти в послепетровской России, которое к тому времени потеряло близкую связь с исходным этимологическим значением как «совет старейшин», а трактовалось как место заседания и отправления общественных обязанностей наиболее уважаемых и облеченных властью мужей вне зависимости от их возраста.

Одновременно старость была и предметом философских спекуляций римлян, среди которых выделяется трактат знаменитого оратора Цицерона «О старости», оказавший существенное влияние на судьбы изучения старости как особого возраста в последующие времена.

Выдвинутый им тезис — старость есть болезнь — просуществовал вплоть до нашего времени, составляя во многом центральное звено трактовки этого возраста в средневековье, Возрождении и даже в новое время.

Опираясь на этот тезис, римский врач и естествоиспытатель Клавдий Гален (ок. 130 — ок. 200), непререкаемый авторитет в медицине вплоть до Возрождения,

направление трудов которого справедливо назвать «натурфилософским», сделал множество полезных советов о гигиене старости, рассматривая возможности профилактики старости (как болезни) — гимнастика, массаж, занятость, ограничения в питании, опасность кровопускания и т. д. То есть старость уже в Древнем Риме становится предметом достаточно подробного и разностороннего осмысления и анализа.

Резюмируя рассмотрение возрастной проблематики в эпоху античности, отметим ее основные особенности. Древние греки сделали представления о возрастах жизни предметом философствования, впервые осмыслили их как особый предмет теории жизни. Они заложили в основание теоретического анализа возрастов идею космического детерминизма, фундаментального единства природы, развили и усовершенствовали возрастной символизм.

Римляне сделали возрастные представления предметом своего права (юриспруденции), вскрыли неразрывную связь возрастных категорий с процессами общественной жизни. Со стороны реальной системы возрастного деления общества важно отметить изменение роли стариков (при сохранении главной позиции за «зрелым человеком»), которые становятся объектом подчеркнутого уважения (как мудрецы).

Здесь же следует сказать, что античность представляет собой относительно замкнутый и цельный фрагмент истории человечества и развитые в ней представления о возрастах жизни весьма специфичны именно для мировоззрения древних эллинов и римлян.

В то же время мы указали на идеи, которые получат свое развитие в ходе дальнейшего осмысления возрастных категорий жизни, то есть сделали акцент на линии исторического развития, а не только на специфике собственно античного сознания.

Уникальной по сути дела была титаническая попытка античков найти целостность картины жизни и составляющих ее стадий (возрастов) средствами философского анализа. Тем самым был намечен магистральный путь развития общественного сознания от мифологии через философию к спектру научных и гуманитарных воззрений нашего времени.

Древние греки и римляне первыми увидели многие из этих аспектов рассмотрения возраста (медицинский, естественнонаучный, юридический, экономический, этический,

эстетический и т. д.). И все же наиболее характерной чертой их мировоззрения была философичность. Пожалуй, никогда впоследствии в истории общества, каких бы высот ни достигала философия в ходе своего развития, она не была уже таким концентром понимания возрастов жизни. Отсюда и тот акцент, который мы сделали в описании возрастов жизни в античности.

Следующий наш шаг — в средние века.

Магия возраста

«Понятие «возрастов жизни» занимает значительное место в псевдонаучных трактатах средневековья, — пишет французский историк Ф. Ариес. — Их авторы употребляют терминологию, которая кажется чисто вербальной: детство (enfance) и отрочество (puérilité), молодость (jeunesse) и юность (adolescence), старость (vielesse) и сенильность (sénilité). Каждое из этих слов призвано обозначить какой-то один определенный период жизни».

Ф. Ариес прав, когда говорит, что эта терминология только кажется нам «чисто вербальной». Для людей средневековья понятия возрастов жизни играли роль «научных понятий», причем очень строгих, не менее существенных, чем понятия «веса», «меры» и т. д. Все дело в том, что понятие о «возрасте», «возрастах жизни», «возрастах человека» для средневековых мыслителей было неотъемлемой категорией восприятия мира, восходящего к системе физического описания и объяснения, разработанной в ионической философии VI века до нашей эры и усвоенной компиляторами средневековья из византийских источников. Подобная система объяснения, как уже отмечалось, базировалась на идее фундаментального единства мира — природного и сверхъестественного.

В этой концепции мира одним из показателей подобной взаимосвязи и единства было совпадение чисел, их символизм. И возрасты жизни трактовались как один из показателей этих таинственных связей человека в мире. Ученые средних веков явно злоупотребляли астральными аналогиями, и поэтому картина связи человека и мира у них носила поверхностный характер астрологического гороскопа, тесно связывалась с «семью планетами», знаками зодиака и т. д. При этом такое понимание было вовсе не шарлатанством, а чисто логическим продолжением идеи космического детерминизма. Важно здесь

ощутить особенность мировосприятия, стиль мышления человека средневековья и его особое ощущение жизни.

В самом общем виде его можно определить как покорность судьбе, року, предначертанию, закрепившемуся в известной французской поговорке «Такова жизнь!».

Для человека средних веков жизнь была циклической преемственностью, подчас смешной или же меланхолической, набором возрастов жизни, предначертаний. Она была скорее общим порядком и сущностью вещей, чем личным опытом каждого, и очень небольшому количеству людей выпадало на долю прожить все эти возрасты в эпоху высокой смертности, которую, кстати, ученые объясняют, в частности, упадком врачебного искусства.

Тема возрастов жизни была необычайно популярна в средние века в народном искусстве, а также позднее в работах профессиональных живописцев, например, Тициана и Ван Дейка. Любопытно, что живопись раннего средневековья изображала ребенка как копию взрослого, уменьшенную в размерах, отличить которого возможно лишь по некоторой символической атрибутике. Равно и представители других возрастов жизни распознавались прежде всего по некоторым атрибутам одежды и предметной среды (школяр с книжкой, возле старика стоит смерть с косой и т. д.).

Занятно и то, что при столь внимательном отношении к возрастам жизни они очень часто путались: не делалось различия между отрочеством и юностью, а, в свою очередь, эти два понятия легко подводились под общее — детство. Это хорошо видно на примере средневековых школ и университетов, которые не строились по возрастному принципу, и в одном классе находились школяры разного возраста.

Поразительно и фактически абсолютное безразличие средневековья к биологическим факторам, в частности, к половому созреванию, которое никто не принимал за окончание детства. Детство было тесно связано с идеей зависимости и не кончалось, пока не кончалась зависимость от «сеньора». Поэтому «мальчиком» (valet, garson) мог быть назван человек практически в любом возрасте.

Словом, на первом плане находились вопросы сословные, а о возрастном самосознании в нашем современном понимании этих слов применительно к средневековью можно говорить лишь условно.

Естественно, что при таком миропонимании говорить о какой-то жесткой реальной возрастной структуре обще-

ства не приходится. В отношении деревенских общин средневековой Европы бессмысленно, например, разделять «детство» и «молодость» — они слиты в «сплошности» общинного сознания, лишавшего человека всякой индивидуальности, в том числе и возрастной. Здесь возрасты жизни существовали как фактор половозрастного разделения труда — не более.

В городах с их ремесленными цехами существен был лишь возраст, когда ребенок мог стать «подмастерьем» и достичь противоположного полюса «карьеры» — стать старейшиной. Здесь возрастная дифференциация более подробна, но также не существенна.

Словом, ученые Византии и средневековой Европы дали наименования отрезкам жизни, многие из которых тогда для большинства населения не существовали. И детство, и отрочество, и молодость, да и старость — завоевания более поздних эпох развития человечества. Вот, кстати, почему Ф. Ариес и говорит о вербальности средневековой проблематики возрастов жизни.

Говоря о средних веках, нельзя не затронуть один мотив, который нашим современникам покажется экзотическим — и совершенно напрасно. Дело в том, что, говоря о людях средних веков, причем даже о таких их выдающихся мыслителях, какими были Фома Аквинский и Августин Блаженный, трудно скрыть, что они верили в бесов. Августин, например, утверждал, что Церера, Вакх, Пан, Приап, фавны, сатиры, дриады, наяды и ореады «все суть действительные бесы». Чему же удивляться в таком случае, что простонародье со священным трепетом и вполне искренне верило в то, что на огне костра инквизиции горят «самые натуральные ведьмы».

Короче, нельзя отрицать, что средние века были подвержены существенному влиянию мистического мировосприятия, которое затронуло и возрастную тематику, в частности, такой известный вопрос, как взаимоотношения молодости и старости, попытки вернуть молодость, продлить жизнь. Поэтому расскажем об этом отдельно.

Справедливости ради надо заметить, что попытка установления связи между возрастами жизни и действием магических сил не составляет сугубую привилегию средневековья. Магическими манипуляциями с возрастом человек занимался с древних времен; интересуется магией и наш просвещенный век — нет-нет и всплывет какой-нибудь очередной «медиум», грозящий современникам открытием тайн бессмертия и долголетия.

Впрочем, это очень старая история. Испокон веков не только о бессмертии и долголетии мечтал человек. Не продления жизни ищет, к примеру, легендарный Фауст — он жаждет продления молодости. Из древней греческой мифологии известна фигура несчастного Титона, которому по просьбе богини света Эо даровали бессмертие, но не дали вечной молодости. Джонатан Свифт описал бессмертных жителей Лапуты: тот, кто рождался со знаком бессмертия на лбу, был заранее обречен на бесконечное прозябание в старческом возрасте.

История человечества, в том числе и самая дальняя, дает примеры многочисленных попыток найти «эликсир жизни», а точнее, «эликсир вечной молодости», избавления от старческой немощи, недугов и страданий.

Уже в древнеиндийской медицине Аюрведе мы находим соображения, направленные на сохранение молодости, в которых много практической житейской мудрости, советов гигиенического характера.

В известном древнеегипетском папирусе Смита приведены советы более чем сорокавековой давности, помещенные под многообещающим заголовком «Начальная книга превращения старых в молодых». Впрочем, рецепты разочаровывают любителей сильных средств, ибо это в основном косметические советы. В конце рукописи автор сам признается, что эти средства «излечивают плешь, пятна на коже и другие неприятные признаки старости» — не более.

В древней греческой мифологии встречается миф о волшебнице Медее, обладавшей силой возвращать старикам молодость, разрезая их на куски и кипятя в котле с волшебными травами. Предания сохраняют воспоминания об одном из колхидских царей, который подвергся этой мучительной процедуре, впрочем с фатальным для себя исходом, хотя его операции предшествовал «эксперимент», в результате которого Медея якобы успешно омолодила козла.

Источник этого предания — древнеегипетский миф о воскрешении и омоложении Озириса, а также греческие мистерии поэтического цикла Орфея. Эта идея омоложения после купания в волшебном котле, как известно, вдохновляла римского поэта Овидия и александрийского алхимика Зосимоса. Здесь же вспомним и мифическую птицу Феникс, также возвратившую себе юношескую свежесть, возродившись из пепла.

Мотив омоложения — излюбленный сюжет многих

народных сказок, таких, например, как японская сказка «Веер молодости», или одна из сказок братьев Гримм «Кованный заново человек».

Впрочем, в народных сказках мотив омоложения волшебными средствами часто сопровождается иронией — в одной японской сказке старуха переусердствовала, приникнув к «омолаживающему роднику», и превратилась в ребенка, о чем повествуется не без сарказма. Вспомним также печальную судьбу царя из русской сказки о Коньке-Горбунке, который, как известно, «бух в котел и там сварился».

Особенно оживляются попытки найти способ омоложения в средние века, причем понятно почему — это было отношением к старости как таковой: если в древнегреческой литературе старцы всегда изображаются прекрасными, то в средневековье их изображения безобразны. Отсюда столь страстное желание омоложения. И средневековые астрологи, алхимики, философы ищут «философский камень», который мог бы дать человеку богатство, силу и молодость.

Главнейшими алхимическими средствами для возвращения молодости считались золото, тело мумий, мясо гадюки и человеческая кровь. Объяснялось это так: золото, например, «тесно связано с солнцем» — источником тепла и «поэтому» способствует сохранению жизненного тепла и т. д. Знаменитый ученый средневековья Роджер Бэкон утверждает, что с помощью магии можно освободить человеческое тело от всех «неправильностей» и продлить жизнь на века. Особенно он рекомендовал чистое золото, ладан, жемчуг, розмариновое масло, костный мозг, сырое мясо гадюки и... дыхание молодых женщин.

Последнее было связано вот с чем.

Одним из неизменных «спутников» старости является потеря половой потенции, хотя описано немало случаев, когда люди в 120—150 лет сохраняли не только немалые умственные силы, но и силы физические, в том числе и половую потенцию. Так фермер из Шропшайфа Томас Парр прожил 152 года трудовой, крестьянской жизнью. В 120 лет он вторично женился на вдове, с которой прожил 12 лет, он был бодр так, что, как говорят современники со слов вдовы, она не замечала его старости. Впрочем, исключения на то и исключения, чтобы явнее выделять правила.

Вместе с тем человечество меньше всего готово согласиться с категоричностью некоторых законов жизни. Из-

вестно, что исторически, особенно во время моды на «черную магию» (XIV—XVIII века), прилагались многочисленные усилия найти способы продления половой потенции самыми различными способами. В числе подобных были и такие, которые в наш просвещенный век мы назовем не иначе, как варварскими, хотя и относятся они к временам более поздним и отмечены в колыбели западной цивилизации — Европе.

Одним из этих способов был вампиризм. Первоначально предполагали просто пить кровь молодых людей с целью омоложения. В дальнейшем, правда, этот «метод» из арсенала черной магии в XVI—XVII веках нашел свое парадоксальное преломление в чисто научной идее переливания крови, о чем современная медицина предпочитает умалчивать, по известным соображениям гнушаясь своего малосимпатичного «предка».

Не менее распространен был и сунамитизм — также магический прием, основанный на идее омолаживающего действия дыхания молодых девушек, содержащего якобы «жизненную силу во всей ее чистоте», о чем еще утверждал Роджер Бэкон.

Стоит ли подробно говорить о том, сколь тщетны были эти усилия, направленные прежде всего на то, чтобы принять желаемое за действительное, к чему, впрочем, испокон веков и стремилась магия.

Навязчивость магических «методических рекомендаций» в средневековье поражает — они повсеместны. И все напоминают по сути такой «рецепт», принадлежащий врачу и философу М. Фичино (1433—1499): если человек достиг 10×7 или 9×8-летнего возраста, древо его тела становится все более и более сухим, поэтому, чтобы помолодеть, он нуждается в жидкостях молодого тела. Он должен отыскать молодую, здоровую и красивую женщину и, приникнув ртом к ее груди, пить ее молоко во время полнолуния, а затем он должен есть порошок укропа с сахаром, так как сахар препятствует свертыванию молока в кишечнике, а укроп — друг молока и открывает ему путь ко всем органам.

Впрочем, простота магической рецептуры оказалась сродни простоте последствий ее применения — она не давала просто никакого эффекта, даже если средства были достаточно сильные: например, состоятельные старики ложились спать между двумя специально тренированными девственницами и... никакого эффекта!

Экспансия магических средств продолжалась доста-

точно долго. И в XVI веке мы находим упоминание о некоем немецком враче Парацельсе, который искал «эликсир жизни», нашел его, постоянно пил и... умер в возрасте 48 лет! В 1972 году другой немец Кахаузен раскопал в писаниях средневековых врачей имевший большое хождение в ту пору «рецепт царя Давида» об омоложении теплом, но искомого эффекта также не достиг.

Этот список можно продолжать довольно долго. Но своей цели мы уже достигли. Мы показали «блеск и нищету» магии возраста в средневековой Европе. Пора двинуться дальше.

На пути к науке о возрасте

Ренессанс был обращением к «светлой античности», несмотря на различия в трактовке этой особой эпохи развития человечества. При этом не столь уж важно, противопоставляем ли мы Возрождение средним векам или пытаемся найти в них черты культурной преемственности — в конечном счете, если не абсолютизировать эти крайние точки зрения, они прекрасно уживаются (несомненно как то, что Ренессанс вызрел в недрах средневековья, так и то, что он существенно отличался от последнего).

Чтобы выразить эту «преемственность-отличие», необходимо обратиться к сквозной для античности — средневековья — Возрождения как непосредственно сменяющих друг друга исторических эпох идее guinta essentia (пятой сущности).

Древние греки и латиняне понимали под нею некий пятый, причем основной, элемент — основную сущность вещей, одухотворяющую, приводящую в движение другие субстанции (воду, землю, воздух и огонь — первые четыре сущности), и трактовали ее как стихию, из которой рождается человек, подобно тому, как Вергилий в кораблекрушении Энея видел символ рождения человека среди бурь существования.

Средневековые мыслители отдали дань этой аллегории, трактуя ее в духе схоластики и теологии («судьба», «рок», «провидение», «предначертание»). «Титаны Возрождения» (Ф. Энгельс) называли «пятой сущностью» живого, эмпирического человека. Именно отсюда берет начало современное значение слова «квинтэссенция», которым мы сегодня обозначаем нечто главное, самое важное, сущность вещей и явлений. С Возрождения этим са-

мым главным предметом для человека становится он сам.

Перемены в понимании возрастов жизни, следующие из изменения отношения к жизни как таковой, начавшиеся в Возрождении и подхваченные Просвещением, коснулись главным образом детства, причем прежде всего в аспекте воспитания. Средневековье во многом забыло «пайдейю» (искусство воспитания у древних) и не видело в ней никакой проблемы. В то время как в более ранние эпохи развития человечества мир детей и мир взрослых существенно разделялись, в средневековье дети вступали в жизнь взрослых сразу, как только они могли обходиться без помощи матери или кормилицы (приблизительно около 7 лет). Дети сразу же вливались во «взрослую семью», разделяя со всеми тяготы подневольного труда. Семья не была, как в античности, основной ячейкой воспитания; ее функции ограничивались продолжением жизни, ее воспроизводством (чисто физическим) в новом поколении, передачи ей имущества и фамильного имени.

Средневековое общество вовсе не связывало с детьми представления о своем будущем, которое считалось подверженным совсем иным закономерностям (судьба, рок и т. д.). Если в семье и заботились, то прежде всего о старшем сыне, как прямом наследнике — не более.

Гуманисты Возрождения, открывшие мир человека, вместе с тем оказались удивительно нечувствительными к педагогической проблематике. Провозглашая высокое предназначение человека, они, однако, мало заботились о его воспитании. И детство в эпоху Возрождения мало чем отличалось от детства времен «мрачного средневековья».

Как это ни парадоксально, но мыслители Возрождения не оказали существенного влияния на развитие возрастного самосознания человека; в этом плане они существенно «проигрывают» реформаторам педагогики (просветителям), моралистам, боровшимся с «анархией» средневекового общества (и Возрождения) за крепкую семью и «новую» школу.

Просвещение, непосредственно примыкающее к Возрождению, в корне изменило характер детства, поставив в качестве его духовных наставников семью и школу. Семье вновь вменяется в обязанности заботиться о попечении и воспитании детей. Школа лишает ребенка «свободы», запирая его в жесткий режим дисциплины (включая розги, плеть и карцер).

Одним словом, мир детей выводится за рамки взрослого мира, отделяется от него барьерами семейного воспитания и школы.

Итак, Возрождение и Просвещение изменили прежде всего положение детей в обществе, но не принесли им счастья. Забота о просвещении была омрачена жестокостью, жестокостью дисциплины и наказания.

Выделение мира детей в особый концентр создало зазор с миром взрослых, который ребенок должен преодолевать на пороге взрослой жизни, переходя от ее школьного понимания к реальному. Школа стала готовить к «настоящей» (то есть взрослой) жизни. Школа стала и инструментом сословных распределений, сортируя детей по «классам и разрядам» в соответствии с их социальным происхождением.

Любопытно, что если в более ранние времена дети разных классов играли в одни и те же игры, то теперь сам характер игры дифференцируется в зависимости от сословия. Феодализм становится все более «загнивающим», его целостный организм распадается. На смену идет строй капитала.

В эпоху капитализма изменение возрастного самосознания как следствие перемен в общественном производстве, изменение характера жизни и ее возрастных границ идут сразу по нескольким линиям.

Одну из наиболее любопытных фиксирует развитие литературы. Ее можно было бы назвать новым открытием детства, которое осуществили романтики в начале XIX века.

В автобиографии «Поэзия и правда» Гёте вспоминает, что во времена его детства (середина XVII в.) не было детской литературы (специальных книг для детей, кроме, конечно, учебников), в то время как в начале XIX века таких книг стало немало.

Советские исследователи М. Эпштейн и Е. Юкина в этой связи отмечают, что для того, чтобы мыслить о детстве, нужно вырасти из него, почувствовать бремя иного возраста. Само понятие детства как самоценной стадии духовного развития могло возникнуть только на почве сентиментально-романтического умозрения. Классицизму была чужда поэзия детства — его интересовало всеобщее, образцовое в людях, и детство представало как возрастное уклонение от нормы (не-зрелость), или как сумасшествие — психическое отклонение от нормы (неразумие). У просветителей уже намечался интерес к дет-

ству, но скорее прозаический, воспитательный, чем поэтический: в своих демократических устремлениях они стали писать не только для третьего сословия, выводя литературу за пределы аристократического, избранного круга, но и для детей (низших в возрастной иерархии), видя в них благодатную почву, на которой могут взойти достойные плоды разумности и добронравия.

Просветители первыми начали создавать литературу, преимущественно дидактического плана, для детей. Однако только романтизм почувствовал детство не как служебно-подготовительную фазу возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает людей. Все отношения между возрастами как бы перевернулись в романтической психологии и эстетике: если раньше детство воспринималось как недостаточная степень развития, то теперь, напротив, взрослость предстала как ущербная пора, утратившая непосредственность и чистоту детства.

Итак романтики открыли для мировой литературы детство как самостоятельную реальность, как мир в себе.

Вместе с тем для этих изменений существовали и основания отнюдь не романтического характера. Перемены затронули не только область литературы — в ней они лишь проявились — но и область педагогики, политики, экономики. Развитое капиталистическое производство никогда не гнушалось детского труда, однако по мере своего усложнения, интенсификации, введения новой технологии экономика потребовала подготовки образованного и квалифицированного рабочего, что, в конечном счете, должно было привести к необходимости более основательной подготовки будущих рабочих. Определенное развитие получило образование.

Прогрессивные политики боролись за продление детства, запрещение детского труда. Все это не могло не сказаться на отношении к детству в самом широком общественном плане, которое достаточно показательно и может быть своеобразной «лакмусовой бумажкой» отношения буржуазного строя к возрастной проблематике вообще. С одной стороны, заинтересованность в квалифицированном рабочем и забота об образовании, с другой — эксплуатация детского труда (вспомним яркие образы Диккенса!); с одной стороны — превращение возраста в экономическую категорию, с другой — взлет романтического понимания детства и т. д.

Столь же противоречивые выводы часто делаются и

буржуазными теоретиками, которые можно показать на таком примере.

В демографической литературе отмечена парадоксальная ситуация: ухудшение условий жизни населения (война, безработица, экономический кризис, инфляция и т. д.) часто удивительным образом сопряжено со... снижением детской смертности. Для некоторых реакционных теоретиков это являлось одним из «фактов», якобы подтверждающих их странную логику — «чем хуже — тем лучше»: чем хуже положение страны, тем это, дескать, лучше для населения (?).

Анализируя ситуации этого типа, К. Маркс писал в первом томе «Капитала», что в период общей безработицы и нужды, господствовавших во время кризиса, вызванного приостановкой подвоза хлопка вследствие гражданской войны в США, врачи заметили, что детская смертность сокращается. К. Маркс объясняет, что застой в промышленности вернул детям по крайней мере на какое-то время их матерей, оставшихся без работы, чем в конечном счете объясняется улучшением ухода за детьми в этот период и, как следствие, снижение их смертности.

Таковы парадоксы капитализма.

Здесь же надо отметить, что и возникновение возрастной и педагогической психологии во многом обязано парадоксам капитализма. Развитие капиталистического производства и его усложнение потребовало уже в конце XIX века существенно улучшить подготовку квалифицированных кадров, и отсюда возникла необходимость выделения наиболее талантливых и способных детей. Следствием этого и был социальный запрос к психологам — выработать соответствующую процедуру выяснения одаренности. Так возникли знаменитые тесты французских психологов Бинэ и Симона, с которых, собственно, и берет начало научная детская психология.

Возвращаясь несколько назад во времени, необходимо отметить, что с самого своего зарождения капитализм стимулирует научные исследования, от результатов которых во многом зависит прогресс производства и, как следствие, получение прибылей, конкурентоспособность предприятия и т. д. В первую голову это касается естественной науки. Побочным результатом этих исследований были всевозможные физиологические концепции возраста, главным образом периодизации возрастного развития личности, рассматривающие это развитие преимущественно как развитие организма.

Однако более существенные изменения происходят в XIX веке не в возрастной периодизации жизни, а в понимании сути отдельных возрастов. Мы уже говорили об изменениях отношения к детству. Отметим также и перемены в отношении к старости.

Как уже говорилось, старость как особый период развития человека исторически эволюционировала. При этом и фактически, и в сознании наших предшественников старость начиналась достаточно рано и довольно тесно примыкала непосредственно к молодости (для юристов прошлого они были неразличимы). «Старикашки» Мольера — еще достаточно молоды, ибо старость понималась не как дряхлость, а скорее как старение, которое действительно начинается у человека гораздо раньше наступления старости: выпадение волос, ношение бороды, наконец, просто лысина (именно так обстоит дело в тициановском концерте, представляющем возрасты жизни, где старик изображаем просто лысым!). И вообще старость не больно почиталась в совсем недалекие времена — с ней ассоциировались набожность и болтливость, аморфный покой и безжизненная книжность.

Несмотря на то, что осмысление и исследование старости началось давно (по крайней мере со времен Гиппократа, Цицерона и Галена) и было уже достаточно интенсивным в новое время, однако изучение ее проходило под старым лозунгом Цицерона: старость есть болезнь. Вероятно, поэтому в конце XIX века знаменитый французский врач, психиатр и психолог Ж. Шарко настаивал на необходимости преодоления пренебрежения по отношению к старости и тем самым сделал Францию на долгие годы центром научной геронтологии. По этому пути — изжития предубеждений относительно человеческой старости — пошел в России конца прошлого — начала нашего века И. Мечников, а после Октября А. Богомолец, А. Догель, М. Мильман, А. Нагорный, Н. Стражеско и другие.

Фактически мы можем говорить о принципиально новом открытии старости учеными конца прошлого — начала нашего века, главным в котором было установление точки зрения на старость как на равноправный в ряду других — человеческий возраст, не сводящийся к процессам распада, а самоцельный и особенный по своим характеристикам период.

Причин оживления интереса к старости было много, и самых различных: и демографические (в конце

XIX — начале XX века человечество стало «стареть», то есть увеличилась доля стариков в обществе), и экономические (характер производства требует от рабочих квалификации и опыта, которые приходят с возрастом), и медицинские (преодоление ряда болезней, увеличивавшее продолжительность жизни), и, наконец, религиозно-философские споры о возможности человеческого бессмертия, удивительным образом соединившиеся с прогрессом биологической науки, от которой стали ждать научных обоснований вечной жизни.

Какой же вывод мы можем сделать из рассмотрения истории возрастов жизни в новое время?

Читатель, видимо, уже заметил, что нам все труднее оставаться в рамках какого-либо одного угла зрения. В осмысление проблем возраста все настоятельнее включаются педагогика и экономика, юриспруденция и эстетика.

Пожалуй, все же правомерно сделать акцент на науке как ведущей форме общественного сознания XX века. Именно научные исследования проблемы возраста составляют суть и нашего времени. Для нас олицетворением этого научного подхода будет наука психология, через призму которой мы попытаемся посмотреть на современную проблематику возраста жизни. При этом объектом нашего изучения будет возрастная проблематика в обществе.

Возрасты жизни в современном мире

И в наше время, в том числе и среди людей весьма образованных, встречаешься с мнением, что в истории нет ничего реального, кроме исписанной бумаги (М. Ланглуа и Ю. Сеньобос), что единственной реальностью является настоящее (Г. Рейхенбах) — одним словом, с той или иной формой нигилизма по отношению к истории. Впрочем, история действительно приносит пользу лишь тому, кто ее изучает. Люди, которые признают только настоящее, наличную данность — чаще всего это позитивисты, которых в наше время гораздо больше, чем иногда думают, — считают обращение к истории формальностью, хорошо оплачиваемым любопытством — не более.

Из многих заблуждений, которые неизменно сопутствуют научному поиску, этот наихудший. Одна из страшнейших человеческих болезней — расстройство памяти, приводящее к распаду личности, превращающая

человека в существо «ниоткуда и никуда». Игнорирование истории — аналогичная болезнь, дезориентирующая нас во времени. Какой же урок мы можем извлечь из нее, переходя к анализу современной возрастной динамики развития личности?

Прежде всего нужно констатировать, что даже беглое знакомство с историческим развитием возрастов жизни не оставляет никаких сомнений относительно социального происхождения и культурно-исторической детерминированности возрастных аспектов жизни человека. Не естественный закон внутри нас, не биологический ритм существования, а развертывающийся в истории процесс формирования фаз человеческой жизни — вот суть грамотного подхода к возрастам жизни.

Те процессы изменений возрастной динамики жизни человека, которые мы будем описывать как «современные», есть не что иное, как результат определенного исторического процесса и одновременно его момент (ибо развитие не завершилось!). И сегодня, в конце XX века, мы являемся свидетелями новых изменений, всесторонне понять и объяснить которые сможем, видно, лишь в будущем, однако и сейчас мы не бессильны перед лицом новых фактов и явлений, так как есть бесценный опыт прошлого, благодаря которому только и можно зафиксировать и сами эти изменения. А они затрагивают в наше время весь спектр возрастов жизни.

Существенные изменения происходят в мире детства — оно в XX веке имеет тенденцию к удлинению, так как все больше времени требуется человеку для всестороннего развития своих способностей, овладения теми человеческими качествами, которых требует социальная жизнь, производство, творчество. Одновременно детство интенсифицируется — напряженнее становится «программа» развития личности на разных этапах детства, уплотняется график общественного воспитания и народного образования.

Существенно изменяется, а у некоторых развивающихся народов впервые появляется отрочество как особая стадия развития личности — переходный этап от детства к взрослости.

Буквально на наших глазах изменяется юность, по-новому осмысливается молодость и зрелость человека, которые расширяют свои возрастные границы, отвоевывая годы у старости.

В свою очередь, старость также отодвигается во времени.

Еще более существенные изменения происходят внутри возрастного самосознания людей.

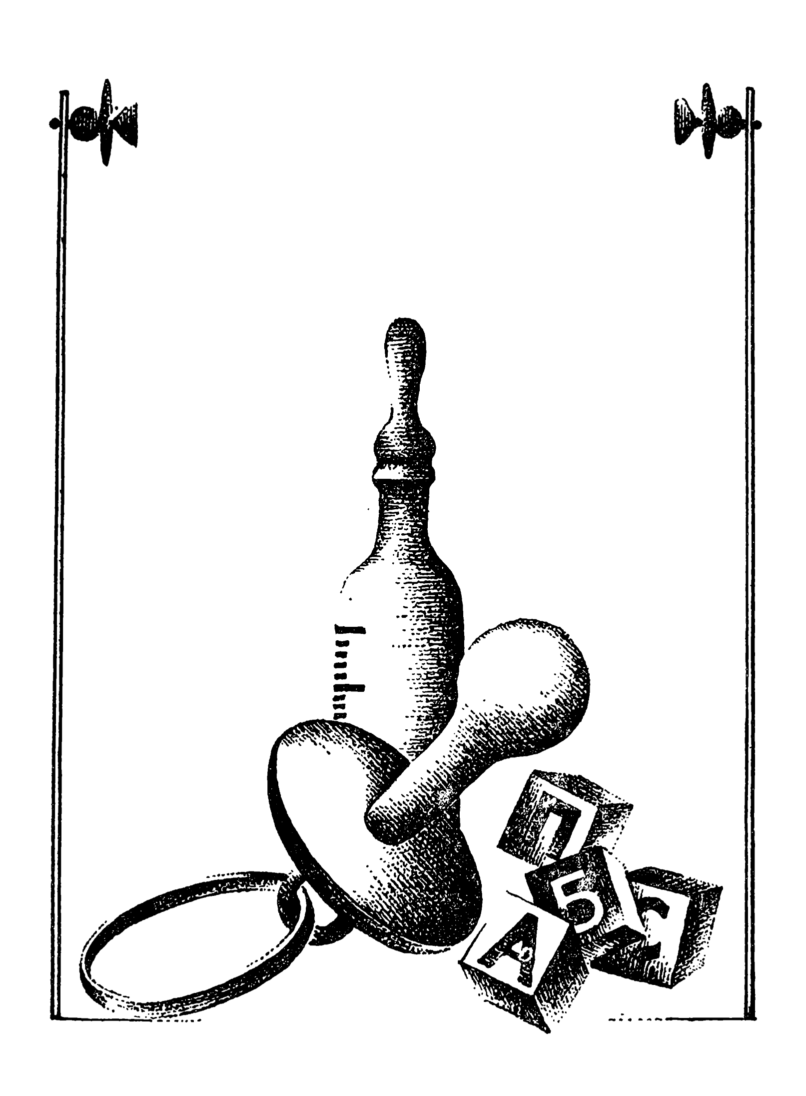
Словом, история возрастов жизни не прекратилась, каждое новое поколение вписывает в нее новую страницу.

Переходя к детальному рассказу об отдельных возрастах жизни в их современном состоянии, мы оказываемся перед необходимостью уточнить ряд, так сказать, процедурных вопросов.

Главный из них следующий: как подступиться к глыбе психологического материала, отобрать наиболее значимое и отбросить второстепенное? Читатели научных журналов и монографий по психологии легко поймут затруднения автора. Простая попытка перечислить существующие точки зрения, теории и концепции, исчисляющиеся десятками, если не сотнями, не говоря уже о совсем нереальной задаче внятно объяснить их расхождения, взаимную критику в рамках небольшой, к тому же популярной книги, вряд ли осуществима. Мы рискуем погрузить читателя в кипящий котел неоконченных научных споров, в детали аргументаций и терминологические нюансы, интересные, пожалуй, лишь профессионалам. «Нельзя объять необъятное», — саркастически усмехался Козьма Прутков — и мы готовы последовать его мудрому совету. Возьмем за правило выносить на эти страницы лишь такие психологические положения, которые относятся к сумме устоявшихся знаний, разделяемых большинством ученых. Правило несложное, но и его непросто выполнить. Автору придется многое принять под свою персональную ответственность, как личную точку зрения. Иначе нельзя, поскольку мы неизбежно задохнемся в море оговорок — «с одной точки зрения», «с другой точки зрения» и т. д. до бесконечности. Постараюсь быть предельно объективным, и, видимо, таким самообязательством стоит ограничиться.

Вторая трудность состоит в определении периодизации жизненного пути личности. Чтобы уйти от сугубо академических дискуссий по этому вопросу, возьмем за ориентир всем понятное деление человеческой жизни на такие основные стадии, как детство, отрочество, молодость, зрелость и старость. Начнем движение «в материале», имея перед собой эти пять ярких маяков, а все остальные поправки в курсе сделаем в пути.

Золотой век детства

О детство! Ковш душевной глуби!..
Борис Пастернак

Все начинается с детства. С детства начинается жизнь человеческая: с детства начинается ее изучение. Это естественно — никому не придет в голову читать книгу с середины или с конца, разве что если первые страницы настолько скучны и многочисленны, то возникнет желание их перелистать, поскорее пробиться к «сути дела». Не так с детством, с детской психологией, внимание и интерес к которым настолько велик, что, продолжая наш образ, многие исследователи готовы задержаться на первых страницах жизни человека как можно дольше и даже предпочитают недочитывать книгу до конца, настолько значительным и всепоглощающим оказывается интерес к началу.

Если кому-то наши сравнения покажутся не слишком прозрачными, то выразимся еще прямее. Детская психология сегодня — это $^{9}/_{10}$ всех исследований в области возрастной психологии, ее золотой фонд, полигон для разработки и опробования методов исследования, поле брани различных концепций, плацдарм для самых смелых гипотез, предложений и сомнений. Детскую психологию можно еще назвать душой возрастной психологии, ее прародительницей, наперсницей, наставницей. Словом, можно найти много сравнений, которые будут более или менее точно выражать суть дела.

При этом в любом случае автор, намерившийся пролистать всю книгу человеческих возрастов, оказывается в достаточно сложном, прямо-таки щекотливом положении. Дилемма, которую он должен решать, простая, но достаточно «жесткая». С одной стороны, обилие материалов и детализированность разработки вопросов детской психо-

логии в современной науке такова, что, следуй мы ей в своем изложении, — она займет объем, во много раз превышающий анализ всех других периодов жизни человека. С другой стороны, любые купюры в предельно сжатом очерке детской психологии неизбежно выглядят потерями и жертвами по отношению к целому, ибо все начинается с детства, берет в нем свое начало и, упусти мы какой-либо существенный момент, нам будет трудно отыскать для него место в дальнейшем повествовании. Таким образом, вновь возникает проблема выбора, точнее отбора материала.

Поскольку нет никакой реальной возможности пускай даже кратко изложить все богатство накопленного современной психологией материала о развитии детской личности, поступим просто: выберем наиболее яркие, важнейшие в плане общего хода возрастного развития человека, моменты, обратим особое внимание на критические точки.

Кстати, последнее требует более подробных объяснений. Сказано: критические точки возрастного развития. Что это такое? Так как и в дальнейшем, разбирая иные возрастные периоды жизни человека, мы будем оперировать подобным термином, стоит сразу выяснить, что называется возрастным кризисом психического развития личности.

Грани возраста

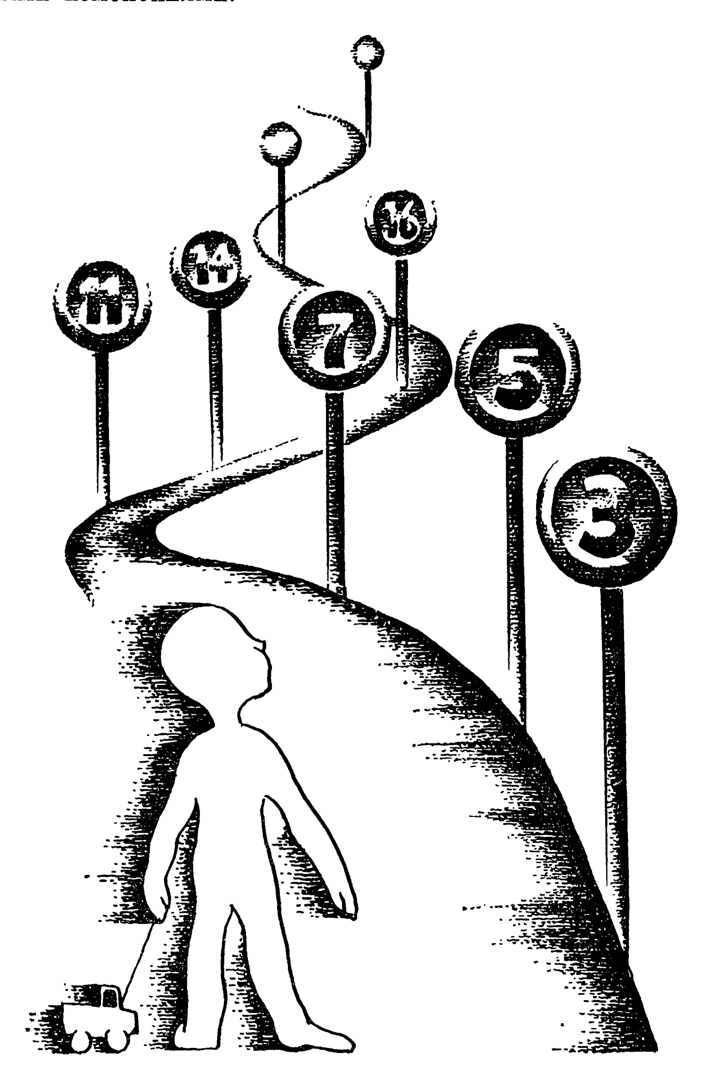
К. Маркс в письме к отцу писал: «Бывают в жизни моменты, которые являются как бы пограничной чертой для истекшего периода времени, но которые, вместе с тем, с определенностью указывают на новое направление жизни. В подобные переходные моменты мы чувствуем себя вынужденными обозреть орлиным взором мысли прошедшее и настоящее, чтобы таким образом осознать свое действительное положение».

В современной психологии эти моменты жизни человека получили название возрастных кризисов развития личности.

Современная советская психология рассматривает факт существования таких кризисов как закономерный и необходимый. Как замечал Л. Выготский: «Если бы даже критические возрасты не были открыты чисто эмпирическим путем, понятие о них следовало бы ввести в схему развития на основе теоретического анализа».

Действительно, научный взгляд на любое развитие

предполагает введение понятия диалектического скачка, «снятия» старого содержания развития на новом витке — переход в новое качество, в «свое другое», как писал Гегель. Именно в «свое другое», поскольку речь идет о едином процессе развития личности, в котором периоды стабильности (их называют литическими периодами) перемежаются скачкообразными переходами, революционными изменениями.

Для пояснения этой мысли приведем такой образ: возрастные особенности, сформировавшиеся на предшествующей стадии развития и хорошие для своего времени, должны отмереть, отгореть, как ступени в ракете, которые выполнили свою функцию — вывели космический корабль на орбиту — и теперь должны, как говорят космонавты, отстрелиться, освободить от своей тяжести тело космического корабля. В этом, скажем, забегая вперед, заключается основной положительный смысл возрастного кризиса.

Итак, существование особых периодов развития личности — возрастных кризисов — факт неоспоримый, который был открыт чисто эмпирически и, добавим, достаточно давно. (Уже Гиппократ пишет о существовании так называемых климактерических годов, по сути — тех же возрастных кризисов.) Однако традиционно возрастные кризисы принимали за аномалии развития, болезни роста, никак не связанные с внутренними закономерностями развития личности. Л. Выготский первым предпринял попытку систематизации и теоретического истолкования кризисных моментов развития личности.

Эти кризисные периоды не случайно были вначале открыты эмпирически, простым наблюдением, ибо слишком они бросаются в глаза. Именно на наших глазах очаровательный карапуз двух лет превращается в практически неуправляемое, строптивое и непослушное существо трех лет, а, скажем, подросток в очень короткое время трансформируется из маленького человека, смотрящего в рот взрослому, ища его одобрения и копируя поведение, в нигилиста, противопоставляющего себя миру взрослых.

Словом, в довольно короткий срок происходит разительное изменение личности, которое нельзя не заметить. Плавное течение развития сменяется острым кризисом.

При этом кризис назревает исподволь и, как правило, застает врасплох наблюдателя, ибо трудно различить его на начальных стадиях. Впервые зримо проявляется он в пору своего апогея. Ребенок в такие моменты времени становится трудновоспитуемым, почти невменяемым, неподатливым любым педагогическим воздействиям. И если в литические периоды развитие личности в целом предвосхищаемо и в чем-то единоподобно, то возрастные кризисы отличаются широкой вариативностью, индивидуальными проявлениями.

Еще одна важная черта кризиса — господство нега-

тивного характера развития, преобладание разрушительной работы над созидательной; разрушаются важные новообразования предшествующего кризису этапа развития, теряются интересы к формам деятельности, которые еще недавно составляли основной смысл и поглощали внимание и т. д.

Исторически и, кстати, во многом случайно, сначала был открыт кризис семи лет, затем кризис трехлетнего возраста и кризис тринадцати лет. В дальнейшем был открыт кризис новорожденности, и, наконец, сегодня исследователи говорят о различных кризисах молодости, зрелого возраста и даже старости.

То есть возрастной кризис — некая универсальная характеристика возрастного развития человека, отражающая сломы этого развития, переломные моменты — моменты, в которые чаще всего происходит существенная перестройка личности.

Однако критические возрасты по-прежнему чаще всего открываются эмпирически и описываются на основании наблюдений. Их выделение существенно дополняет и конкретизирует картину возрастной динамики развития личности. Кризис психического развития — определенный водораздел между стабильными возрастными фазами развития личности и одновременно механизм их смены. Он выражает скачкообразный характер развития личности, фиксируя собственно момент скачка, перехода на новый уровень психического развития, в новый возраст. В нем с наибольшей силой аккумулированы процессы отмирания старого и возникновения пространства формирования нового. В этом смысле развитие не прекращает ни на минуту своей созидательной миссии, конструктивной работы, поскольку разрушение психологических новообразований в кризисный период подвержено закону необходимости смены одних черт и свойств личности другими, отвечающими ее новому положению в мире. И негативные тенденции развития — разрушения есть не что иное, как обратная, теневая сторона позитивной работы: эти две стороны неразрывно связаны между собой.

Более того, кризис не только неизбежная и необходимая, но, если можно так выразиться, желательная форма развития. Ибо установлено, что если кризис протекает вяло, невыразительно, то это может привести к задержкам в психическом развитии и отозваться в дальнейшем на всем ходе становления личности. Ибо если в

определенный момент времени (скажем, в трехлетнем возрасте) кризис не наступает — это означает, что развитие психики идет замедленно и предшествующая форма деятельности не освоена в полном объеме ребенком, не отработана им и тем самым мешает переходу к новой, высшей форме деятельности, мешает и появлению новых психологических образований, без которых жизнедеятельность ребенка на новой ступени его развития затрудняется или вовсе становится невозможной.

Итак, вооружимся теоретическими представлениями о возрастных кризисах психического развития личности, тем более что нам не придется долго ждать их применения к конкретным вопросам. Буквально с первых мгновений своей жизни новорожденный вступает в период возрастного кризиса, который так и называется — кризисом новорожденности.

Первый крик

Дитя человека вступает в мир крича. При этом новорожденный младенец нарушает негласный договор всей живой природы, в которой ни одно существо, появляясь на свет, не нарушает привычной звуковой гаммы окружающей жизни своим голосом. Молчат не только рыбы, жучки и паучки, амебы и инфузории, молчат котята и щенята, молчат многокилограммовые «крошки» — слоны и бегемоты. И только маленький человек кричит.

Почему кричит ребенок?

Не потому ли, что, покидая материнское лоно, он оказывается шокирован хаосом слепящего его света, звука, оглушающего его, обжигающего воздуха, врывающегося в нежную ткань его легких? Конечно, переход от внутриутробного существования ко внеутробному у человеческого существа лишен постепенности — это взрыв, скачок, революция, психическая травма. Природа и люди довольно бесцеремонно обставили рождение человека, акушер берет его за ноги, перерезают пуповину, которая долгое время обеспечивала жизнедеятельность плода, его кутают в жесткие для нежной плоти пеленки, необходимость заставляет вдыхать в себя жаркую воздушную струю, в то время как хочется вытолкнуть из легких этот раздражающий трахею поток, ранящий подобно едкому дыму костра. Словом, крик — это своего рода бунт ребенка против всего того, что сопутствует процессу рождения. Но только ли?

Вот уже позади самое тяжкое. Уже умаявшись от хлопот, связанных с собственным рождением, потрясенный случившимся, обессиленный, засыпает малютка, собирая по крохам новые силы для следующего шага на пути познания. Человек родился.

Он еще не знает, что вступил в строй, встал на вахту сложноорганизованный «комбинат» его организма, усиленно заработали системы жизнеобеспечения, лишенные поддержки материнского организма и вынужденные обеспечивать существование в автономной жизни.

Он не знает, что сработал механизм неписаного ритуала, сопровождающего рождение человека, что заснула уставшая мать; что обезумевший от счастья отец принимает поздравления друзей; что раздаются телефонные звонки и летят телеграммы близким, возвещающие о его рождении.

Он не знает, что у него уже, вполне возможно, есть

давно заготовленное имя (на случай, если мальчик, и на случай, если девочка).

Он не знает, что он уже попал в государственную статистику и для него уже готово место в общественной жизни — в яслях, в детском саду, в школе, на производстве.

Его ждет армейская служба. Его ждут в самых различных отраслях экономики, рассчитанных на его рабочую силу; в научных учреждениях, требующих его интеллекта и творческих способностей.

Он еще не знает, что попал в наш мир с его многовековой историей, современными противоречиями, социальным и военным противостоянием, экологическим кризисом и т. д. и т. п.

Он спит — крепко и достаточно безмятежно, не подозревая, в какую историю попал.

А пока он спит — и будет спать достаточно долго — воспользуемся случаем и сделаем одно теоретическое отступление, на которое в дальнейшем калейдоскопе его бурно развивающейся жизни у нас уже, может статься, и не будет времени.

Итак, родился человек. Его не спутаешь ни с каким другим существом, у него человеческая конституция — он не растение, не эмбрион, не «фоэтус» и не животное. Он — человек. Точнее, человеческая особь. А может — индивид (представитель вида)? Или — индивидуальность (он ведь похож на отца или мать и в то же время непохож ни на кого — неповторим)? Или — он личность? Очень важно выяснить сразу, с кем мы имеем дело.

Надо сказать, что этими, казалось бы, невинными вопросами мы попадаем прямо в эпицентр жарких дискуссий, в которых словам, а точнее, терминам, понятиям, придается важное значение и далеко не безразлично — как назвать. Ибо спор, конечно, не о словах и терминах. Одна из задач научного познания заключается в том, чтобы понять, то есть в понятиях выразить некоторое содержание. Отсюда и острота, и ответственность рассматриваемых определений (буквально: пределов, которые мы накладываем на понимание).

Сегодня уже трудно встретить бескомпромиссных приверженцев локковской идеи ребенка как tabula rasa (чистая доска), на которую с помощью воспитания и обучения наносится то содержание, которое мы в дальнейшем будем фиксировать как развитую личность, неповто-

римую индивидуальность, человека «в полном смысле слова» и т. д.

Более распространены в наше время представления о решающей роли наследственности (генотипа), гласящие, что в генотипе новорожденного закодированы все главные свойства его личности, которые в дальнейшем лишь созревают и проявляются.

Эти две крайние позиции, воспроизводящие логику борьбы двух фактов — среды и наследственности — в развитии ребенка, сегодня чаще всего сосуществуют, дополняют друг друга, и порой весь вопрос для исследователя сводится к тому, чтобы определить, что откуда берется, то есть что идет от наследственности, а что — от воспитания, формирования, обучения.

Чтобы избежать возникающего в таком случае эклектизма, смешения разнородной аргументации, лучше всего вообще отказаться от рассмотрения человека как продукта и результата взаимодействия каких-то факторов, а подойти к жизни человека как к процессу саморазвития личности. Здесь нам придется несколько уточнить понятие личности, из которого исходит психологическая теория. Одна из распространенных точек зрения выражена А. Леонтьевым: «Личностью не рождаются, личностью становятся».

Сказав, что «личностью не родятся», мы тем самым сделали ответственное заявление: личность не есть нечто, присущее индивиду, прирожденное ему, а есть нечто внешнее, присваиваемое им. Однако в таком случае напрашивается вопрос — в чем же причина, толкающая индивида на этот путь присвоения, если она не «внутри» его, если цель развития личности отчуждена от индивида. Другими словами, в чем заключается движущая сила превращения человека в личность?

И тогда возникает вопрос: с чего начинается личность? Мы отвечаем на этот вопрос вполне определенно — с рождения, ибо личность и есть то, что наследует человек в момент своего рождения.

Рождаясь, человек не только вносит в мир унаследованную им от родителей психофизиологическую организацию и тем самым вступает в процесс физического взаимодействия со средой; он не только наследует определенное социальное происхождение и положение — вступая во взаимодействие с социумом, он наследует личность и поэтому вступает в историческую реальность. Нигде более, нежели в момент рождения, человек не близок так

своим жизненным целям (правда, в их абстрактно-всеобщем определении), нигде более он не отвечает возможности безграничного развития.

Ребенок, по сути дела, обладает тем, к чему с таким трудом стремится взрослый — универсальной возможностью развития, — он в принципе может все (равен бытию), но еще ничего не сделал. И в силу того, что он еще ничего не сделал, — он личность, если можно так сказать, «потенциальная личность».

Однако мы явно «растеоретизировались», использовав передышку, которую нам дал уснувший новорожденный. Не станем забегать вперед — впереди нас ждет подробное описание процесса развития личности, и не стоит сбиваться на скороговорку. Тем более что мы вынуждены прервать теоретическое отступление — ребенок проснулся и сообщает нам об этом своим криком.

Опять криком, с которым теперь мы не стали бы с такой уверенностью связывать только дискомфорт, который испытывает ребенок в новой жизненной ситуации. Правда, он, видимо, хочет есть, требует, чтобы сменили пеленки. Но ведь не даром Гегель назвал крик младенца «идеальной деятельностью» — кричит-то дитя человеческое (а значит, личность!), возвещает нас о том, что в мир пришел человек; кричит, настоятельно требуя удовлетворения своих потребностей, которые пока пусть и невелики. Не станем забывать, что он все-таки равен целому миру, а это, право, достаточно солидный аргумент. Поспешим к колыбели — нас ведь ждет личность.

«Комплекс оживления»

У детской колыбели появляется человек — мать, отец, врач, нянечка, бабушка. Появление взрослого у детской кроватки неизбежно, без этого ребенок не может выжить. Дитя человека в отличие от детенышей животных не приспособлено к самостоятельному вхождению в мир без посторонней помощи — у него нет той совокупности инстинктов, которая позволяет выжить детенышам животных. Ребенок нуждается в попечительстве — его нужно кормить, пеленать, помогать ему отправлять нужды, убирать за ним.

Выполняя свой родительский долг, человек одновременно внимательно наблюдает за развитием ребенка — во всяком случае, это относится к наиболее любопытным родителям. Кстати, в ходе таких наблюдений были полу-

чены многие интересные данные о начальном периоде развития личности.

Первым в этом ряду был знаменитый Ч. Дарвин, опубликовавший в 1881 году свои наблюдения за развитием сына. Среди его последователей — отечественные и зарубежные исследователи, фиксировавшие наблюдения за собственными детьми в своеобразных дневниках. В этих наблюдениях обычно выделяется один мотив — роль непосредственного общения с ребенком отца и матери. Оказывается, что....

Впрочем, здесь есть основания использовать известный прием научного исследования, «доказательство от противного», тем более что именно на этом пути были открыты наиболее интересные закономерности развития личности младенца. А было это так.

Мы начали с ситуации идеальной — ребенка окружают ближайшие родственники, окружают своим вниманием, денно и нощно несут над ним свою вахту. Но так бывает, к сожалению, не всегда. Известно, что и в наше время есть множество детей, лишенных попечения родителей. Факты свидетельствуют, что и сегодня случается, что мать отказывается от нежеланного ребенка в роддоме. Особенно же много таких детей в военные и послевоенные годы, как было в Германии времен первой мировой войны, где и произошли следующие события.

Судьба детей, попавших в детдом, конечно, была не столь душераздирающе ужасна, как в древние времена, когда ребенок, оставленный на произвол судьбы, был обречен на гибель. Заботу о нем взяло на себя государство, помещая малыша в детский дом. Казалось бы, попав в Дом ребенка, маленький человек обрел нечто главное — уход со стороны взрослых: он одет, накормлен. Но статистика была довольно печальна — смертность среди детей в Доме ребенка значительно выше, чем в семье.

В чем же дело: в чьей-то недобросовестности? В «плохой» пище? В необеспеченности необходимым?

Выяснилось, что нет. Дети в таких домах в этом плане не очень отличались от своих сверстников, растущих в семье. Но почему они не улыбались, медленно развивались, были апатичны? Инфекция?

Нет.

Ответ был найден чисто эмпирическим путем. В разное время и различными психологами (назовем в первую очередь американца Р. Спица и нашего соотечественника Н. Щелованова) было замечено, что если нянечка уделя-

ет ребенку повышенное внимание, буквально ни на минуту не расставаясь с ним, то положение исправляется. Тревожные симптомы исчезают. Ребенок начинает улыбаться, проявлять активность.

В некоторых особо трудных случаях помогало очень простое, но сильнодействующее «лекарство». Нянечка привязывала ребенка к себе на спину, образуя с ним как бы единство, грея его теплом своего тела. Поразительным образом женщина из Европы воспроизвела традиционный прием африканских матерей, встречающийся также у некоторых народов Юго-Восточной Азии, привязывающих малюток себе на спину не только в силу необходимости продолжать сразу после рождения ребенка повседневный труд дома и в поле. Замечено, что такой многочасовой повседневный контакт ребенка и матери позволяет африканским ребятам на первых этапах детства существенно опережать в психическом развитии своих сверстников из других культурных регионов, правда в дальнейшем (примерно на третьем году жизни) такое опережение медленно сходит на нет.

Оказывается, что более всего новорожденный ребенок страдает от недостатка общения, приводящего к болезни, которую психологи назвали «госпитализмом». Излечить болезнь помогало лишь одно средство — ударная доля общения.

Здесь же заметим, что в некоторых тяжелых случаях и это не помогало; болезнь заходила слишком далеко, и ребенок либо погибал, либо сильно задерживался в развитии — нанесенная в младенчестве рана оставляла след на всю жизнь.

Открытие фундаментальной роли общения в первоначальном психическом развитии личности существенно подтвердило теоретическую концепцию младенчества, выдвинутую Л. Выготским. Он исходил из того, что новорожденный — существо «изначально социальное», живущее и развивающееся среди людей. Пытаясь заглянуть во внутренний мир ребенка, выяснить, как он постепенно выделяет себя и окружающий мир, отправляясь от того нерасчлененного, аморфного состояния своей слитности с матерью, которое Л. Выготский очень удачно назвал «пра-мы», необходимо выяснить, что же происходит в совместно-разделенной деятельности матери (или другого взрослого) и ребенка.

На чисто внешнем срезе этого общения мы видим очень простые и незамысловатые действия: со стороны

взрослого — речевые высказывания, мимика, жест; со стороны ребенка — предречевые звуки, некоординированные движения конечностей и корпуса, улыбка. Но в этой деятельности, которую исследователи назвали непосредственно-эмоциональным общением (Д. Эльконин, А. Леонтьев, А. Запорожец, М. Лисина), происходит основное психическое развитие личности.

Результатом этой деятельности является появление (приблизительно на шестой неделе жизни ребенка) «комплекса оживления». Термин этот ввел в 20-х годах в отечественную науку Н. Щелованов для обозначения поведения детей на определенной стадии раннего онтогенеза при восприятии ими радующих воздействий.

Сотрудники Н. Щелованова Н. Фигурин и М. Денисова заметили, что на втором месяце жизни ребенок начинает проявлять активность улыбкой, хаотическими движениями ножек и ручек, «гулением» (звуками, напоминающими «гу-га»), стремясь привлечь к себе внимание взрослого. Эту удивительную реакцию — «комплекс оживления» — исследователи считают важным показателем нормального хода развития личности.

Госпитализм — как негативное явление психического развития — выражается в данном возрасте именно в задержке наступления «комплекса оживления», в его вялом протекании или полном отсутствии. Для преодоления госпитализма, который, кстати, может проявиться не только в условиях Дома ребенка, но и при воспитании в семье, где мать и отец мало внимания уделяют ребенку, был выдвинут (Н. Щеловановым) принцип отношения к ребенку как к субъекту, как к личности, принцип «воспитания, а не только ухода» за младенцем.

Сердцевиной этих принципов стало развивающееся непосредственно-эмоциональное общение ребенка и матери. Здесь нельзя не отметить, что благодаря этим исследованиям и практической работе Н. Щелованова и его сотрудников был ликвидирован госпитализм в детских учреждениях СССР.

Справедливости ради надо сказать, что эти работы выполнялись не без значительного влияния рефлексологии, а комплекс оживления понимался главным образом как реакция ребенка на действия взрослого. Современные исследователи, прежде всего М. Лисина и С. Мещерякова-Замогильная, внесли существенное изменение в этот подход, показав, что комплекс оживления — не реакция,

а акция ребенка. Тонкие эксперименты М. Лисиной показали, что если взрослый слишком активен в общении, активно выражает свое внимание и доброжелательность, ребенок становится менее активным, более сосредоточенным. Наоборот, чем скупее взрослый в знаках своего внимания, тем оживленнее ведет себя ребенок.

Таким образом, задача взрослого в этом общении заключается в вызывании активности со стороны ребенка. Опытный психолог, чуткая мать хорошо ощущает грань, за которой необходимо «свернуть» свою активность, дать проявить себя ребенку, перелагая на его плечи все большую и большую работу по поддержанию непосредственно-эмоционального тонуса общения, тонкой нити, связывающей двух живых людей.

Другими словами, как и во всяком воспитании, в непосредственно-эмоциональном общении важно не подменять собой активности воспитуемого, дать ему возможность для саморазвития — вести за собой, но и позволять «идти» самому.

Если развитие ребенка идет нормально, то в непосредственно-эмоциональном общении образуется важнейшее психологическое новообразование — система аффектно-личностных связей ребенка с миром, потребность в доброжелательности и внимании, потребность во впечатлениях, на основе которых во многом строится дальнейшее психическое развитие личности.

Итак, в многообразии моментов развития личности в младенчестве мы попытались уловить их единство, выраженное в непосредственно-эмоциональном общении ребенка и взрослого и воплощенное в «комплексе оживления». Наш малыш развивается хорошо.

Радуются взрослые, радуется ребенок, безошибочно ощущая пульс собственного развития. Самочувствие нормальное! Все идет по плану! В его кроватке появляется все больше игрушек, погремушек и т. д. Ребенок становится все более внимательным к ним. Он уже давно научился держать головку, возможно, уже попробовал «другой пищи», постепенно отучаясь от материнской груди, его движения все активнее и увереннее, он начинает ползать, вот-вот встанет, помогая себе ручками, хватающимися за барьеры манежа, вот-вот пойдет. Однако прежде с ним произойдет нечто удивительное и непонятное, новое и необычное — первый кризис психического развития.

Лучшее, что может сделать ребенок с игрушкой

Кто-то, кажется, Гегель, очень тонко заметил, что лучшее, что может сделать ребенок с игрушкой, — это сломать ее. Вне контекста суждение это выглядит, мягко говоря, странно и непонятно. Давайте разбираться.

Начать, видимо, нужно опять с начала, вернее, с того, когда отмеченное явление начинается. Происходит это обычно так. Определенное время на первом году жизни (от шести месяцев до года) ребенок обращает внимание на игрушки постольку-поскольку. Точнее — постольку, поскольку игрушка эта попадает к нему из рук взрослого, пытающегося привлечь его внимание к ней. Сделать это, оказывается, довольно не просто. В экспериментах М. Лисиной и ее сотрудников замечено, что ребенок, активно отвечая на желание взрослого привлечь его внимание игрушкой, всецело концентрирует внимание на взрослом — скользнет по игрушке взглядом, задержится на мгновение — и вновь смотрит в лицо экспериментатору, к чему это все!

Приблизительно в конце первого года жизни нечто изменяется, а именно, игрушка (просто предмет в руках взрослого) все более начинает его интересовать. Он рассматривает ее, тянется к ней. В чем же причина этой перемены?

Прежде всего дадим себе отчет в том, что перед нами далеко не то существо, с которым мы имели дело в начале первого года жизни. Он был бурным, наполненным эмоциональными ощущениями, большой работой взрослого и ребенка, в результате которой образовались многие психические качества, накоплен немалый опыт. Уже начались первые попытки говорить, самостоятельно двигаться, становиться на ноги. Словом, есть весомые основания для самостоятельных проявлений, уже не всегда непосредственно и прямо связанных с действиями взрослого. Если ранее он с интересом и благосклонностью наблюдал за тем, что с ним делают (ага, сейчас будут кормить — ну, пожалуйста, а теперь одевают, значит, поведут гулять! и т. д.), то у годовалого ребенка уже нет такого расположения к деятельности взрослого. Вместе с тем его по-прежнему не спрашивают, хочет ли он идти гулять, есть, ложиться спать. И он начинает бунтовать — не подчиняется требованиям, хандрит, плачет, сопротивляется попыткам взрослого, скажем, кормить его или вести гулять.

Суть этого бунта — показать: дорогие взрослые, вы не заметили важных перемен — я уже сам могу управлять своим поведением, я уже не так тесно связан с вами пуповиной единства «пра-мы». Я — уже я! И, кстати, мне интересно, что это за штуковина вон там, у вас в руках, а ну-ка дайте мне ее! Не хотите — сам дотянусь, долезу, «выреву» ее у вас.

И тянется, и лезет, и плачет. Это и есть кризис одного года, до сих пор еще мало исследованный в психологии, хотя в его существовании уже давно не сомневаются ученые. Это кризис деятельности, кризис социальной ситуации развития, когда непосредственно-эмоциональное общение перестает удовлетворять новым потребностям ребенка — ему его просто мало. Начинается новый период жизни — раннее детство.

В советской психологической литературе еще с 40-х годов сформировалась точка зрения на манипулятивную деятельность как ведущую в раннем детстве (от года до трех лет). Для ее становления фундаментальное значение имеет новая социальная ситуация развития ребенка, который начинает уже понимать свое место в окружающем мире людей и предметов; он передвигается в пространстве; может сам действовать, удовлетворяя свои потребности (взять вкусную вещь); способен к первичным формам речевого общения. Этими особенностями, по мнению советского психолога Л. Божович, и отличается социальная ситуация развития в раннем детстве от социальной ситуации развития в младенчестве.

В этот период парадоксальным образом оказываются связанными задачи развития и способы их разрешения. Так, основная задача, которую решает ребенок, направлена на самопознание, познание себя как субъекта действия (что я могу?), но — и в этом, собственно, и состоит парадокс — ребенок решает ее не на манер созерцающего свой внутренний мир восточного философа, а направляя свою активность на внешние предметы. Ребенок этого возраста любит часто повторять одно и то же движение, прослеживая и контролируя изменения, которые это движение производит (передвигает предметы, открывает и закрывает дверь и т. д.).

В этой манипулятивной деятельности ребенок решает ряд задач, главные из которых — осознание себя отдельно от предметного мира и освоение способов действия с вещами. Какую роль играет такая манипулятивная, или, говоря строже, предметно-манипулятивная деятельность,

можно показать на примере знаменитого эксперимента советских психологов-дефектологов И. Соколянского и А. Мещерякова по воспитанию слепоглухонемых детей.

Работа по формированию психики слепоглухонемого ребенка — жестокий научный эксперимент, «поставленный природой». Он позволяет строго проследить важнейшие закономерности развития человеческой психики вообще, сделать этот процесс «зримым», непосредственно наблюдаемым. Дело в том, что у нормального ребенка невозможно полностью обособить факторы, под влиянием которых складывается психика, невозможно проследить и зафиксировать их действие. Многие навыки поведения, чувства, особенности личности складываются как бы сами по себе, в процессе повседневной жизни.

Другое дело — слепоглухонемые дети. Первоначальное формирование высших психических функций у них происходит в «чистых условиях», то есть при полном отсутствии неконтролируемых психогенных воздействий на мозг. При этом выводы, которые можно сделать из такого исследования, имеют не только специфическое дефектологическое значение, но и — самое главное — позволяют пролить свет на общие закономерности развития личности.

Конкретно в этих работах удалось выяснить следующее. Оказывается, что существует единственный способ преодолеть, казалось бы, неодолимый барьер, который ставит перед психическим развитием тяжкое заболевание — потеря слуха, зрения и, как следствие, речи в раннем возрасте. Не принесли успеха многочисленные попытки в истории слепоглухонемоты начинать работу по развитию психики с обучения речи.

Лишь после того как И. Соколянский первым попробовал развивать психику слепоглухонемого ребенка через формирование простейших навыков самообслуживания — умения самостоятельно есть, используя ложку, пользоваться горшком, одеваться, раздеваться и т. д., исследователям удалось добиться существенных результатов в психическом развитии ребенка.

В работах ученика И. Соколянского профессора А. Мещерякова было убедительно показано, что ребенок развивается психически в процессе обучения действию в мире вещей, овладевая действиями с вещами, усваивая их значение и назначение. Формируя у слепоглухонемого ребенка умение действовать с предметами, начиная с простой манипуляции ими и заканчивая овладением

вещью как орудием деятельности, ученым удается создать человеческое отношение к миру предметов.

При этом здесь можно найти много параллелей между процессом освоения предметной реальностью у слепоглухонемого и нормального ребенка. Начинается освоение с ознакомления с предметом (например, ложкой); предмет «осматривается» в буквальном смысле или переносном (ощупывается), при этом ребенок не всегда проявляет к нему интерес, роняет его, так как он для него первоначально незначим. И только когда воспитатель начинает включать ребенка в способ действия с вещью (например, обучает есть, пользуясь ложкой), предмет «оживает» в сознании ребенка, манипуляции с ним становятся все более настойчивыми (делаются попытки действия с ним).

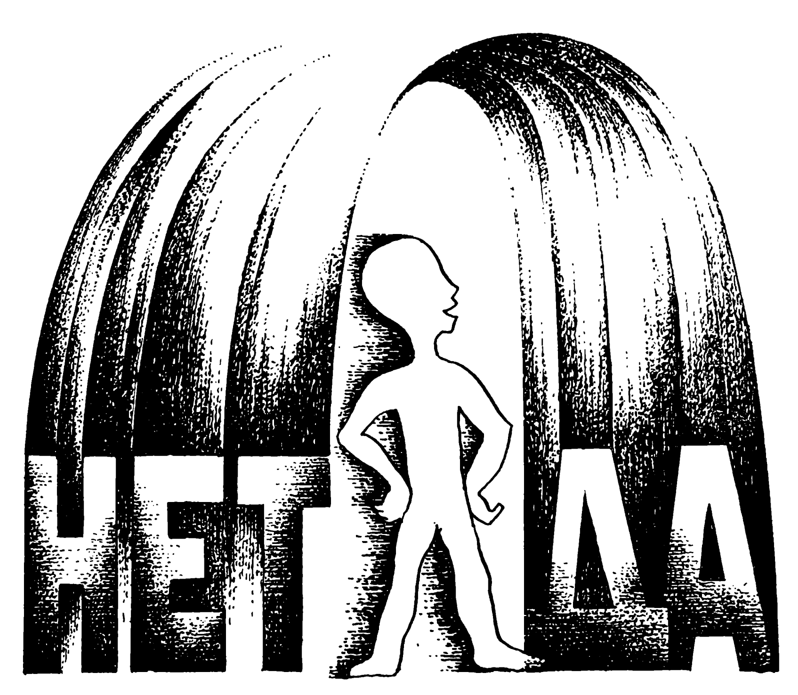
Этот процесс овладения не есть изучение в полном смысле слова, формирование устойчивой реакции на предмет. Воспитатель стремится вызвать не реакцию ребенка, а акцию (действие), включить предмет в содержание жизнедеятельности ребенка. А. Мещеряков очень тонко описывает процедуру обучения слепоглухонемых детей есть с помощью ложки.

Вначале ребенок противится обучению. Он стремится отбросить ложку, которая «мешает» ему есть, пытается есть руками. Однако постепенно он включается в операцию с ложкой, первоначально держит ее совместно с воспитателем, который направляет и поправляет его движения.

И здесь принципиально важен один момент: задача воспитателя — уловить ту точку в процессе обучения, когда ребенок начинает самостоятельно действовать ложкой, и отпустить ее из своих рук. То есть как и в любом психическом развитии, так и в случае со слепоглухонемыми детьми, важно не просто научить ребенка действовать с предметами, но включать это действие в процесс саморазвития личности, не подчиняя последнее внешним вмешательствам.

Осваивая простейшие способы действия с предметами человеческого обихода, научаясь использовать их по прямому назначению, слепоглухонемой ребенок входит в предметный мир культуры и на этой основе гораздо легче воспринимает в дальнейшем и знаковую систему человеческой культуры (язык), оказываясь в перспективе способным к очень высоким степеням психического развития.

Более подробно со всей этой проблематикой можно познакомиться в прекрасной книге А. Мещерякова «Слепоглухонемые дети» (М., 1974). Мы же, резюмируя то важнейшее, что из нее можно почерпнуть для объяснения процесса формирования психики нормальных детей, скажем, что в период от года до трех лет ребенок занят очень важной и ответственной деятельностью по освоению предметного мира человеческой культуры. Когда ставший на ноги малыш превращается в сущий ад для родителей и домочадцев, принося существенный «вред» ближайшему своему предметному окружению (рвет обои, стягивает со скатертью со стола бьющиеся предметы, пытается засунуть пальчик в розетку и т. д.), и, как говорится, за ним нужен глаз да глаз, в том числе чтобы он не причинил вред самому себе, в этот тяжелый период воспитания ребенок занят сугубо положительной деятельностью — развитием собственной личности. И игрушки-то он ломает не из какой-то злой силы, страсти к разрушительству, «сидящей в нем», а по более простой и весомой причине — он пытается найти ответы на вопросы: что это за

предмет? каково его назначение? как он устроен? что с его помощью можно сделать? как он называется? и т. д.

И распотрошенная кукла есть не что иное, как знак этой познавательной деятельности, ведь, сломав ее и обнаружив внутри вату, ребенок плачет и радуется: плачет от горя, что сломал куклу, и радуется открытию, которое совершил, — нашел внутри вату. В это же время ребенок овладевает колоссальным объемом знаний о предметном мире — он осваивает назначение мебели, кухонной утвари, одежды, современные дети легко включают «как свое» в предметное содержание жизни такие сложные аппараты, как телефон, телевизор, автомобиль и т. д.

Одним словом, они открывают предметный мир человеческой жизни, и параллельно начинается сложная и ответственная работа по освоению мира идеального, знакового — начинается освоение языка и речи — этих могущественных инструментов человеческого мышления. Уже делаются первые попытки прорваться через мир человеческих вещей к пониманию мира человеческих отношений.

Особенно настоятельными становятся эти попытки в конце третьего года жизни, когда, освоившись с предметным окружением, ребенок начинает проявлять все больший интерес к миру отношений. Он становится капризным, «экспериментирует» со взрослыми — а что, если сделать вопреки инструкциям родителей? Что будет? Начинается новый кризис психического развития, обозначающий отработанность предметных манипуляций как ведущей деятельности для своего возраста — она перестает удовлетворять ребенка. Через кризис он идет к новой форме деятельности.

В чем же заключается кризис трех лет?

Послушный, спокойный ребенок на наших глазах превращается в маленького диктатора. Стремится все делать сам: и одеваться, и строить башню из кубиков, и главное — сам решает, что ему делать в данное время. То есть ребенок настаивает на своей самостоятельности, отвергает мелочную опеку, хотя во многом еще требует ее, не способен сделать сам то, на что замахивается. Этот кризис сопровождается криком: «Я сам!» и сигнализирует нам, взрослым — ребенок освоил предметную среду своего обитания, хорошо в ней ориентируется и для него требуется новое, более широкое поле деятельности — предметные манипуляции исчерпали свой позитив-

ный потенциал. Возникает необходимость в смене деятельности, причем своевременной смене.

Л. Божович отмечает в этой связи, что в конце второго года жизни дети легко преодолевают кризис, но после 3 лет он часто выливается в тяжкие формы негативизма и упрямства, что создает извращенные отношения к требуемым нормам поведения и извращенные взаимоотношения со взрослыми. «Нам пришлось наблюдать, — пишет она, — ребенка (около четырех лет), который так читал стихотворение: «И не по синим, и не по волнам, и не океана, и не звезды, и не блещут, и не в небесах». И другого ребенка того же возраста, который захотел рисовать, но когда взрослые стали одобрять его намерение, расплакался и стал требовать: «Скажите, чтобы я не рисовал» — и только после исполнения этого желания с удовольствием принялся за рисунок.

Как правило же, кризис трех лет проходит без особых осложнений, в частности, потому что он разрешается в переходе к удивительной форме деятельности — игре, которая захватывает ребенка и ведет за собой его развитие на протяжении последующих трех лет.

Игра в жизни ребенка

Субботний день в типичной советской семье. Взрослые, отложив отдых на потом — впереди еще и воскресенье! — заняты серьезными делами. Их накопилось немало — на работе и дома. Папа разложил захваченные со службы чертежи — надо торопиться: скоро конец квартала, сдача проекта, а от этого зависит выполнение плана, премия, наконец. У мамы дел не меньше — стирка, обед, уборка. Один Максимка самозабвенно отдался игре, вихрем врываясь на кухню, в комнату, оккупированную папой, вызывая периодически гнев и осуждение родителей. Они ведь заняты делами — разве не видно, разве не понятно, что есть вещи посерьезней игры?

Но это как посмотреть. Игра, утверждают психологи, — это серьезно. Замечено, что чем более высокоорганизованы животные, тем больше времени их детеныши играют. Понаблюдайте за домашними жителями — щенками и котятами, вглядитесь в кадры телепередачи «В мире животных», запечатлевшие игрища тигрят, волчат, обезьянок. Задумайтесь: чем цивилизованней общество, чем сложнее оно организовано, тем больше в нем предоставляется детям времени для игры.

Не случайно, конечно. Для дошкольников от трех до шести-семи лет игра является основной формой психического развития.

С чем это связано?

Как указывает А. Леонтьев, причина превращения игры в основную деятельность дошкольника заключается в том, что предметный мир, осознаваемый ребенком, все более расширяется для него. В этот мир входят уже не только предметы, которые составляют ближайшее окружение ребенка, предметы, с которыми может действовать и действует сам ребенок, но это также и предметы действия взрослых, с которыми ребенок еще не в состоянии фактически действовать, которые для него еще физически недоступны. Таким образом, в основе трансформации игры при переходе от периода преддошкольного к дошкольному детству лежит расширение круга человеческих предметов, овладение которыми встает теперь перед ним как задача и мир которых осознается им в ходе дальнейшего психического развития.

Итак, происходит усложнение предметной среды, которой овладевает ребенок. Напомним, он уже «овладел» некоторыми культурными способами действия с предметами — многое уже не составляет для него тайны — ложка, одежда, горшок, более сложные аппараты — телефон, телевизор и т. д., которыми он может пользоваться, даже не зная их устройства.

Но как быть, например, с автомобилем, который ребенок наблюдает, в котором он сидит, ездит, но которым не может управлять, с веслом, которым не может грести (силенок маловато), магазином, в котором ему покупают игрушки (подчеркнем, ему покупают, а не он сам), словом, с широчайшим полем человеческих предметов и отношений, в которые он уже включен, наблюдает их, но не может пока самостоятельно в них участвовать. При этом ребенок не без вздоха сожаления замечает, что никто не собирается его учить пользоваться этими предметами и отношениями (вряд ли даже самому взбалмошному родителю придет в голову учить ребенка управлять настоящим автомобилем в трехлетнем возрасте). А ребенку хочется, напомним, действовать самостоятельно («Я сам!»).

И тут на выручку приходит игра, в которой стирается эта, казалось бы, непроходимая граница между «хочу» и «могу». В игре ребенок может делать все то, что ему еще недоступно в реальной жизни: может управлять ав-

томобилем (автобусом, поездом, самолетом и т. д.), грести на лодке — да что там лодка! — хоть океанский лайнер он может «повести» по безбрежным водным просторам (от детской до папиного кабинета и обратно)! Играя, ребенок не производит. С помощью игры ребенок продолжает развивать свои способности, а в конечном счете развивать свою личность, то есть саморазвиваться.

Будучи свободным в выборе сюжета для игры, ребенок оказывается способным легко переходить от одной предметной среды к другой. В считанные минуты стул превращается в кресло водителя автобуса, в прилавок магазина; листок бумаги из аптечного рецепта, по которому «заказывается» лекарство для мишки, в деньги, дети «расплачиваются» в магазине за разнообразную снедь для кукол и т. д. В игре «все может превратиться во все»: ложка в телефонную трубку, телефонная трубка в радиостанцию «полярной экспедиции», диван в «Северный полюс», плед в «ковер-самолет» и т. д.

Эта удивительная способность к замещению реальных предметов их знаками (используя другие предметы окружения), способность к символическим замещениям формирует у ребенка важнейшее качество, которое так ему пригодится в будущей жизни (прежде всего в школе). На определенное время ребенок становится всемогущим, практически не ограниченным в своей власти над предметной сферой человеческой жизни: ему достаточно сказать, глядя на стол, — «Это космодром» — и в считанные минуты с его стартовой площадки начинают взлетать звездолеты!

У игры дошкольника есть еще одно существенное качество — она по преимуществу ролевая. Придумывая разнообразные сюжеты для игры (в магазин, в больницу, в дочки-матери), ребенок легко меняет необходимые для игры роли (роль мамы на роль дочки, продавца на покупателя, больного на врача), осваивая не только предметное поле взаимоотношений, но и характер отношений взрослых людей по поводу данной предметной сферы. Так, мама кормит дочку и никак не наоборот, продавец продает товары, а покупатель покупает — иначе быть не может.

И дети внимательно следят за тем, чтобы правила игры не были нарушены, так как, хотя это игра, — это очень серьезно, не менее серьезно, чем настоящая болезнь, приготовление пищи или покупка. Кем только не бывает в течение дня один и тот же малыш: полярником,

продавцом мороженого, таксистом, дворником, земледельцем, лифтером, солдатом, летчиком — кем ему угодно, точнее — как удастся договориться с ребятами, с которыми вместе он играет.

Таким образом, игра, по сути дела, новый и очень смелый шаг в познании всей совокупности человеческих отношений, первая, самая общая, стадия профориентации и в то же время существенный этап самопознания. В игре для ребенка открываются самые неожиданные для него свойства его личности. Казалось бы, решаемый в самом условном плане вопрос — что я могу? — и решаемый столь же условно — могу все! — оказывает существенное влияние на развитие действительных способностей ребенка. Приведем такой пример.

Известно, что дети не любят, а часто и не могут выполнять элементарные действия по самообслуживанию, скажем, не умеют самостоятельно одеваться. В игре ребенок, часто к изумлению родителей, одевается столь быстро и споровисто, что можно только диву даваться — как это у него получается.

Или другой пример. Известно, что маленькие дети — большие непоседы, и никакими увещеваниями и угрозами нельзя их заставить в течение даже короткого времени сохранять неподвижную позу («спокойно посидеть»). В исследованиях же психологов убедительно показано, что в ситуации игры ребенок (если к тому его обязывает роль) может часами стоять «на посту» (вспомним знаменитый рассказ Леонида Пантелеева «Честное слово», в котором описывается такая ситуация).

Последнее показывает, что у ребенка в игровой деятельности формируется способность к произвольной деятельности, к саморегуляции, о важности которых в психическом становлении вряд ли необходимо подробно говорить. Показательно, что первоклассники в отличие от дошкольников с трудом могут высидеть в течение урока на одном месте, хотя они превосходят последних по уровню психического развития — просто они находятся не в ситуации игры, а в роли реальных школьников и тем самым лишены того «приспособления» (выражаясь языком актерской школы К. Станиславского), которое помогает им вести свою роль по сценарию школьной жизни.

Итак, роль игры в психическом развитии ребенка трудно переоценить. Игра тренирует память, восприятие, волю, мышление, фантазию ребенка. Она позволяет ему, осваивая в условно-игровой форме предметный мир чело-

века и его общественных отношений, достичь существенного прогресса в развитии своих психических функций. Он овладевает способностью к символическим замещениям, к произвольному поведению. Он подрос, накопил сил, физически развился.

Он многое понял — в частности, что из всех столь любопытных и равноинтересных форм общественного бытия ближайшая жизнь уготовила ему одну — роль школьника, как первую общественно значимую и общественно оцениваемую форму деятельности. Как отмечает Л. Божович, «у детей 6—7-летнего возраста в связи с продвижением в их общем психическом развитии появляется ясно выраженное стремление занять новое, более «взрослое» положение в жизни и выполнять новую, важную не только для них самих, но и для окружающих людей, деятельность».

Реализуя это стремление, ребенок приходит в противоречие с тем укладом своей жизни, который составлял основной смысл его деятельности на предыдущем этапе — его перестает радовать игра. Разрешая это противоречие, ребенок вступает в кризисный этап развития, который в психологической литературе называется «кризисом семи лет».

Основной смысл этого кризиса, проявляющегося в виде капризности, негативизма, непослушания и т. п., в попытке реализовать возникшую потребность выйти за рамки детского образа жизни, занять новое, доступное ребенку место в общественной жизни, выполнять реальную, серьезную общественно значимую деятельность.

Как показывают исследования, буквально все дети в шести-семилетнем возрасте очень хотят идти в школу, бунтуют против детсадовского уклада жизни, цепляются за школьную атрибутику (портфель, школьная форма и т. д.). Разрешение этого кризиса знает только одну форму — форму перехода к школьной жизни. При этом, однако, важно, чтобы этот переход был выражением действительной потребности ребенка. Замечено, что дети, которые «не доиграли», оказываются безразличными к школьному обучению, противятся ему, и кризисные явления в этом возрасте у них получают обостренную форму.

Здесь уместно прямо обратиться к родителям, которые никак не могут ограничиться позицией стороннего и терпеливого наблюдателя детских игр. Многочисленные исследования свидетельствуют, что игра не возникает у

детей спонтанно. Дети не выдумывают игры, а обучаются им. Если ребенок не обучен игре — он не играет, что самым печальным образом сказывается на его психическом развитии.

Ваш ребенок забросил игрушки, сторонится сверстников, холодно воспринимает просьбы взрослых: «Пойди — поиграй!» Это тревожный симптом. Не стоит радоваться склонности четырехлетнего сына или пятилетней дочки к «серьезным занятиям» — изучению иностранных языков, обучению музыке, если они поглощают их полностью, отвлекая от «несерьезной» игры. Можно и нужно учить детей языкам, музыке, ремеслам, но только так, чтобы это не вредило играм.

К сожалению, заветы психологов не слишком популярны и у работников детских садов, которые зачастую поглощены одной задачей — подготовить детей к школе, приблизить условия детсадовской жизни к школьным. Это печально, ибо прослеживается жесткая закономерность: кто в детстве плохо играет, тот и в школе плохо учится, у него и фантазия развивается средне, и творческие способности приглушены.

Отсюда совет: не пытайтесь опередить время. Всему свой черед, и не стоит уподобляться печальной памяти волюнтаристов, «переделывавших» природу, не спросясь у нее, не прислушиваясь к голосу внутренних закономерностей развития мира. Игра — это очень серьезно, и забвение этой истины жестоко мстит тем, кто ее игнорирует.

Однако повторим: в большинстве своем дети 6—7 лет уже готовы к школьному обучению. Игра должна уступить свое место учению.

Ребенок учится учиться!

В допетровской России новый год начинался 1 сентября, как было принято в Византии, откуда вместе с христианством на Русь пришел и юлианский календарь. С 1708 года указом царя Петра I в России отсчет каждого нового года устанавливается с 1 января, которым мы пользуемся и в настоящее время. И лишь в одной области нашей общественной жизни 1 сентября сохранило свое значение как начало года... нового учебного года.

По установившемуся многолетнему ритуалу 1 сентября улицы городов и сел Советского Союза заполняют нарядные дети в школьной форме, с букетами цветов, спеша-

щие в школу на Праздник первого звонка. Среди них особо выделяются самые маленькие — первоклассники. И не только тем, что их в отличие от детей постарше ведут за руку родители. Не только своими несоразмерно огромными букетами и портфелями, которые чуть ли не больше самого первоклассника. Они выделяются горящими глазами, особым приподнятым настроением — они впервые идут в школу!

Начало школьного обучения знаменует собой изменение всего строя жизни ребенка. Это принципиально новая социальная ситуация развития личности.

Во-первых, ребенок начинает выполнять общественно важную деятельность — он учится, и значимость этой его деятельности соответствующим образом оценивается окружающими, если игру ребенка родители могли прервать в любой момент, считая, что пора кушать или что ребенок уже наигрался — хватит, то к такому делу, как «выполнение домашних заданий», взрослые относятся с уважением.

Учебная деятельность, как деятельность с ярко выраженной общественной значимостью, ставит ребенка объективно в новую позицию по отношению к взрослым и сверстникам, меняет его самооценку, определенным образом перестраивает взаимоотношения в семье. Советский психолог Д. Эльконин отмечает, что «именно потому, что учебная деятельность является общественной по своему содержанию (в ней происходит усвоение всех богатств культуры и науки, накопленных человечеством), общественной по своему смыслу (она является общественно значимой и общественно оцениваемой), общественной по своему осуществлению (она осуществляется в соответствии с общественно выработанными нормами), она является ведущей в младшем школьном возрасте, то есть в период ее формирования».

Итак, переход к школьной жизни сопряжен главным образом с переменой типа ведущей деятельности.

Во-вторых, школьная жизнь требует систематического и обязательного выполнения ряда правил, для всех обязательных, которым подчиняется поведение ребенка в школе. Его отношения с учителем мало чем напоминают задушевно-интимный контакт с родителями и воспитателями детсада. Отношения учителя и ребенка жестко регламентированы необходимостями их совместно-разделенной деятельности, организацией школьной жизни. Подчине-

ние этим правилам требует от ребенка умения регулировать свое поведение, выдвигает существенные требования к произвольности деятельности, умению подчинять ее сознательно поставленным целям.

В свое время Гегель писал об этих особенностях школьного образования. «Своеобразие детей терпимо в кругу семьи; но с момента вступления в школу начинается жизнь согласно общему порядку, по одному, для всех одинаковому правилу; здесь дух должен быть приведен к отказу от своих причуд, к знанию и хотению общего, к усвоению существующего общего образования. Это преобразование души — только и называется воспитание. Чем образованнее человек, тем меньше выступает в его поведении нечто только ему свойственное, и именно поэтому случайное».

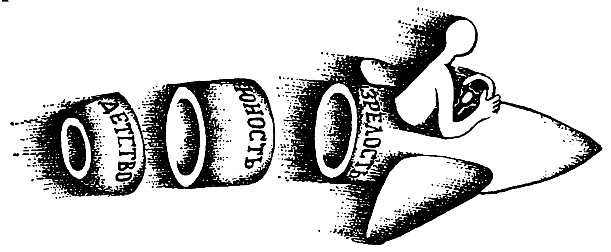
Наконец, и это в-третьих, систематическое школьное обучение связано с задачей овладения основами наук, научным способом мышления, его особой логикой, отличной от той суммы житейских представлений, которая сформировалась у ребенка к семи годам. Научные понятия, которые осваивает ребенок в школе, отличаются от житейских представлений прежде всего тем, что они дают научную картину мира с объективно-общественной позиции. То, что ребенок раньше воспринимал в основном чувственно и фиксировал в своем мышлении чисто эмпирически — как вещь с известным набором признаков, теперь должно получить научное осмысление, то есть предстать таковым, каковым является данный предмет или явление объективно для человеческого познания.

Гегель отмечал, что «уже в древности детям не позволяли слишком долго задерживаться в области чувственно воспринимаемого. А дух нового времени еще и совершенно иначе возвышается над сферой чувственного, еще гораздо больше углубляется в свой внутренний мир, чем дух античный. Поэтому сверхчувственный мир следует в наше время уже рано сделать близким представлению мальчика. Этому способствует в гораздо большей мере школа, чем семья. В последней ребенок ценится в своей непосредственной единичности, его любят независимо от того, хорошо или дурно его поведение. Напротив, в школе непосредственность ребенка теряет свое значение; здесь считаются с ним лишь постольку, поскольку он имеет известную ценность, поскольку он в чем-нибудь успевает; здесь его уже не только любят, но, согласно

общим установлениям, критикуют и направляют, согласно твердым правилам дают ему образование с помощью учебных предметов, вообще подчиняют его определенному порядку, который запрещает многое, само по себе невинное, потому что нельзя позволить, чтобы это делали все. Так школа образует собой переход из семьи в гражданское общество».

Обратим внимание в этих словах Гегеля на значение перехода от непосредственного чувственного восприятия мира к «сверхчувственному», то есть выраженному в отвлеченных понятиях. Этот переход обеспечивает включение ребенка в более широкую социальную мотивацию деятельности, через формирование у него умения учиться. В учебной деятельности ребенок под руководством учителя оперирует научными понятиями, усваивает их. Результатом же являются перемены не в сфере науки (ребенок не расширяет научных представлений), а изменения личности ребенка, развитие его способностей, прежде всего способности оперировать понятиями.

Итак, мы перечислили наиболее существенные особенности изменений в психическом складе личности, происходящие в связи с началом школьного обучения. Конечно, мы охарактеризовали некий идеальный вариант такого развития. В конкретной же ситуации учебы в школе, как правило, возникает множество проблем (трудности становления взаимоотношений с учителями и сверстниками, привыкание к режиму дисциплины, практике отметок, возможная потеря интереса к учебе и т. д.), которые мы здесь специально не рассматриваем. Нам важно в самом общем виде определить место младшего школьного возраста в процессе развития личности, поэтому мы не станем более детально рассматривать характер жизнедеятельности ребенка в школе, а, напротив, еще раз вернемся к выяснению основной линии личностного развития.

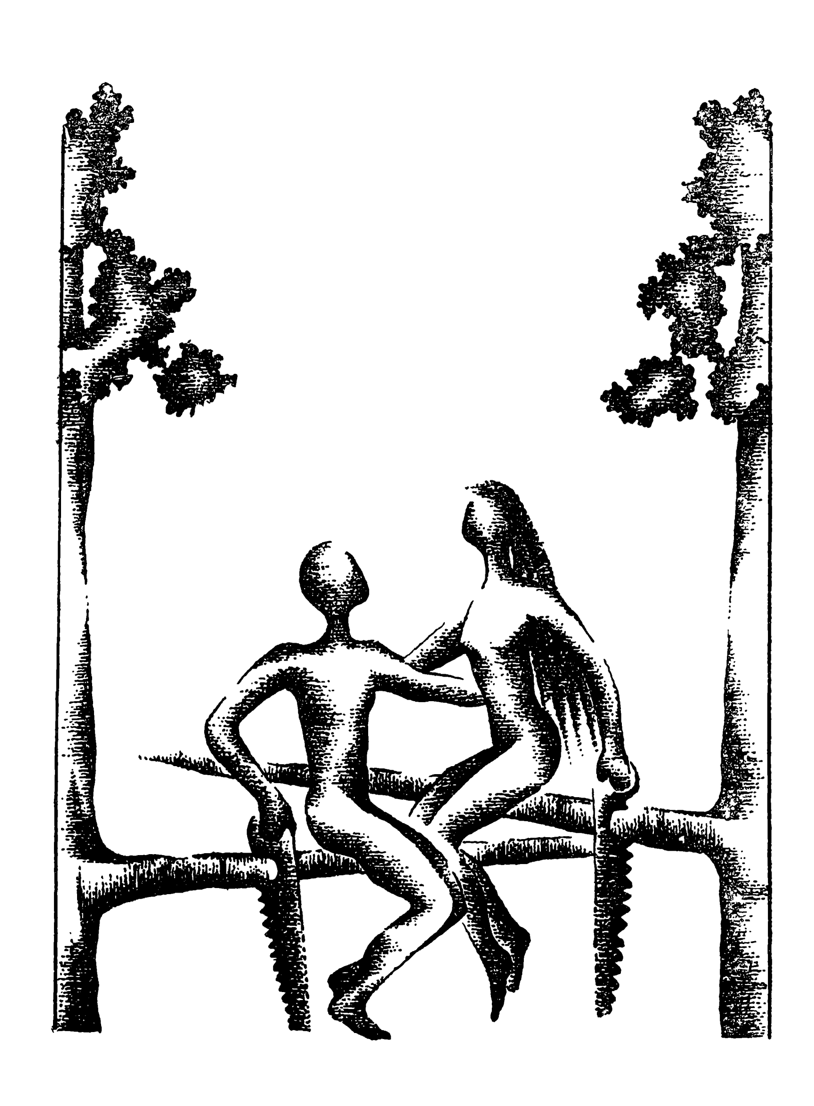
Младший школьный возраст (7—11 лет) представляет собой особый этап обособления человека в личность. Духовный мир дошкольника основан на сведениях; духовный мир младшего школьника знаменует собой начало «восхождения к понятию»; следующую ступень его обособления — обособления индивида как мыслящего существа — движение к субъективности мыслящего человека, выражающей объективно-научный взгляд на мир. Отсюда и главный смысл учения — переход от чувственного созерцания к абстрактному мышлению.

Овладев абстракцией — этим мощнейшим орудием человеческого познания, — ребенок оказывается способным овладеть широкой совокупностью научных знаний, расширить свои представления о мире и тем самым подготовиться к будущему действию в мире человеческих предметов и отношений.

Важность овладения способами учебной деятельности заключается еще и в том, что на более поздних стадиях своего развития, когда на переднем плане будут иные потребности и интересы, умение учиться будет ему необходимо. Вспоминая давние времена, скажем, церковноприходские школы, заметим, что дети в них учились письму, счету, грамоте, но не умению учиться. В этом коренное отличие школы старой от современной начальной школы.

Итак, ребенок научился учиться. Он уже провел в школе три-четыре года. Она перестала восприниматься как нечто новое. И новый учебный предмет уже не кажется чем-то новым, а просто очередным. Ребенок привык к школе, наладились его отношения с учителями и сверстниками. Полным ходом идет освоение сокровищницы человеческих знаний. Все в этой нашей идеальной модели, кажется, дышит благополучием. Но мы знаем, что это затишье перед бурей. Ведь заканчивается детство, грядет переходная эпоха в развитии личности — отрочество с его трудностями роста. Что же происходит с личностью после детства — об этом читатель узнает в следующей главе.

После детства

Как необозримо отрочество, каждому известно. Сколько бы нам потом ни набегало десятков, они бессильны наполнить этот ангар, в который залетают за воспоминаниями, порознь и кучею, днем и ночью, как учебные аэропланы за бензином. Другими словами, эти годы в нашей жизни составляют часть, превосходящую целое.

Борис Пастернак

Подросток — это означает буквально (по Далю) «дитя на подросте». Однако разве подросток — это всего лишь растущий ребенок? Вряд ли, поскольку одними трудностями роста нельзя объяснить те противоречия и проблемы, которые знаменуют развитие личности «после детства» и которые доставляют так много волнений, беспокойств и тревог миру взрослых, равно как и самим подросткам.

«Уже не ребенок — еще не взрослый» — эта формула наглядно выражает переходный характер подростковой жизни. Ведь отрочество — это такое состояние личности, когда человек уже расстался со счастливой порой детства, но еще не нашел себя в жизни взрослой, не оформился как зрелая личность с присущим только ей образом жизни, своей формой деятельности.

Жизнь подростка всегда на грани безвозвратно уходящего (детства) и ожидаемого грядущего (взрослости). И поэтому душа его смущена — он ощущает себя в мире и мир в себе преимущественно как представление, как идеал своего существования, вынесенный за скобки его непосредственной жизнедеятельности. Он как бы не замечает очевидного: того, что он реально счастлив, поскольку живет полной, напряженной, энергичной жизнью, его тело исполнено жизненных соков, а дух способен к высоким поступкам — к подвигу, бескорыстному служению цели, самоотверженности ради другого.

Подростковый возраст отличается психологическими проявлениями, за которые он получил название «трудного», «кризисного», «переходного». Хорошо известны и многократно описаны в психологических исследованиях

особенности отрочества; подросток становится капризным, его не устраивают ценности, задачи и устремления, составляющие смысл его деятельности в более ранний период (в детстве). Отношение к этим ценностям становится нигилистическим, разрушается ряд психологических образований, являвшихся жизненно важными для младшего школьника — желание учиться, дисциплинированно вести себя и т. д. Возникает необходимость поступков, часто неадекватность поведения, реже психический срыв как следствие неумения найти себя в новых условиях.

В свое время Л. Выготский назвал такое явление кризисом психического развития, отмечая, что этот «паннигилизм» и отчаянное разрушительство могут быть сведены к формам психологически приемлемым (не приводящим к задержкам в психическом развитии) и контролируемым в известных границах педагогическим воздействием. Он также считал, что это явление, всецело положительное, в определенных условиях способное дать новый импульс психическому развитию. Однако основания для этого следует искать не в самом кризисе, а в новой социальной ситуации развития, ведущей к появлению психологических новообразований в этом возрасте.

Основные из них известны: стремление занять «свое место» в коллективе сверстников, желание завоевать авторитет и признание товарищей, ориентация на требования коллектива и его общественное мнение, повышение внимания и требовательности к себе, большая социальная активность, стремление к «взрослости» и т. д. Словом, в современной советской психологии создана обширная картина психологических особенностей подросткового возраста, которая позволяет подойти к нему как к особому духовному миру и состоянию личности, качественно отличающемуся от других возрастов, эпох и периодов человеческого развития.

Всегда ли отрочество было «трудным» возрастом?

Современных подростков часто называют «трудными». Однако, как остроумно заметил еще Вольтер, «прилагательное — враг существительного», то есть существа дела, и от того, что мы нечто назовем «трудным», легче не становится. Поэтому отнюдь не лишним представляется разобраться, в чем, собственно, состоит «трудность» подросткового возраста.

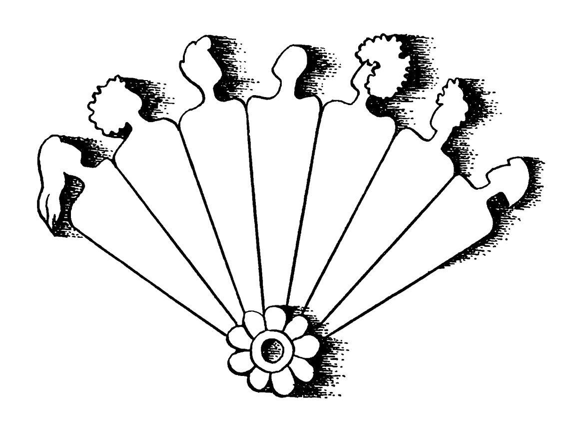
Абстрактное рассмотрение этого вопроса мало что дает. Буквально во все времена взрослые люди выражали определенный набор претензий к подрастающему поколению, находили массу изъянов в молодых людях. Но это было по преимуществу брюзжание старого перед новым, виновным лишь в том, что оно не походит на старое. Проистекающую отсюда тенденцию трактовать отрочество как «трудный» возраст следует отнести в разряд предрассудков, на которые столь щедра психология обыденной жизни. Но как быть с многочисленными научными теориями отрочества, созданными буржуазными учеными только одного XX века? В них характер трудностей, отличающих отрочество, получает довольно определенное выражение.

Вот только несколько точек зрения.

Согласно одной из них подросток — это дикарь в силу неограниченности воображения, интенсивности развитого чувства самосохранения, пылкости, живости, плутоватости, забывчивости, непостоянства, любопытства, вспыльчивости, беззаботности.

По другой, подросток — это сумасшедший, вследствие своей склонности к суеверию, иллюзиям, доходящим до галлюцинаций, гордости и болезненности честолюбия, по бесконечному словоговорению, напоминающему бред умалишенного, склонности к немотивированности поступков, верчению, кривлянию, поддразниванию.

Утверждалось, что подросток — это преступник в силу присущего ему гнева, лжи, жестокости, крайнего тщеславия и себялюбия, склонности к алкоголизму и моральной извращенности.

Наконец, в психоанализе — подросток выступает как пансексуальное существо, почти маньяк.

Дикарь, сумасшедший, преступник, сексуальный маньяк — так вырисовывается довольно мрачная картина, столь характерная для современной буржуазной мысли, исполненной социального пессимизма, неверия в творческие, светлые и созидающие потенции человека.

Впрочем, не только в науке, но и в искусстве Запада бытуют множественные попытки утверждать глубинную порочность человеческого существа, уходящую корнями в мир детства, отрочества, юности. Назовем некоторые примеры — неравные по своим художественным достоинствам, но единые в своих выводах о порочности детского мира: «Повелитель мух» У. Голдинга, «Вельд» и «Урочный час» Р. Брэдбери, «Предзнаменование» Р. Доннера, «Изгоняющий дьявола» У. Блатти и т. д. У наиболее прогрессивных художников — Э. Хемингуэя, В. Фолкнера, Т. Вульфа, тех же У. Голдинга и Р. Брэдбери мрачные картины отрочества являются, по сути дела, отражением современной им реальности буржуазного мира, трагической судьбы детей и подростков в современном мире, основанном на преступности, коррупции, моральной деградации и т. д.

Нельзя отвлечься от того факта, что подростковая жизнь содержит множество противоречий, проявления которых на первый взгляд дают основания для разноголосицы в понимании сути отрочества, в том числе и для тех суждений, которые мы назвали выше. Но дело в том, что в психическом складе подростка можно увидеть многое из того, что с точки зрения указанных подходов составляет сущность возраста: в буйном воображении — дикость, в склонности к немотивированным поступкам — сумасшествие, в беспорядочности — преступность, в факте полового созревания — пансексуальность и т. д.

Но возникает вопрос: а правомерно ли абсолютизировать отдельные проявления отрочества, гипертрофировать их, доводя тем самым их до абсурда, превращая норму в патологию? Ведь можно, как говорится, не сходя с места, «набросать» и прямо противоположную картину «ангелоподобного» существа, стремящегося к идеалу, тонко чувствующего, сентиментального и легкоранимого (все это такие же характеристики отрочества, как и перечисленные раньше!). Но какой смысл заменять одну абстракцию на другую? Ведь «ангелу», как и «дьяволу», равно неуютно в человеческой жизни — слишком одно-

сторонни, одномерны, слишком просты они для того, чтобы характеризовать всю сложность человеческой личности!

Поэтому пойдем ранее намеченным путем — путем культурно-исторического анализа и рассмотрим реальные изменения социальной ситуации развития подростка в нашей стране и тем самым постараемся подойти к пониманию и сути трудностей отрочества и их современных проявлений.

Начать надо вот с чего.

Известно, что первой задачей, с которой столкнулось Советское государство в области народного образования, было преодоление массовой безграмотности, доставшейся как тяжелое наследие царского режима. В этих условиях содержанием образования для различных возрастных групп населения (в том числе и для подростков) было овладение первичными культурными навыками — письмо, чтение, счет. В. И. Ленин связывал обучение грамоте с необходимостью участия широких слоев населения в политической жизни. Он писал: «Безграмотный человек стоит вне политики, его надо сначала научить азбуке».

Эту задачу решало начальное образование, целью которого было приобщить к грамоте, а тем самым формировать социально-психологические предпосылки для участия населения в относительно квалифицированных видах труда, сознательного включения его в общественно-политическую жизнь. Другими словами, это была программа формирования грамотного и культурного советского работника.

Подросток 20—30-х годов — по преимуществу рабочий подросток. Переход от детства к взрослости в то время совершался гораздо раньше, нежели сегодня. Подросток в общественной жизни определялся не как «трудовой резерв», а как составная часть «трудовых ресурсов» страны. Соответственно и психология подростков того времени была психологией трудового человека.

Это хорошо понимали советские психологи 20—30-х годов (И. Арямов, П. Блонский, Л. Выготский, А. Залкинд и другие). Главное, что было ими зафиксировано, — различие буржуазного и рабочего подростка. Л. Выготский писал: «Подавляющее большинство наблюдений и фактических данных касательно переходного (подросткового. — *А. Т.*) возраста, которые легли в основу традиционной теории этого возраста, были все получе-

ны на подростке высших классов общества; рабочий подросток изучался лишь в незначительной степени, а крестьянский не изучался вовсе. Даже такие яркие представители западной психологии, как Шпрангер, пришли к сознанию невозможности построения общего учения о подростке вообще и стали сознательно ограничивать свою задачу исследованием буржуазного подростка какой-нибудь одной определенной страны».

Исследования советских психологов 20—30-х годов показали, что сами типы развития буржуазного и рабочего подростков глубоко различаются.

Отличительной чертой рабочего подростка является то, что он должен трудиться, чтобы жить. Это становится для него основной жизненной потребностью, вернее сказать, целым гнездом жизненных потребностей, которые выдвигаются на первое место. Необходимость обеспечить свое жизненное существование, необходимость работать — чтобы есть, становится доминирующей потребностью, впервые созревающей именно в переходный период. Вот почему рабочий подросток проходит часто сокращенный путь культурного созревания; вот почему его юность оказывается часто невыявленной, скомканной, бледной, часто он вовсе лишен юности — этого высшего периода культурного развития.

Такое позднее приобретение человечества, очень сильно варьирующее, неустойчивое и изменчивое, является, очевидно, в известном смысле классовым достоянием. «Будущей истории человечества, — говорит П. Блонский, — предстоит еще закрепить для себя юность, сейчас это далеко не общее достояние, по крайней мере, как длительное явление».

Итак, в 20—30-е годы речь шла лишь о необходимости в будущем закрепить подростковый возраст для всей массы населения. Реализация этого процесса, непосредственно связанного с развитием образования, началась в конце 30-х годов, а завершилась в конце 50-х оформлением всеобщего восьмилетнего (неполного среднего) образования (1958 г.).

К этому времени в социально-массовом масштабе сформировалась система общественного воспитания — дошкольного (до семи лет) и школьного (до пятнадцати лет). А это означает, что подростковый возраст в нашей стране стал школьным возрастом.

Содержанием жизни подростка становится получение образования, приобщение к основам наук. Отсюда начи-

нается история современного подросткового возраста в нашей стране.

Подросток 50—80-х годов — школьник. Вряд ли надо подробно разъяснять то обстоятельство, что между рабочим подростком и подростком-школьником существуют фундаментальные различия. Главное из них: основным содержанием деятельности подростка становится учение. Он более не связан необходимостью обеспечивать свое существование, заботой о хлебе насущном.

Итак, современное отрочество сформировалось в ходе развития системы всеобщего среднего образования в нашей стране. Возникновение и широкомасштабное распространение подросткового возраста как школьного возраста в корне меняет место подростка в системе общественных отношений. Ныне он — школьник, ученик. Следовательно, меняются общественные требования к содержанию развития его как личности.

Система общественного воспитания в социалистическом обществе исходит из необходимости формирования у подростков таких качеств (потребностей и мотивов), которые позволяют активно включаться в процесс общественного производства и гражданской жизни. Среди них можно выделить: 1) потребность и способность к труду, трудовые навыки, позволяющие быстро включаться в любую социально значимую форму деятельности, приобрести конкретную профессию, рационально организовывать и по мере необходимости творчески совершенствовать условия и орудия своего труда; 2) умение использовать основные формы и средства общения в различных коллективах на основе развитых нравственных и общественных идеалов; 3) умение ориентироваться в таких формах теоретического сознания, как научное, художественное, нравственное и правовое, составляющих основу научного мировоззрения.

Реализацию этих задач, вместе с тем, не следует считать делом автоматическим, требующим одной лишь педагогической техники. Важно разобраться, как сопряжены эти современные задачи отрочества с реальными психологическими особенностями современных подростков. Не скроем, многие трудности современного отрочества являются, на наш взгляд, следствием непростой социальной ситуации развития современных подростков. Постараемся в ней разобраться.

В настоящее время благодаря работам советских психологов в области педагогической психологии (исследова-

ния В. Давыдова и Д. Эльконина) стало очевидно, что основы теоретического сознания личности (научного, художественного, нравственного, правового и др.) можно и нужно закладывать уже в младшем школьном возрасте. Как показывают экспериментальные исследования В. Давыдова и его сотрудников, такое изменение содержания учебной деятельности в начальной школе способствует развитию у детей младшего школьного возраста произвольности психических процессов, свободы внутреннего плана действия, рефлексии на собственные способы поведения — всего того, что в немалой степени традиционно относилось к отрочеству.

При этом следует оговориться, что вплоть до настоящего времени наша начальная школа еще не обеспечивает в полной мере такое содержание учебной деятельности младших школьников, однако совершенствование его сейчас направлено на преодоление этого недостатка.

Если принять эти положения, а им нельзя отказать ни в резонности, ни во всесторонней теоретической обоснованности и экспериментальной проверке, то возникает вопрос — какова же в таком случае специфика отрочества?

Советские психологи Т. Драгунова и Д. Эльконин в специальном исследовании установили, что особенностью отрочества является возникновение и развитие особых личностных отношений между подростками, которую они назвали деятельностью общения, или деятельностным общением.

В процессе этого общения происходит «проверка», «проба», углубленная ориентация в нормах человеческих отношений и их освоение.

По Д. Эльконину, внутри такого общения оформляются общие взгляды на жизнь, на отношения между людьми, на свое будущее, вырабатываются взгляды на смысл жизни, а тем самым формируется самосознание как «социальное сознание, перенесенное внутрь» (Л. Выготский).

Т. Драгунова считает, что главным является представление о себе как о взрослом, стремление и желание быть и считаться взрослым, проявляющееся в подражании внешнему рисунку поведения взрослых и в других феноменах отрочества (подробнее на этом вопросе мы остановимся чуть ниже).

Из вышесказанного хорошо видно, что попытка «просто» засадить подростка за учебу, требовать от него по-

слушания и дисциплинированности, как от младшего школьника, обречены на неудачу, так как не учитывают специфики современного подросткового возраста, его особой психологической организации.

Возраст Керубино

В знаменитую Болдинскую осень — во время феноменального творческого подъема — видимо, под влиянием воспоминаний отрочества, тех лицейских лет, в которые сам великий поэт веселился и проказничал, как пятнадцатилетний Керубино, Александр Сергеевич Пушкин написал стихотворение «Паж, или пятнадцать лет». Вот его первые строфы:

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть... и т. д.

Образ Керубино, популярного персонажа литературы XVIII века, символизирует особый момент развития человека — перехода от ребенка к взрослому, от мальчика к мужу, выражает состояние определенного периода, периода зарождающейся любви, периода полового созревания, когда за пухлыми, безбородыми щеками мальчика-подростка, женственной внешностью проступают первые черты психологии мужчины.

Современные подростки не очень похожи на знаменитого литературного персонажа, отчасти потому, что половое созревание наступает у них раньше (акселерация), а спорт и воспитание делают их внешность более мужественной, лишенной изнеженности и женственности.

Физиологически современные мальчики и девочки — подростки — достаточно хорошо оформлены в своей половой принадлежности, и, скажем, в современной литературе вы не найдете уже популярный мотив романа барокко начала XVII века, когда легкость переодевания мужчин в женскую одежду и наоборот была важным сюжетным элементом многих забавных историй главным образом приключенческого толка.

Вместе с тем та особенность подростковой и юношеской психологии, которую символизирует образ Керубино, и в наше время остается существенной гранью процесса перехода от детства к взрослости, поэтому постараемся в ней разобраться.

В былые времена факт полового созревания выражал собой окончание детства и переход подростка к взрослой жизни. Для древних половое созревание было достаточным основанием, чтобы признать взрослеющего человека готовым к несению воинских тягот, семейной жизни, постепенному включению в социальные институты. Его подвергали тому или иному обряду инициации, выдержав испытания которого он мог непосредственно приступать к отправлению своих социальных, гражданских обязанностей.

Не так в наше время. Несмотря на то, что внешне процесс полового созревания достаточно ярко выражен (в частности, в чисто внешних особенностях, физиологических изменениях, затрагивающих формирование соответствующих органов) — ребенок остается таким же учащимся какого-либо 5-го «А» или 7-го «В» (наступление половой зрелости существенно разнится во времени у девочек и мальчиков, а также и у представителей одного и того же пола), таким же материально зависимым членом определенной семьи, он лишен гражданских прав и т. д.

То есть возникает некоторое несоответствие между чисто физиологической готовностью к ведению семейной жизни и фактически детским положением подростка. Кроме того, оформление физиологического аппарата (половых органов и систем) не означает наступление общеорганической зрелости организма (продолжается рост), и поэтому до определенного возраста не только социально, но и физиологически нецелесообразно ведение половой жизни, рождение детей.

Ускоренные темпы полового созревания подростков до крайности обостряют проблему целенаправленного воздействия общества на формирование сексуальной культуры подрастающего поколения.

Статистика из области сексуального просвещения не внушает энтузиазма.

По данным сексопатолога З. Рожанской, нынешние десяти-двенадцатилетние девочки лишь в пяти процентах случаев получают информацию о сфере интимных отношений от своих родителей, в семье и немногим больше шести процентов — в школе. Для большинства (свы-

ше 70 процентов) основным источником информации являются «более опытные» подруги-сверстницы или девочки чуть постарше. Причем информация эта поступает, как правило, в примитивном, циничном, разлагающем виде. По данным того же исследователя, сексуальное просвещение к тому же серьезно запаздывает и в 75 процентах случаев начинается в 15 лет и старше, а иногда опаздывает и по отношению к первым сексуальным опытам. Даже к началу менструаций своевременно и надлежащим образом подготовлено не более половины всех девочек.

Просвещать приходится не только подростков. По данным сексопатолога Н. Жбанковой, более 10 процентов родителей в своих половых сношениях не стесняются детей, не задумываясь о последствиях такого рода «наглядной агитации».

Логика — придет время, узнают — сохраняет удивительную живучесть в качестве «принципа» сексуального воспитания.

Наша система полового просвещения многими и справедливо критикуется — философами, социологами, психологами, педагогами, демографами.

Заслуживают внимания аргументы А. Петровского, который видит корень наших бед в отождествлении полового воспитания и полового просвещения. Половое воспитание должно начинаться намного раньше собственно полового просвещения, предшествовать ему как культурно-исторический фундамент нынешних реальностей взаимоотношения полов. Половое воспитание — это формирование такого отношения между мужчиной и женщиной, которое опосредствовано нравственно оправданными ценностями.

Половое просвещение должно начинаться, по сути, тогда, когда половое воспитание уже закончено, быть его логическим продолжением, надстройкой. Только в таком случае оно окажется полезным.

Следовательно, здесь дело не в возрасте, а в последовательности воспитательных усилий.

А. Петровский приводит яркий пример для иллюстрации этих положений. Ученица шестого класса (дело было в одной из наших северных областей) прибежала домой взволнованная и, отозвав мать в сторону, с явным ужасом рассказала, что учительница собрала всех девочек класса и объяснила им, как пользоваться противозачаточными средствами. Как оказалось, где-то в их районе

имел место прискорбный факт беременности шестиклассницы. Последовала инструкция — предостеречь!

Этот возмутительный случай — ибо тут нанесена явная психическая травма девочке, не осведомленной до того времени о таинствах взаимоотношений полов, — показывает, как изъяны полового воспитания пытаются штопать белыми нитками полового просвещения.

Новейшие изменения в советском обществе, в частности, расширение гласности при обсуждении любых социальных проблем, уже коснулись и вопросов взаимоотношения полов. На страницах «Литературной газеты» профессора И. Кон и В. Шубкин призвали общественность к противодействию ханжеской морали в половом воспитании подростков. Слышатся требования пересмотреть школьный курс этики и психологии семейной жизни. Советское телевидение познакомило нас с семьей несовершеннолетних одесситов, воспитывающих своего первенца.

Факты свидетельствуют о сдвигах в области полового воспитания подростков, однако нерешенных проблем, конечно же, больше, чем решенных.

Некоторые из них носят сугубо психологический характер.

Так, если в более ранние эпохи половое созревание завершало процесс развития и роста человека, то в наше время оно является его внутренним моментом, причем достаточно ранним, предшествующим во многом общеорганической зрелости и зрелости общественной, гражданской, нравственной и т. д.

Отсюда возникает множество проблем подросткового возраста, как чисто педагогических (как строить учебный и воспитательный процесс в период полового созревания и после его окончания в условиях сильного взаимного влечения полов), так и психологических, ибо чисто органические причины влекут (хотя и не определяют непосредственно) существенные психологические изменения личности.

Эти психологические изменения подросткового возраста получили в советской психологической литературе название «чувства взрослости», как психологического новообразования, отражающего особую ситуацию развития подростков. Специфическая социальная активность подростка заключается в восприимчивости к усвоению норм, ценностей и способов поведения в мире взрослых и

в их отношениях. Однако путь этот не гладкий, он осложнен некоторыми особенностями личности подростка.

Слабость воли или слабость целей?

И. Кант в одном из заключительных разделов своей «Критики чистого разума» сформулировал три знаменитых вопроса, исчерпывающих, по его мнению, все духовные интересы человека: что я могу знать? что я должен делать? на что я смею надеяться? Современный психолог, используя принятую сегодня в науке терминологию, не преминул бы заметить, что в центр развития духовных интересов человека И. Кант поставил проблему мотивов человеческой деятельности.

В чем-то это глубоко верно, и современная психология отводит первостепенную роль в процессе становления личности проблеме мотивов: ради чего осуществляет и почему не осуществляет подросток ту или иную деятельность; в какой степени он осознает побуждения, которые привели его к совершению некоторого поступка; умеет ли он поставить перед собой определенную цель и выполнить, реализовать принятое намерение; какие стремления, интересы являются для подростка главными — все эти и многие другие вопросы относятся к области мотивов поведения.

Понять специфику собственно человеческой мотивации — значит, понять поведение человека в соответствии с сознательно поставленной им самим целью.

Если представить себе в самом общем виде развитие способности ставить и достигать цели, то его можно описать как переход от неспособности совершать действия в соответствии с некоторой сознательно поставленной целью, к достижению целей, которые ставит перед ребенком взрослый, и наконец, к постановке человеком целей перед самим собой.

Способность к произвольному действию, к действию с сознательно поставленными целями возникает у ребенка еще в дошкольном возрасте. При этом взрослые, как правило, стремятся найти ему такое занятие, в котором проще всего было бы ему осуществлять произвольное действие. Например, если ребенок «не может» самостоятельно одеваться по просьбе взрослого или по его приказу, то часто в игре задачу «одеться» он решает легко и даже с удовольствием.

В школе режим, необходимость строго соблюдать пра-

вила поведения учащихся, регулярность выполнения учебных заданий ставит ребенка в более трудные условия, предъявляющие высокие требования именно к произвольности поведения, умению выполнять сознательно поставленные задачи.

В школе действия по непосредственному побуждению могут оказаться совершенно неуместными. Если ученик встанет среди урока, скажет: «Мне надоело!..» и отправится на поиски более интересных занятий, то вряд ли это вызовет восторг у учителя. Скорее нерадивому школьнику крепко влетит в школе и дома за этот поступок, продиктованный непосредственным побуждением.

Специфика младшего школьника состоит в том, что задания, цели действий ставят перед ребенком прежде всего педагоги и родители. И ребенок должен уметь их выполнять, быть способным достичь поставленной цели. Не все дети, пришедшие в первый класс, оказываются к этому подготовленными. Часто возникают условия, когда ребенок стоит перед необходимостью выполнить одну цель, а непосредственно ему хочется заниматься чем-то другим, причем он не может противостоять этому непосредственному побуждению.

Таким образом, основная особенность развития мотивов в младшем школьном возрасте — формирование умения действовать в соответствии с поставленной целью, подчиняя ей другие, непосредственные желания.

По существу — и это важно подчеркнуть — речь идет о развитии волевого поведения, которое психологически можно определить как поведение в ситуации конфликта разнонаправленных мотивационных тенденций, когда одна тенденция выступает для сознания человека как более ценная (сознательно принятая цель), а другая — как эмоционалвно более привлекательная. Причем первая побеждает, подавляя другую.

Типичный пример ситуации, требующей волевого поведения: ребенок должен решить математическую задачу и считает это дело важным и главным для себя в данный момент, но в то же время он хочет посмотреть по телевизору интересный фильм или хоккейный матч.

Традиционно проблему волевого поведения относят к подростковому возрасту. Это отчасти справедливо. Однако важно то, что у подростков на первый план выдвигается проблема самостоятельной постановки целей перед собой. Л. Выготский отмечал, что многие трудности под-

росткового возраста объясняются не слабостью воли, как принято считать, а слабостью целей.

Вдумаемся внимательнее в это положение. Действительно, процесс формирования личности можно в известном смысле рассматривать как развитие воли. Однако в таком случае в поле зрения попадают преимущественно уже проявления личности. Ведь воля, как и другие психологические новообразования, не прирождена человеку, а формируется в ходе его психического развития, проходя ряд этапов становления. Конечно, нельзя говорить о личности без указания на способность к волеизъявлению. Однако равно верно и обратное: нельзя говорить о волевом поведении вне личности. Поэтому, когда мы говорим о недостатках воли у подростков, возникает опасность поменять местами следствие и причину.

Именно это подмечено Л. Выготским: а не является ли наблюдаемая нами слабость воли не чем иным, как слабостью целевых установок подростков?

Исследуем это обстоятельство.

Обе эти точки зрения совпадают в том, что отводят развивающейся личности роль пассивного объекта изменений, подверженного фатальному воздействию либо наследственного, либо средового фактора. Это рассуждение следует продолжить вот в каком плане. Указанные направления знают только один способ объяснения человеческого сознания и поведения — установление причинно-следственных зависимостей.

Однако это положение, имеющее свое основание в общей методологии естественных наук, не учитывает того обстоятельства, что установление причинно-следственных зависимостей фиксирует лишь одну сторону развития человека. Вместе с тем не меньшее значение для формирования человеческого поведения имеет развитие способности к постановке перед собой цели. Безусловно, прав Э. Шпрангер, утверждающий, что культурная личность есть личность, ставящая цели. Поэтому, отмечая фактическую зависимость человеческой деятельности от прошлого (причинная детерминация), нельзя не обращать внимания на вторую сторону — на связь человеческой деятельности с будущим (целевая детерминация). Ведь цель, как идеальный образ будущего, образ должного, детерминирует настоящее, определяет собой реальное действие и состояние субъекта.

В этой связи А. Леонтьев в одной из своих работ привел притчу, услышанную им на Урале: когда лошадь на

трудной дороге начинает спотыкаться, то нужно не подхлестывать ее, а поднять ей голову повыше, чтобы дальше видела перед собой. Смысл притчи не нуждается в разъяснениях. Позволим себе провести такую параллель: не являются ли трудности отрочества во многом связанными с ограниченностью «поля зрения» подростка?

Уместно вспомнить тут положение А. Макаренко о системе перспективных целей. Известно, что он считал: воспитывать человека — значит, воспитывать у него перспективу. «Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше». В сочетании близкой, средней и дальней перспектив видел А. Макаренко основу соединения повседневной практической деятельности подростков с идеалами.

Итак, мы можем говорить о ведущей роли целеполагания в развитии личности. Поэтому важно выяснить, почему именно в подростковом возрасте вопрос о целях деятельности выступает как наиболее острый и актуальный.

Это объясняется прежде всего изменениями образа жизни личности при переходе от детства к отрочеству. Человек в детстве живет во всерасширяющейся системе общения. Если до школы основной сферой его общения является семья, ближайшие взрослые и сверстники, то в школе круг контактов существенно расширяется.

Однако сначала это перемены преимущественно количественного характера. Качественное же изменение происходит со вступлением в отрочество. В этом возрасте расширение круга общения знаменуется и новым его значением для развития личности, а именно — оно может рассматриваться как развертывание общественной сущности человека. Объясним это подробнее.

В отрочестве теряется самоценность отношений в ближайшем кругу общения (семья, класс). Именно самоценность, не более. Однако это означает, что требования, идущие со стороны самых близких взрослых (родителей, учителей) и сверстников, сохраняют смысл лишь при условии, что они идут от нужд общественного развития.

Это обстоятельство точно подметил В. Сухомлинский, разбирая природу «психологического бунтарства» под-

ростков, их невосприимчивости к воспитательным воздействиям: «Подросток хочет быть хорошим, стремится к идеалу и в то же время не любит, чтобы его воспитывали, не терпит той «оголенности» идей, тенденций, которая иногда становится настоящим бедствием школьного воспитания».

Если в начальных классах школы авторитет учителя, требования, исходящие от него, чаще всего непререкаемы, то подростки и к словам и требованиям учителя относятся как бы с «контртребованиями». Хотя жизнь подростка остается школьной и семья по-прежнему сохраняет за собой роль основного воспитателя, сам он стремится в отношениях и в классном коллективе, и в семье к такому поведению, которое уже выходит за рамки школы и внутрисемейных отношений.

Другими словами, меняется система связей подростка с окружающим миром; он стремится преодолеть известную ограниченность семейного и школьного круга общения и выйти на широкое поле социальной деятельности.

Здесь мы подходим к характеристике важнейшей черты отрочества, к его основному противоречию. Фактически мы уже наметили содержание этого противоречия. Подростка не устраивает более мир тех отношений, которыми он связан со своим непосредственным окружением.

В отличие от ребенка он не рассматривает уже этот мир как гармоничный и самоценный и стремится найти свое место в более широком общественном контексте. Однако, поскольку жизнь его остается по преимуществу школьной и реально он еще не включен в общественную деятельность как таковую, подросток реализует чувство своей деятельной силы и стремление к преобразованию жизни преимущественно в воображении. Своеобразие этого положения можно назвать «включенной невключенностью» подростка в общественную жизнь.

Чтобы пояснить эту мысль, остановимся кратко на роли воображения (фантазии) в психическом развитии личности.

Алхимия фантазии

Обычно под воображением понимают способность выдумывать нечто несуществующее — сочинять всякого рода небылицы, сказки, фантасмагории, так называемые фантастические романы и повести. Однако это лишь одна узкая, частная функция воображения.

В ленинских конспектах работ Аристотеля и Гегеля,

получивших название «Философские тетради», мы находим ряд положений, важных для нашей темы. Так, В. И. Ленин пишет, что уже «в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек **фантазии»**. И в другом месте: «Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» Нужны ли примеры, подтверждающие это?

Известны тысячи свидетельств, демонстрирующих необходимость фантазии для творческой деятельности в искусстве, в научном поиске, в любом виде творчества. Эти наблюдения подтверждаются в психологических исследованиях, специально разрабатывающих проблему воображения. Французский психолог Т. Рибо отмечал: «...Всякое изобретение, крупное или мелкое, прежде чем окрепнуть, осуществившись фактически, было единственно только воображением — постройкой, возведенной в уме при посредстве новых сочинений или же соотношений...»

Ну а как обстоит дело в каждодневности? Тот же французский психолог утверждает, что способностью к воображению обладают все люди, даже и тогда, когда «большинство мало-помалу входит в прозу практической жизни, хоронит мечты, считает любовь химерой и пр. Это, однако, лишь регресс, но не уничтожение, потому что творческое воображение не исчезает совершенно ни у кого, оно делается только случайным».

Без фантазии в принципе немыслим процесс труда, если только он не подчинен однозначно жесткой стандартизации. Ведь, приступая к труду, мы должны представить его результат. Иначе пришлось бы предположить, что, взявшись за дело, мы не знаем, что хотим сделать. Хотя, признаем, и такое бывает.

Без воображения невозможно никакое планирование, отвечающее сколь-либо отдаленной перспективе. В этом смысле планируют все люди, и не только, и не столько, целостный процесс своей жизни, но и более близкие цели: как изучить иностранный язык, как распределить семейный бюджет, как провести отпуск, как накрыть стол для гостей. В тысячах ежедневных мелочей мы непрестанно используем свою способность воображения, даже не подозревая, что мы это делаем, как мольеровский Журден, который не подозревал, что «говорит прозой».

И уж совсем очевиден факт существования своеобразного воображения у детей. Гёте говорил, что дети могут из всего сделать все. Они легко строят на основании небольшого числа реальных предметов или их признаков сложные картины и целые «романы».

Следует непременно указать и другую особенность воображения. Образы фантазии, не совпадая полностью с действительностью, тем не менее являются ее отражением. Поэтому воображение зависит от богатства и разносторонности человеческого опыта, возрастает и качественно развивается с его накоплением. Поэтому-то воображение гораздо сильнее и ярче у подростков, чем у более младших детей. Свое высшее выражение находит оно в творческой деятельности художника или ученого.

Таким образом, мы видим, что фантазия (строже — продуктивное воображение) есть универсальная человеческая способность, обеспечивающая человеческую активность восприятия окружающего мира. Не обладая ею, человек не может ни жить, ни действовать, ни мыслить по-человечески ни в науке, ни в политике, ни в сфере нравственно-личностных отношений с другими людьми.

Какую же роль способно сыграть воображение в формировании личности?

Здесь мы не можем упустить такого обстоятельства: именно воображение выполняет важнейшую функцию в становлении личности — помогает соотнести свою жизненную перспективу с принятыми общественными и нравственными идеалами.

Возможно, сложности становления личности подростка в немалой степени связаны с тем, что его идеал всецело остается в области мечты, не согласуясь с реальными действиями, направленными на его реализацию. А ведь идеал имеет смысл для развития личности лишь тогда, когда он, не совпадая с действительностью, предполагает ее активное изменение. Здесь требуется умение постоять за идеал и найти средства и способы его утверждения в жизни. Именно это «напряжение противоречия» между давлением обстоятельств жизни и стремлением к их изменению фиксируется в феномене «включенной невключенности». С юношеским максимализмом подросток стремится к «изменению мира».

К. Маркс зафиксировал в своих трудах и опытом своей жизни продемонстрировал, что принятие идеала сопряжено с умением увидеть за этим представлением будущую реальность, создание которой требует дела, измене-

ния обстоятельств. Человек должен представить движение к достижению идеала как реальный путь борьбы.

А представить путь движения к идеалу возможно лишь на основании развитой способности воображения, которая, преодолевая неясность, расплывчатость представления о будущей жизни, заполняя это представление деталями, позволяет рассматривать будущее как «реальность».

Способность воображения позволяет оформить в образ те черты и свойства окружающего мира, которые выражают общественно выработанный, культурно-исторический определенный взгляд на вещи и человеческие отношения.

В этом заключается огромное значение воображения для жизни человека. И если у подростка воображение не развито, или плохо развито, или «погасло», то как осознать ему общественное содержание идеала и увидеть путь к его достижению?

Без развития воображения, фантазии — этих важнейших человеческих способностей — невозможно полноценное, всестороннее развитие личности. Стало быть, перед педагогической практикой стоит задача сформировать эти способности у детей и подростков.

Еще Леонардо да Винчи советовал развивать фантазию посредством разглядывания различных пятен, трещин стены, облаков и нахождения в них сходства с людьми, пейзажами, сражениями. С тех пор человечество накопило немало приемов для развития воображения.

Среди форм сознания и деятельности человека существует одна, где способность к воображению является основополагающей. Это сфера искусства, которое, по меткому замечанию советского философа Э. Ильенкова, есть «продукт развитой, профессионально усовершенствованной силы воображения, фантазии».

Воспринимая произведение искусства, мы не раскладываем действия и поступки героев по характеристикам (как это еще часто делают в школе). Нет, мы мучаемся и радуемся вместе с героями и лишь потом, обязательно лишь потом можем в мыслях возвращаться к прочитанному, совершая как бы следующий акт — разделение целостного образа, его всестороннее рассматривание, анализ. А затем, на этой основе, мы часто опять возвращаемся к целостному восприятию образа, пополнив его существенными деталями, которыми обогатил нас анализ.

Искусство в известном смысле является развитой способностью видеть конкретное, живое целое раньше его частей. И фантазия художника, свободно двигаясь в материале действительности, умеет повернуть его так, чтобы в нем проступили неясные еще явления жизни. Искусство «меняет наш взгляд на действительность» (Гегель), раскрывает в движениях человеческой судьбы и души самые глубинные тенденции, самые тонкие повороты развития личности.

Искусство позволяет дать урок нравственности, не облеченной в форму нарочитой поучительности, «натянутой идеальности» (В. Г. Белинский). Сила искусства заключается в том, что оно дает нам образцы идеальных характеров в различных ситуациях жизни, утверждая в любой ситуации высокие истины. Искусство не только демонстрирует нам эти идеальные характеры в действии, но и раскрывает путь становления героя, являясь для подростков ориентиром для построения собственного плана жизни, стимулируя самовоспитание. А главное, искусство, «заражая» человека смелостью своих построений, дает импульс к «воображению» своей жизни в том виде, в каком ее хотел бы видеть человек. Все это делает искусство главной школой фантазии и мечты.

Конечно же, искусство — лишь один канал, по которому идет развитие воображения (хотя и самый основной и наиболее действенный). Имеются и другие средства и способы формирования воображения — от игры малышей до самостоятельного творчества подростков и юношей во всех его видах: художественном, техническом, литературном. Наконец, и человеческое общение может стать постоянной школой развития фантазии, если мы в нем стремимся не только высказать (и выказать) себя, но и понять, почувствовать, что на душе и «за душой» у собеседника.

Приведем слова немецкого психолога К. Грооса, который обращал внимание на трудность той педагогической задачи, с которой мы имеем дело, когда говорим о формировании продуктивного воображения: «Если педагог-практик желает правильно развить драгоценную способность творческой фантазии, то ему предстоит трудная задача — обуздать этого дикого и пугливого коня благородного происхождения и приспособить его к служению добру».

Как было показано выше, цели подростков обладают некоторой спецификой. Во-первых, это по преимуществу

самостоятельно поставленные цели. Во-вторых, это главным образом идеальные цели, вводящие подростка при помощи продуктивного воображения в мир общественных отношений.

Будучи по своему характеру идеальными, цели подростка не могут в полной мере выполнять роль реальных мотивов его поведения. Однако важно, что, возникнув, они помогают подростку наметить план жизни, определенную направленность дальнейшего развития своей личности.

Подросток рвется во взрослую жизнь, но находит ее преимущественно в представлениях, воображении, с помощью которых он примеривает себя к миру взрослых.

Основной источник для него в этом деле — идеальные представления. Они наполняют его чувством деятельной силы, он воображает себя способным и призванным переделать мир. Одновременно с этим ему кажется, что его собственная личность не признается миром.

Чувство гармонии с миром, которое он испытывал, будучи ребенком, исчезает, разрушается. Он уже не ребенок, потому что ставит общественные цели (часто максималистские и утопичные), он еще не взрослый, потому что он еще эти цели не может осуществить.

Когда же он начинает действовать, пытается осуществить свои цели, он становится взрослым.

Постараемся это подробнее объяснить в связи с проблемой выбора подростками и юношами будущей профессии.

Первая обязанность юноши

Пытаясь найти тот водораздел, который отделяет детство от юности, стремление к взрослости от взрослой жизни, мы обращаемся к вопросу о выборе будущей профессии. В постановке и решении этого вопроса развивающаяся личность оказывается перед лицом первой необходимости сделать социально значимый и глубоко личностный выбор.

«Возможность такого выбора является огромным преимуществом человека перед другими существами творения, но вместе с тем выбор этот является таким действием, которое может уничтожить всю жизнь человека, расстроить все его планы и сделать его несчастным. Серьезно взвесить этот выбор — такова, следовательно, первая обязанность юноши, начинающего свой жизненный путь

и не желающего предоставить случаю самые важные свои дела», — писал в гимназическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» юный К. Маркс.

Профессиональная трудовая деятельность — один из важнейших, если не главный, фактор, многое определяющий в жизни современного человека, и мы еще неоднократно будем обращаться к этому вопросу на страницах нашей книги. Здесь же мы рассмотрим современную проблему выбора будущей профессии под углом зрения того, как она связана с развитием личности в подростковом возрасте и возрасте ранней юности.

Прежде всего следует объяснить, почему мы связываем выбор профессии с двумя возрастами — отрочеством и юностью. Традиционно считалось, что этот выбор — удел только юности. В этом отношении в последние годы происходят изменения, которые мы попытаемся проявить с помощью данных двух конкретно-психологических диагностических опросов. Один из них проводился в конце 50-х — начале 60-х годов, другой — на грани 70-х и 80-х.

Психолог Л. Божович в своей книге «Личность и ее формирование в детском возрасте», анализируя социальную ситуацию развития старших школьников (подростков и юношей) в начале 60-х годов, в качестве самого существенного ее компонента выделяет то, что старший школьник стоит на пороге вступления в самостоятельную жизнь, и перед ним возникает задача наметить свой жизненный путь, определить свое место в жизни. Выбор профессии, самоопределение, таким образом, становятся «аффективным центром» жизненной ситуации; обращенность в будущее является основной характеристикой внутренней позиции в этом возрасте.

В качестве материала, иллюстрирующего эти положения, Л. Божович использовала работу психолога Н. Крылова. В ней зафиксированы особенности внутренней позиции подростков и юношей в период после введения в стране (в 1958 году) обязательного восьмилетнего (неполного среднего) образования. Обратимся к этим материалам.

В исследовании Н. Крылова выявились существенные различия между выпускниками восьмых классов, с одной стороны, и десятых-одиннадцатых — с другой, в их намерениях относительно ближайшего будущего, в частности, будущей профессии.

Выпускники десятого-одиннадцатого классов, выбирая профессию, совершали при этом акт действительного самоопределения, учитывая реальное содержание той профессиональной деятельности, которую им придется осуществлять, а также свои возможности и трудности, с которыми придется столкнуться.

Совсем иначе осуществляли этот выбор выпускники восьмых классов. (Напомним, что обязательным было именно восьмилетнее образование; поэтому восьмой класс — выпускной.) Подавляющее большинство учащихся этого возраста (примерно две трети) думали так или иначе продолжить образование, откладывая выбор профессии на будущее. Вот типичные примеры ответов восьмиклассников: «После окончания восьмого класса я думаю кончить одиннадцатилетку, а что делать потом — еще не знаю»; «После восьмого класса буду кончать среднюю школу, а там видно будет» и т. д.

Даже те восьмиклассники, которые решили для себя проблему выбора профессии, как оказалось при более детальном анализе, подлинного выбора не делали, а ту или иную профессию предпочли в известном смысле случайно. Повторное обследование тех же учеников через год, в конце девятого класса, показало, что многие к этому времени успели уже изменить ранее принятое намерение.

Из приводимых Н. Крыловым примеров видно, что отсутствие определенного мнения о своей будущей профессии обычно воспринималось восьмиклассниками спокойно. Все они считали, что еще будет время подумать об этом в старших классах школы. Многие учащиеся говорили о желании получить высшее образование, но чаще всего еще не знали, в какой именно вуз пойти.

Конечно, не все восьмиклассники намеревались продолжить учение в средней школе. Определенная часть их собиралась пойти работать и одновременно учиться в школе рабочей молодежи, либо в техникуме или школе ФЗО, ремесленном училище, либо прямо пойти на работу.

Н. Крылов подробно анализирует мотивы подобных решений. Обычно их принятие объясняется либо желанием найти оптимальный путь для поступления в вуз (приобрести производственный стаж, облегчающий поступление в институт), то есть, по сути дела, отсрочить момент принятия окончательного решения о выборе будущей профессии, либо необходимостью материально по-

могать семье, либо осознанием слишком большой трудности для себя дальнейшего учения в школе.

Намерение учиться дальше в школе, в техникуме, в ремесленном училище, на курсах выразили 94 процента обследованных учащихся.

Таким образом, мы видим: социальная ситуация развития подростков и юношей в конце 50-х — начале 60-х годов складывалась так, что проблема выбора будущей профессии хотя и стояла перед учащимися на протяжении всего старшего школьного возраста, однако действительно актуальной, настоятельной эта проблема оказывалась лишь для 16—17-летних юношей и девушек (десятый и одиннадцатый классы). В восьмом классе происходил выбор некоторых «тактических» ходов, предшествующих акту действительного самоопределения, связанного с выбором будущей профессии. В тех случаях, когда юноша после восьмого класса принимал решение идти на производство и не планировал в дальнейшем повышать свое образование, это обусловливалось не общей социальной ситуацией развития, а теми не совсем благополучными условиями, которые складывались у него в семье.

Рассмотрим теперь материалы другого исследования.

«Я был бы рад...», «Я стремлюсь...», «Я хочу...», «Моя ближайшая цель...», «В будущем я планирую...» — всего восемнадцать незаконченных предложений предлагала закончить подросткам и старшеклассникам психолог Н. Толстых. Эта простая методика (вариант методики бельгийского психолога Ж. Нюттена) позволила получить интересную информацию о характере планов, стремлений, намерений школьников шестого-десятого классов начала 80-х годов. Результаты исследования дали пеструю и сложную картину возрастных различий в характере отношения к будущему.

Неожиданными оказались результаты, полученные Н. Толстых в вопросе выбора будущей профессии, — неожиданными с точки зрения традиционных представлений о возрастных особенностях школьников. Можно было бы предположить, что максимальное число упоминаний о будущей профессии окажется в старших классах, особенно в десятом. Оказалось же, что наибольшее число высказываний, касающихся будущей профессии, приходится на шестой-седьмой классы, причем весьма определенно говорится о той или иной уже выбранной профессии. Ученики более старших классов значительно реже в своих ответах говорят о будущей профессии. Это, одна-

ко, вряд ли свидетельствует о том, что они не знают, кем быть. Скорее можно предположить, что этот выбор был осуществлен раньше, и к настоящему моменту (к девятому-десятому классу) проблема перестала быть столь актуальной.

Это предположение подтвердилось в беседах. Почти все восьмиклассники не только вполне определенно называли свою будущую профессию, но и могли подробно описать необходимую систему подготовки, и прежде всего программу образования.

Таким образом, в 80-е годы выбор будущей профессии осуществляется раньше, нежели в начале 60-х годов, а именно уже в седьмом-восьмом классе.

Если, по данным Н. Крылова, в начале 60-х годов восьмой класс не представлял собой напряженную границу перехода к «делам взрослым», то двадцать лет спустя положение изменилось. Во-первых, показателен самый факт эмоциональной напряженности, которую приобретает для восьмиклассников всякая проблематика, связанная с выбором будущей профессии. Во-вторых, существенно то, что многие из них уже знают, кем будут. Все это говорит о том, что в наши дни реально выбор происходит не в десятом классе, а в седьмом-восьмом.

Итак, сопоставление исследований Н. Крылова и Н. Толстых показывает, что намечается тенденция к смещению времени выбора будущей профессии к подростковому возрасту.

Пока, видимо, рано еще говорить о том, что в социальной ситуации развития подростка произошел сдвиг возрастной границы профессионального самоопределения. Это только предположение, и приведенных выше исследований достаточно лишь для его иллюстрации, но не для доказательства.

Выбор профессии — выбор образа жизни

Как связан выбор будущей профессии с психологическими особенностями подростков?

Вопрос «кем быть?» ставится и решается подростком преимущественно в плане мечтаний, идеальных устремлений и желаний и не связан впрямую ни с его реальной деятельностью (которая остается по преимуществу «школьной»), ни с поиском реальных средств достижения идеальных жизненных целей.

Однако, как говорил Гёте, кто хочет свершить вели-

кое, должен быть собранным — в ограничении обнаруживается мастер. И в этом заключена мудрость жизни — ведь «тот, кто хочет всего, на самом деле ничего не хочет и ничего не достигает».

Таким образом, буквально на следующем шаге за сознанием неограниченности своих возможностей (но именно как возможностей, поскольку подросток в принципе способен ко всему, но ничего еще не сделал!) возникает вопрос: чего же ты хочешь? Или точнее, в чем именно ты хотел бы реализовать свои способности, какую сферу человеческой деятельности ты для этого выбираешь?

Задержимся несколько дольше на этом моменте, так как он принципиально важен для нас.

Разнообразие человеческих профессий велико, и большинством из них, по мнению психологов и педагогов, может овладеть каждый. Но равно верно и то, что в один момент времени человек может делать что-то одно. А так как жизнь его ограничена, он может сделать лишь несколько отдельных дел. «В современном обществе, — пишет советский философ Г. Гачев, — основанном на разделении труда, где каждая профессия столь сложна, что требует всего человека, всей его жизни, зачастую он за всю свою жизнь может сделать всего лишь одно дело. Поэтому и говорят о «деле жизни», о том, что человек «посвятил» себя тому-то. Таким образом, чтобы стать действующим, человек должен расстаться с бесконечностью, которой он обладал лишь в возможности, ибо реально он может не все, а лишь что-то». Так возникает проблема выбора будущей профессии.

Вообще-то процесс профессионального самоопределения начинается очень рано, гораздо раньше подросткового возраста. Уже в ходе ролевой игры дошкольники «проигрывают» многие существенные моменты различных видов профессиональной деятельности. Если внимательно присмотреться к этим играм, то нетрудно заметить, что дети в них легко и охотно идут на всевозможные символические замещения реальных атрибутов профессиональной деятельности (стул — «прилавок», разорванная на клочки бумага — «деньги» при игре «в магазин»), однако весьма педантичны в соблюдении правил не только игры, но и той деятельности, которую они разыгрывают. Если это, к примеру, игра «в магазин», то вы неизменно найдете здесь «продавца» и «покупателя», «товар», «деньги», «обмен денег на товары». Чаще всего неполно, по-

детски наивно, но в чем-то очень точно суть профессии здесь уже схватывается. Хотя, конечно же, в строгом смысле слова профориентацией ролевую игру не назовешь.

Равно и фантастические картины своей будущности как представителя той или иной привлекательной профессии не выполняют функции выбора профессии в силу своей отвлеченности от слишком существенных обстоятельств, составляющих профессию (сознание социальной необходимости, соотнесение своих склонностей и объективных возможностей и способностей и т. д.).

Эти этапы правильно назвать подступами к решению проблемы, подготовительными, даже с точки зрения самого подготовительного выбора профессии.

Одновременно очевидно, что сегодня в восьмом классе ребята должны решить: куда идти. В девятый класс, в ПТУ, в техникум? Именно здесь возникает вопрос: что скрывается за выбором профессии? Что на самом деле выбирает подросток?

Советский социолог И. Кон, пристально исследующий проблемы отрочества и юности, справедливо замечает, что выбор профессии, как любой жизненный план, — явление одновременно социального и этического порядка. Действительно, вопрос о том «кем быть?» нельзя рассматривать в отрыве от вопроса «каким быть?».

Юный К. Маркс в цитированном сочинении рассматривал вопрос «каким быть?» как первое основание выбора будущей профессии. Он писал: «...главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага».

Нравственный аспект выбора профессии наиболее открыто проявляется в отношении к труду как самостоятельной ценности, в понимании общественного значения трудовой деятельности. Как верно отмечает советский педагог А. Мудрик, «труд как сфера социальной ориентации старшеклассников должен рассматриваться с точки зрения формирования у юношей и девушек отношения к труду, к работе вообще». Это означает, что сформирован-

ный нравственный идеал должен включать в себя представление о своем будущем как обязательно трудовом будущем. Восхождение к идеалу пролегает именно через трудовую деятельность, в которую должен вступить молодой человек после окончания школы. При этом, говоря о необходимости формирования у подростков понимания общественного значения трудовой деятельности, мы имеем в виду не попытку убедить юношей и девушек в том, что все виды труда одинаковы (ибо это не так!) и что безразлично, чем они будут заниматься в будущем (ибо это не безразлично!), но развитие сознания того, что труд является важнейшей сферой реализации личности, ее идеалов и стремлений на пользу обществу.

В этой связи необходимо коснуться широко дискутируемого вопроса о необходимости ориентировать выпускников школы на труд обязательно в сфере материального производства. При этом нередко задача понимается так: добиваться, чтобы максимальное число выпускников школы пошло после окончания школы непосредственно в сферу материального производства. Но отсюда один шаг до представления о труде как о повинности, представления, противоречащего основополагающему принципу социалистического труда как труда сознательного.

Говоря о моральной готовности к трудовой деятельности, мы не призываем молодого человека к некой «неразборчивости» в выборе профессии. Наоборот, на наш взгляд, следует поощрять высокую требовательность юношей и девушек к своим будущим профессиям, требовательность, которую иногда, правда, не отличают от стремления к «чистым», «кнопочным» профессиям. Чтобы труд стал для молодого человека высшей ценностью, он должен удовлетворять его потребность в самоутверждении. Поэтому, когда отмечают, что молодежь отворачивается от тех или иных специальностей, есть основания предположить, что для этого имеются на первый взгляд невидимые, но значимые причины. Возможно, не все благополучно в сфере самой профессии, условия труда не соответствуют времени, труд стал неэффективным, технологически отсталым.

Важно отметить, что одной моральной готовности молодого человека к труду недостаточно для привлечения его в определенную сферу производства.

Нужно, чтобы и сама эта сфера была морально готова принять молодого рабочего, ответить на его стремление к

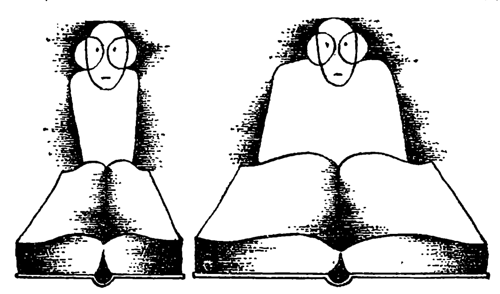
труду, соответствующему самым высоким современным критериям эффективности и качества.

Однако, если бы все сводилось лишь к усовершенствованию условий труда, проблема профессионального самоопределения стала бы гораздо проще. Наблюдения показывают, что дело не только в этом. Нередко за ссылками на «плохие условия» скрывается просто лень. Стремление найти место, где условия труда «получше», может означать очень многое, вплоть до полного нежелания трудиться, тщательно замаскированного «рабочим местом», «ставкой» и т. д.

Именно против такой психологии, которая вполне «оправдывает» название «потребительской», направлено педагогическое острие многих современных общественно-публицистических и художественных произведений. Такое закамуфлированное тунеядство одинаково вызывает и решительное осуждение, и сожаление. Ведь тунеядство не только асоциально, но и губительно для личности. Как справедливо заметил А. Леонтьев, «личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ».

Итак, сделаем вывод: современная система общественного воспитания призвана выработать у молодых людей такие личностные качества, которые позволяли бы им свободно выбирать сферу труда на основании высоких общественных и нравственных идеалов, прежде всего исходя из отношения к труду как самостоятельной ценности.

Здесь возникает вопрос: какое же образование наиболее полно отвечает поставленной задаче — «узкое» или «широкое»? Оговоримся, что мы вполне сознательно употребляем здесь эти «ненаучные» термины, поскольку наш опыт общения с учительской и родительской аудиторией подсказывает, что именно в этих словах сегодня чаще

всего понимается и выражается одна из актуальных педагогических проблем современности.

Позиция сторонников «узкого» образования достаточно проста, и ей трудно отказать в своеобразной «жизненной логике». Авторитет специалиста, мастера своего дела, человека знающего и умеющего, Профессионала с большой буквы достаточно высок в нашей жизни, а поскольку школа призвана готовить подрастающее поколение к жизни, то, по-видимому, это конкретно означает, что она призвана воспитывать специалистов, то есть обучать «узкой» специальности.

Так считают многие: и родители, и учителя, и сами учащиеся. Причем принципиально важно, что в данном случае мы имеем дело не только с неким мнением, но и с определенной системой поведения, которую можно схематично изобразить так. В средних классах чаще всего (хотя нередко и раньше) у подростков начинает проявляться склонность к некоторым предметам, скажем, к кругу естественных дисциплин — физике, химии, биологии и т. д.

Эта вполне законная увлеченность (явление положительное!) нередко начинает принимать форму односторонне избирательного отношения к учебным дисциплинам — в нашем случае это преимущественно потеря интереса к гуманитарным предметам. Естественно, что указанная увлеченность не остается не замеченной учителями и родителями (плохо, если остается незамеченной!).

Подчеркнем: описанная ситуация не представляет собой чего-то особенного, единичного, она достаточно распространена, и это вполне, если можно так выразиться, нормальное явление с точки зрения развития личности.

Однако буквально на следующем шагу, как своеобразный вывод из факта увлеченности учащегося тем или иным предметом, начинает формироваться и проявляться то, что, собственно, и называется стремлением к «узкому» образованию.

Класс начинает постепенно делиться «по склонностям»: те, кто увлечен математикой, например, читают дополнительную литературу, проявляют усиленное внимание к этому предмету часто не без ущерба другим дисциплинам и т. д. Учителя-предметники достаточно быстро распознают среди ребят тех, кто особо заинтересован в их предмете, и тех, кто считает этот же предмет «не своим», и, естественно (?!) больше времени уделяют интересующимся, позволяя остальным «отбывать номер».

Родители, не без облегчения отмечая увлеченность

своих детей тем или иным предметом, констатируют: знать, быть ему математиком, физиком или лингвистом (в зависимости от конкретного случая). И нередко снисходительно отмечают понижение успеваемости по другим предметам, так сказать, «лишь бы в выбранном (?!) он продвигался», — осознанно видя в этом платформу для последующего поступления в вуз.

Наконец сами подростки, не без гласного или негласного поощрения родителей и учителей, начинают развивать эту едва только наметившуюся «специальность».

Между прочим, автору этих строк неоднократно доводилось наблюдать в самых различных классах такое проявление этой «специализации»: «математики» решают контрольную за весь класс, «лингвисты» обеспечивают «до́лжный уровень» подготовки класса по родному и иностранному языкам и т. д. — получается нечто вроде «кооператива».

«Но ведь это же и хорошо, — приходилось нам слышать неоднократно в разных аудиториях по поводу этого явления. — Во-первых, чем раньше они специализируются, тем больше у них возможностей и просто времени досконально изучить свою профессию, во-вторых, эта «специализация» не что иное, как взаимопомощь, так сказать, совместно-разделенная деятельность и т. д.». Словом, в аргументах в пользу такой «ранней специализации» нет недостатка.

Но так ли уж бесспорны эти аргументы, как это представляется с позиции «житейской мудрости» и «здравого смысла»? Ведь очевидно, что она всецело основана на прагматическом отношении к жизни, о нравственной ущербности которого много написано в советской литературе.

Однако подойдем к делу и с другой стороны: допустим на мгновение, что соображения нравственного порядка — некий второстепенный момент выбора будущей профессии (хотя мы пытались доказать, что это не так!). На первый взгляд это так заманчиво и очевидно: чем раньше начинается специализация, тем глубже овладение профессией.

Думается, что последнее суждение досталось нам в наследство от канувшего в Лету, чисто средневекового «цехового» представления о подготовке профессионала и не учитывает того, что современный молодой рабочий существенно отличается от подмастерья в средневековой мастерской. Принимая во внимание то, что «секреты ма-

стерства» передаются по наследству от предшествующего поколения, мы нередко не учитываем, что сами эти «секреты» изменяются и мастером становится лишь тот, кто обладает умением изменять секреты мастерства своей профессии, то есть относится к делу творчески.

Несомненно, школа должна играть существенную роль в подготовке специалистов. Но значит ли это, что учеников следует обучать «узкой» специальности? Ведь первоочередной задачей школы является подготовка учащихся к разносторонней творческой деятельности. Основная цель воспитания при этом состоит в решении двоякой задачи: воспитание деятельных членов общества — граждан и обеспечение преемственности и дальнейшего развития культуры.

Необходимость в специализации обучения часто связывают с потребностями общественного развития. Однако известно, что чем более технически развито общество, тем менее специализированным должно быть образование. Объясняется это тем, что в технически более развитом обществе перемены в производстве происходят значительно быстрее, а потому «узкая» специализация так же быстро теряет свое значение. Таким образом, она, даже если ограничить ее рассмотрение рамками экономического анализа, не очень эффективное орудие воспитания трудовых резервов.

К. Маркс, анализируя в «Капитале» процесс «специализации» в условиях машинного производства, писал, что таким образом рождается явление «профессионального кретинизма», то есть сведение человеческой жизнедеятельности к надежно зашоренному от всего богатства жизни участку общественного производства. (Блестящий мастер парадокса Б. Шоу заметил, что если так пойдет дальше, то в условиях прогрессирующей специализации появится и такой «специалист», который будет знать «все ни о чем» и «ничего обо всем».)

Советский социолог В. Шубкин формулирует различие «узкого» и «широкого» образования как противоречие «между задачей подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства, что предполагает специализацию, и проблемами передачи культуры, где «узкая» специализация противопоказана».

Очевидно, ущербность односторонности («обструганности», по выражению В. Шубкина), проистекающей из «узкой» специализации, позволяет говорить о фундаментальном значении широкого, разностороннего образова-

ния личности. Только всестороннее образование способно дать школьнику возможность самостоятельно определить сферу применения своих способностей — будущую профессию, сферу своей социальной жизни, свой образ жизни.

Решение этой задачи рвет последнюю нить, связывающую подростка с детством, так как выбор профессии — уже первая обязанность юноши. Предпосылки активной жизненной позиции юноши, выраженной в определении будущей профессии, формируются всем строем развития личности в отрочестве. Можно со всей уверенностью сказать, что активная жизненная позиция молодого человека прямо связана и зависит от формирования у него в период отрочества развитых общественных и нравственных идеалов, не сводимых к соображениям прагматизма. Способность к целеполаганию, созданию жизненно важных целей (идеалов) своей настоящей и будущей деятельности, преодоление чисто детского (инфантильного) отношения к окружающему миру и самому себе, наконец, умение достигать поставленной цели — все это, безусловно, относится к содержанию развития личности в подростковом возрасте.

Намечая основные линии развития личности подростка и выявляя трудности, с которыми сопряжено ее становление в этот период, мы стремились к уяснению их современного содержания. Это содержание, как мы видели, достаточно сложно и противоречиво.

Как мы уже неоднократно подчеркивали, подростковый возраст продолжает формироваться в настоящее время, и поэтому сегодня принципиально важно поставить диагноз тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся в воспитании современных подростков. Вместе с тем, как известно, правильно поставить диагноз — значит, сделать шаг на пути преодоления трудностей.

Психология и педагогика

Прокладывая путь через описание психологических особенностей детской и отроческой психологии, мы уже нередко взывали к возможностям педагогического влияния на ход формирования личности. Это не случайно и необходимо. Ведь нельзя же, право, безучастно взирать на то, как на наших глазах становится человеческий характер. Трудности развития личности в детстве и отрочестве, примеры асоциального поведения подростков застав-

ляют ученых и общественность искать эффективные средства воздействия общества на растущего человека.

Взаимоотношения педагогики и возрастной психологии сложны и многогранны. Альфой и омегой научной педагогики является опора на знание возрастных особенностей развития детей и подростков. Чтобы действовать зряче, с глубоким пониманием сути происходящего, нужно прежде знать психологические закономерности возраста воспитуемых. Не менее важно выработать общий подход к руководству процессом взросления юных граждан, чтобы не впадать в крайности отношения к различным проявлениям детской личности.

Об этом стоит поговорить подробнее.

Не так давно у меня произошел разговор в лифте с соседом по дому.

— Поймал бы — руки-ноги переломал. Ведь что стервецы делают!

Дверь и стены лифта испещрены типичной дворовой символикой: тут и эмблемы футбольных клубов, и угрозы в адрес неведомых мне «Толян», и, конечно, матерщина — хотя ее и совсем немного. Вообще зрелище отвратительное, весьма и весьма прискорбное.

Сосед не унимается.

— Да что там руки-ноги ломать. Мало! Убивать их нужно. Бить уже мало! Убивать!

— А кто, собственно, убивать-то будет? — с полураздражением-полуиронией говорю я.

Он мне ничего не ответил. Только посмотрел выразительно. В его глазах была неподдельная ненависть к пацанам нашего дома. То, что лифт — их работа, никаких сомнений (для взрослых все эти их значки — сущая китайская грамота). Хулиганят? Ага, хулиганят. Пороть, значит, надо? Наверное, надо. А сосед просто погорячился?

А вот тут нет. Он просто выразил в крайней форме некое умонастроение — страх перед теневой стороной отрочества, непонятной и необъяснимой с позиций обыденного мышления. Многие из наших сограждан, незнакомые с теми мрачными определениями, которыми отмечался подростковый возраст (помните: дикарь, сумасшедший и т. д.), — готовы под ними подписаться.

Непонятное страшит, а страх плохой советчик в деле воспитания. Возникает ложная «воспитательная доктрина»: в ответ на известие о правонарушениях среди подростков — мгновенная реакция: «Сажать их надо!» Рас-

пространение неформальных объединений ребят в стайки вокруг футбольных клубов и популярных музыкальных ансамблей — нечто похожее: «Разогнать! Куда милиция смотрит!» Выступая перед научной аудиторией в старейшем нашем психологическом институте несколько лет назад, один учитель (!), обсуждая проблемы, возникающие у подростков с наступлением половой зрелости, обрушился на школьные обеды и булочки, так как, дескать, от переедания у отроков и отроковиц взыграет кровь, а тогда, сами знаете... тоже проблема, а отсюда — значит, булочки отменить, всех поставить к станку, чтобы они к вечеру так изматывались, чтобы никаких таких глупостей и в голову не приходило!

Но смех, известно, дело серьезное. Шутки в сторону. Этот учитель не нарочно придумал свое «рацпредложение». Он перебрал в усердии, но позиция его отнюдь не забавный курьез. Это определенная методология педагогики, разделяющая детей и взрослых барьером. Получается, будто учителя и родители держат ценой героических усилий какой-то фронт в нелегкой битве, называемой воспитанием подростков. Вы скажете — военная терминология неуместна? Я скажу — неуместно отношение к детям как к врагам!

Но ведь к своим детям никто так не относится! Напротив...

Посмотрим, что напротив.

Есть веками проверенный, стопроцентный и беспроигрышный способ упасть в глазах родителей — сказать им правду об их ребенке. Правду — это то, что вы видите своими глазами и что вы по этому поводу думаете. А у психолога «глаза» усилены оптикой научных методов и ему бывает есть что сказать родителям. Но...

Родители — люди любящие. Общественное мнение категорично: кто не любит детей — моральный урод, а то и того хуже. Известно и то, что зрение у любящих устроено иначе, чем у человека, не находящегося в плену прекрасного чувства. Кто не знает, что любовь слепа? Но слепота родительской любви не означает, что и все окружающие также должны ослепнуть.

Из разговора с матерью очаровательного бутуза.

— ...А тогда Сереженька говорит: «Я не для того, чтобы ходить босыми ногами по песку! Меня нужно на руках носить и на машинах возить». Какая прелесть! Мы все попадали. Это же надо — все соображает...

Мать и отец в умилении, бабушка и дедушка трону-

ты до слез. А ты, читатель, неужели ты настолько жестокосерден, что тебя не тронули бесхитростные детские слова? Неужели ты не понимаешь, что это возраст такой, особая детская психология? Да улыбнись ты или, еще лучше, заплачь! Вот так!

Беспредметное умиление ребенком едва ли не самое распространенное общее чувство взрослых. До определенного момента, когда умиление «вдруг» оборачивается страхом. Ведь и умиляться, и панически бояться можно, практически ничего не понимая в предмете умиления и страха. Это что-то вроде смены знака «+» на «—» в математической операции с иксом. А икс-то остается иксом.

Крайностям полагается сходиться, и они сходятся. С завидной периодичностью и с не менее завидным удивлением мы защищаем порочный круг: «какой дивный мальчик» — «сажать таких надо», «ваша малютка прелестна» — «я бы этих современных девиц каленым железом...». Конечно, можно долго стоять в нерешительности перед «таинственным явлением»: как это из таких очаровательных карапузов вырастают такие большие негодники?

А можно рассудить точнее: умиление — не воспитание, а ребенок — не живая кукла, и страх и ненависть — плохие спутники, когда надо разбираться в том, что происходит с ребенком, подростком, когда наступает критический возраст.

Давайте разбираться!

Перво-наперво пора кончать с распространенным представлением о том, что детство и отрочество — все это, дескать, этапы подготовки к «настоящей жизни». Очень странное мнение, если вдуматься. Ведь, иными словами, оно означает, что эти возрастные этапы — «не-жизнь». Но что же тогда мы назовем собственно жизнью? Не является ли ложной поза взрослого всезнайства и превосходства, в которую мы, что греха таить, так часто становимся? Не рождает ли именно она ошибочное чувство умиления (ах, детство, ах, эти «трудные» подростки!), а вместе с ними и пренебрежение к миру детства и отрочества?

Спору нет, особенности есть и у детства, и у отрочества — все это мы обстоятельно показали выше — и с этими особенностями надо считаться. Но надо посмотреть в глаза реальности и признать, что жизнь человека и до вступления в стадию взрослости не только «подго-

товка к жизни», а сама жизнь (кстати, не менее интенсивная и сложная, нежели жизнь взрослого). И относиться к детским проблемам надо научиться по-взрослому. Повторяю: не отмахиваться, а разбираться.

Увы, у нас еще бытует фундаментальное недоверие к личности ребенка и подростка. Невинная (но только на первый взгляд) перестраховка — «как бы чего не вышло!» — может привести, и нередко приводит к тому, что вырастают люди, не обладающие развитыми общественными, нравственными, гражданскими идеалами, неспособные сделать самостоятельно личностный выбор, или люди безответственные, перекладывающие груз ответственности на других, более того — не имеющие даже представления о том, что такое ответственность. На таких людей мы злимся, их боимся — иногда небезосновательно. Но сами их плодим!

Вдумаемся только: за что у нас отвечает взрослеющий человек от рождения до наступления зрелости? Сначала за все отвечают родители, затем нянечки и воспитатели детского сада. И это как будто нормально. И в школе за детей и подростков всецело отвечают директор, завуч, учителя, классные руководители. Если, скажем, пионеру поручили собрать «тонну чего-то» (чего только не собирают пионеры!), то тут же дается задание комсомольцу проследить за тем, как эту тонну будут собирать; и еще дается задание классному руководителю (да это просто вменяется ему в обязанность!) проследить за тем, как комсомолец проследит за пионером. Теперь в некоторых вузах на первых курсах проводятся родительские собрания.

А в таких условиях (пусть они описаны несколько утрированно) может родиться лишь безответственная личность, привыкшая (а привычка — вещь страшная, она парализует сознание и волю) во всем полагаться на внешнее воздействие, чужое руководство. Так можно вырастить действительно страшного человека.

Все это говорится не случайно теперь, когда мы заканчиваем рассказ о психологии детей и подростков. Описанные закономерности развития личности на ранних ступенях жизненного пути существенны, с ними надо считаться, но это не означает, что можно ограничиться констатацией: ага, вот наступил кризис трех лет, а теперь мы имеем дело с появлением «чувства взрослости» и т. д.

Советская психология утверждает необходимость

активного, формирующего отношения взрослых членов общества по отношению к млацшим. Психологию детей и подростков, безусловно, надо учитывать в ежедневном общении с ними, но не стоит абсолютизировать. Лишь активная позиция взрослого поможет взрослеющим людям успешно пройти горнило детского развития и отроческого самоопределения. Без этой мысли все сказанное выше о психологии человека «до взрослости» не будет полным.

* * *

Подросток выходит в жизнь. Будет ли он жить согласно идеалам, которые прививались ему в семье, в школе, которые он сам принимал и ставил перед собой в качестве жизненной цели, мечты? Во всяком случае, это нелегко!

Как это просто по мысли и как трудно, бесконечно трудно соответствовать этой мысли в повседневной жизни — жить по-человечески! Сколько оговорок, увертон, ссылок на «объективные обстоятельства», на «судьбу», на «жизнь» изобретено людьми, чтобы оправдать свое существование тогда, когда от былых идеалов юности остались лишь воспоминания.

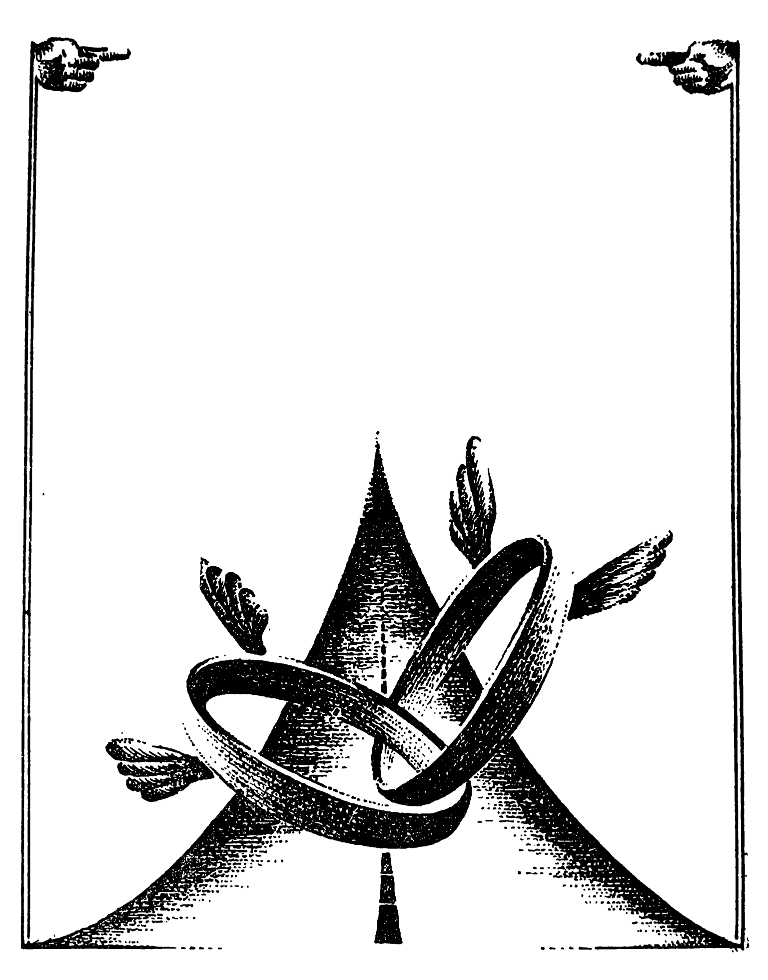
Жизнь, честная, искренняя, ответственная — дело трудное. Как и все «прекрасное — трудно», по известному императиву греков. Идеал ведь проверяется «прозой жизни», когда происходит испытание на деле тех идей, которые нами движут.

Как бесконечно мало прийти в этот мир с чистыми руками, с чистым сердцем, с благородными намерениями.

Как мало нести в мир идеал своей души — как важно и трудно донести...

После детства и отрочества наступает взрослая жизнь...

Скромное очарование молодости

Надо быть молодым, чтобы создавать великие дела.

Гёте

Нужно потратить очень много времени, чтобы стать молодым.

Пикассо

Наш век часто называют «веком молодых». Относительность такого рода определений понятна каждому: с тем же успехом мы могли бы величаться и «веком детей», и «веком стариков» — право, и для того, и для другого нашлись бы основания.

Настойчивость и упорство в отстаивании тезиса о «веке молодых» обычно зиждется на утверждении, что в молодежи заложены образцы и масштабы человеческого совершенства, что якобы особенно явственно проступает в наше время, когда бурное развитие техники, информационный бум, казалось бы, неопровержимо устанавливают преимущество таких качеств молодежи, как пластичность, умение быстро приспосабливаться к современным новациям. С молодежью, вполне справедливо, связывают непосредственное будущее нашей цивилизации и ее дальнейшие перспективы.

Словом, в желающих пропеть хвалу молодости и выступить с разнокалиберными аргументами в ее пользу недостатка нет. Как, впрочем, вполне хватает и тех, кто ругает молодежь, обвиняя ее во всех и всяческих грехах. Говорят в таких случаях, что раньше молодежь была «лучше», что нынешние молодые люди олицетворяют собой непочтительность, заносчивость, самодовольное невежество, порицающее все, что она многое не понимает и не принимает, что, «вообще» — это возраст «богохульный», взбалмошный, бурный, беспощадный и даже развратный.

Ничто не ново под луной — и новоявленным хулителям молодежи достаточно вспомнить свою молодость, когда такие или аналогичные упреки бросались им самим,

чтобы понять, что молодежь не стала хуже или лучше, а она просто другая и это особое качество разумнее не отрицать с порога, а как минимум постараться понять, а уж затем судить.

Вместе с тем эти, казалось бы, чисто эмоциональные оценки молодости не заслуживали бы того, чтобы о них упоминать (назвать «предрассудками», и все дело!), если бы в них не проявлялась одна примечательная особенность молодости.

Кто-то очень хорошо сказал, что и хорошие, и дурные качества всякого времени ярче всего отражаются в его молодых представителях. Кроме того, молодежь не только выявляет собой добродетели и пороки своего времени, но и сама активнее всего поет ему хвалу и громогласно порицает его пороки, вызывая тем самым «огонь на себя», чем, в конечном счете, вызваны и безудержные восторги молодежью (то есть фактически «самодовольство нашего времени»), и неумеренная критика (опять же, по существу, «самокритика нашего времени»). Поэтому не всегда легко в суждениях о молодости отличить то, что действительно является ее достоянием, от того, что ей приписывают современники, смотрясь в молодежь как в зеркало эпохи.

Примечательно — и этим, в частности, вызвано это краткое «лирическое отступление», — что и как объект научного исследования молодежь выступает довольно своеобразно. Масса психологических данных, полученных общей психологией о закономерностях психических процессов человека, добыта в основном на «испытуемых» из разряда молодых людей, которые легче и охотнее всего идут на эту роль.

Что же касается специфических именно для молодежи закономерностей, то в этом плане данных у современной науки неизмеримо меньше, нежели о детской психике или психике старых людей.

Показательно и то, что в отличие от детской психологии (как ее в свое время называли, «педологии») и психологии старости («геронтопсихологии») у психологии молодости даже нет своего общепринятого в науке имени.

Сегодня расширяется объем и улучшается качество психологических исследований, специфических для молодости, то есть третьего и четвертого десятка лет человеческой жизни. В числе важных остается вопрос определения психологического значения и смысла возраста молодости в жизни человека. Это важно и потому, что еще

бытует слишком расширительное понимание молодости, когда в молодежь «записываются» и «молодой ученый» за тридцать, и «молодой поэт» за сорок, и «молодой режиссер», уже готовящийся к юбилею (то есть пятидесятилетию). Нередко молодость воспринимается самими молодыми людьми как, во-первых, своеобразный «аванс на будущее», во-вторых, как право на ошибки (от которых, конечно же, никто не застрахован), в-третьих, па недомыслие (и отсюда, как следствие, на заниженпость требований к себе, на неразвитое чувство ответственности за себя, свои поступки, саму свою жизнь — мол, молоды еще).

Возникает вопрос: а не слишком ли мы в таком случае расточительны с отпущенным нам временем жизни, откладывая на завтра то, чему самое время сейчас — здесь и теперь! А если сформулировать так: что же такое молодость и зачем она?

О том, что называется юностью

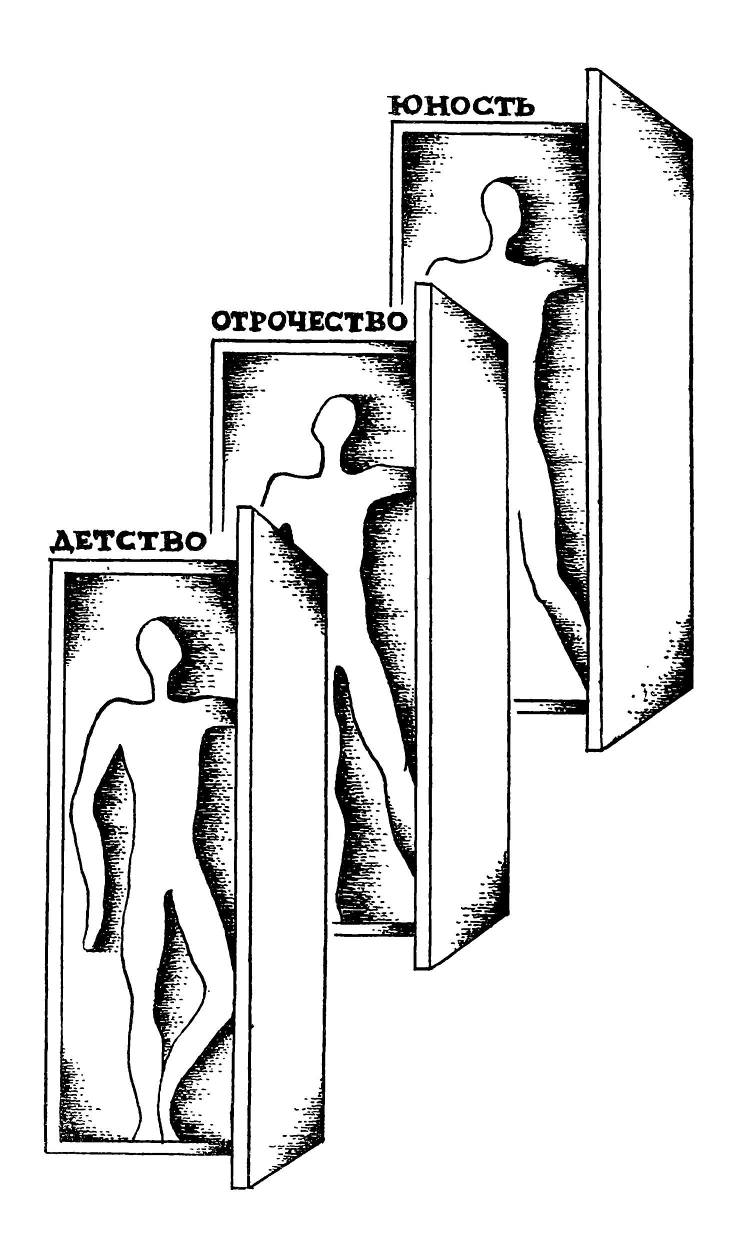
Молодость начинается с юности... Сразу же уточним во избежание неточностей понимания: молодость не следует за юностью, а включает ее в качестве своего первого этапа.

Дотошный читатель, замечающий малейшие несуразности и неточности авторской мысли, здесь должен обрадоваться и воскликнуть: «Ага! Значит, автор отрицает самоценность юности как отдельного и самостоятельного возраста! Оригинально! Но позвольте узнать, почему собственно?..»

Объяснимся.

Читатель, видимо, обратил внимание на ряд фактов из истории и теории возрастов жизни, которые до поры остались без комментариев. Напомним, при рассмотрении истории возрастов жизни подробно говорилось о детстве и молодости, зрелости и старости и почти ничего — об отрочестве и юности.

Такова была логика материала, то есть такова была действительная история возрастов жизни, в которой отрочеству и юности практически не оставалось места. Еще точнее — те этапы жизни, которые мы сегодня называем отрочеством и юностью, были и фактически (в возрастной структуре общественной жизни), и в возрастном

ЮНОСТЬ
ОТРОЧЕСТВО
ДЕТСТВО

самосознании людей прошлых эпох непосредственно включены либо в детство, либо в молодость.

При этом мы замечали, что представления об отрочестве и юности вызревали в недрах возрастного самосознания человека. Однако в возрастной структуре общества для них как бы не оставалось места: сразу после детства наступала трудовая взрослая жизнь, которой соответствовал особый «кентаврический» образ — ребенок с психологией взрослого человека.

По нашим выкладкам отрочество оформилось как особое возрастное явление лишь в XX веке в связи с прогрессом всеобщего образования, с формированием типа подростка-школьника, как своеобразного переходного этапа между детской и взрослой личностью. Об этом подробно говорилось в предыдущей главе. Какова же в этом плане судьба юности?

В XVII веке понятие о том, что мы сейчас зовем юностью, еще отсутствовало, и его формирование потребовало долгого времени.

Этот процесс не закончился и сегодня. И в наше время юность еще недостаточно четко определилась как особое возрастное явление в структуре жизни. Если обратиться к работам известных психологов, то бросается в глаза, что в период от 14 до 21 года человека одинаково часто называют и подростком, и юношей, и молодым человеком, причем, без какой-либо системы чередования этих терминов, по сути дела, по произволу авторов.

В англоязычной литературе такое разделение практически отсутствует: переходный период от детства к взрослости, который связывается обычно с хронологическим возрастом от 10—12 до 23—25 лет, обозначается одним термином — adolescence.

Аналогично в художественной литературе: Л. Толстой в своей трилогии («Детство», «Отрочество», «Юность») начинает говорить о юности, когда герою 15 лет, а у Ф. Достоевского в романе «Подросток» главному герою уже 21 год.

Думается, что эти «неясности», которые на первый взгляд кажутся чисто терминологическими (как назвать?), по сути дела отражают в наше время пограничное положение юности между уже более-менее оформившимся подростковым возрастом и молодостью.

Юность можно назвать «вторым переходным» возрастом (или этапом) развития личности между детством и молодостью, причем если первый переходный возраст

(отрочество) явно тяготеет к детству и о нем обычно говорят при обсуждении проблем детской психологии, то юность, или второй переходный период, явно ближе к молодости, и именно в этой связи нам представляется логичным обсуждать ее проблемы.

Водоразделом отрочества и юности является та или иная форма начала самостоятельной жизни (окончание школы, начало трудовой деятельности, начало службы в армии, вступление в брак и т. д.). Ибо эти изменения жизни человека кардинальным образом влияют на весь строй личности, ее самосознание.

В отличие от подростка, живущего по преимуществу «школьной жизнью», юноша уже не только в своем сознании и представлении включает себя во взрослую жизнь. Он в ней уже реально участвует, ибо ему доступно то, что невозможно для подростка (вступление в брак, служба в армии, с 18 лет — избирательные права и т. д.).

Ж.-Ж. Руссо («Эмиль, или О воспитании») подчеркивал момент сознательного самоопределения как основного содержания «второго рождения» личности в юности (Руссо говорит о 15 годах).

С ним следует согласиться с одним лишь уточнением: речь идет не столько о сознательном самоопределении, сколько о действенном самоопределении. Сознательное самоопределение есть уже и у подростка, выбирающего образ жизни, ставящего отдаленные цели, выбирающего профессию. Самоопределение юноши отличается от подросткового тем, что юноша начинает действовать, реализуя эти планы, утверждая этот образ жизни и осваивая определенную профессию. Поэтому ответственность каждого его шага неизмеримо возрастает и каждая ошибка может обернуться существенными последствиями, иногда драматического характера (неудачный брак, например). Эту особенность юности хорошо выразил В. Шубкин, назвавший 15—25 лет — судьбоносным периодом жизни, в котором цена ошибки не двойка, а порой бесполезно прожитые годы.

Изменяется не только степень самостоятельности юноши (кстати, обретающего уже минимальную, но все-таки материальную независимость, ибо он уже получает стипендию в вузе или ПТУ, может зарабатывать на жизнь трудом, получает права на площадь в общежитии, словом, не столь уж фатально зависит от попечения родителей). Меняется и отношение взрослых к юноше: если

подростка по большей части продолжают считать ребенком, то с юношей начинают считаться как с молодым человеком, начинающим самостоятельную жизнь.

И последнее в этой связи.

Начиная с романтиков «бури и натиска» (начало XIX века) юность считается временем внутреннего кризиса, который сродни кризису отрочества, и все же существенно от последнего отличается. Оба эти кризиса сопряжены с поисками себя во взрослой жизни. Но если для подростка это означает одновременно невозможность вести взрослую жизнь (отсюда и напряженность противоречий отрочества, о которых мы уже подробно писали выше), то для юноши дело обстоит иначе: обладая всей совокупностью прав вести взрослую жизнь (в СССР право на труд с 16 лет, с 18 на гражданскую деятельность, право вступать в брак и т. д.), он по другим причинам часто не может найти себя в этой взрослой жизни.

Эти противоречия, заключенные в сознании, существенны, но еще более существенны жизненные противоречия. Поясним это на таких двух типических примерах-ситуациях.

В последнее время брак у нас в стране заметно помолодел. Юношеские браки (17—18 лет) уже никого не удивляют. Основанный на любви, такой брак оказывается вместе с тем часто несостоятельным, ибо не имеет еще достаточной материальной основы. Возникает противоречие между потребностью и желанием жить с любимым человеком, с одной стороны, и неспособностью обеспечить эту жизнь — с другой.

Или другой пример. Приходя в определенную профессиональную сферу, юноши часто обуреваемы желанием сегодня, сейчас произвести в ней революционизирующий переворот, например, сделать научное открытие или что-то другое, но обязательно яркое и впечатляющее. Но, как правило, этот «юношеский максимализм» не подкреплен соответствующими возможностями — не хватает жизненного опыта, знаний — и юноша вынужден вести в профессиональной сфере скромную жизнь, играя роль ученика, которая в его сознании связана с былой ролью школьника, от которой он хочет уйти как от прошлого, пережитого.

Подводя итоги сказанному, отметим, что сегодня еще нет оснований выделять юность в качестве отдельного

возраста личности. Это переходный этап, только первая фаза молодости, как начала взрослой жизни, и в этом смысле четко отделена от детства как такового.

Акселерация и инфантилизм

Акселерацию, то есть ускоренное физическое развитие детей и молодежи, называют иногда загадкой XX века. Без «видимых причин» подрастающее поколение 60—70-х годов било все рекорды физиологического созревания. Здесь и двухметровый рост отдельных наиболее «выдающихся» представителей новой волны человечества, и раннее половое созревание, и многое из того, что вызывало и удивление, и восхищение, и благоговейный ужас перед причудой природы (что же будет дальше!) — словом, самое настоящее смятение чувств физиологов, социологов, психологов, педагогов, то есть всех тех, кто первым столкнулся с парадоксальной ситуацией, когда в старших классах школы ниже всех ростом оказывался... учитель!

Было, естественно, проведено множество исследований, выдвинут ряд научных гипотез и теорий — теория усиления воздействия солнечной активности, «конституционного отбора», теория воздействия витаминов, радиоволн и пр. и пр. При этом наличие множества теорий свидетельствует об отсутствии достаточно аргументированных положений в каждой из них.

В этих условиях — как бывает всегда при многообразии точек зрения — оживились и любители научной эклектики, утверждавшие «с ученым видом знатока», что, видимо, мы имеем дело с воздействием нескольких факторов. А это не вело к прояснению ситуации, но все же действовало успокаивающе (почему-то указания на «сложность проблемы» и зависимость явления от «комплекса факторов» всегда успокаивает общественность, хотя, по сути, является банальным уходом от проблемы!).

Не без активного участия журналистов и публицистов из числа популяризаторов науки обсуждение проблемы акселерации достигло высокого накала. Думалось, что так пойдет и дальше и... вдруг все лопнуло подобно мыльному пузырю: акселерация закончилась, и дети начала 80-х вернулись к привычным для нас представлениям о темпах и размерах роста организма. Впрочем, научная проблема осталась и исследования продолжаются.

Однако в последнее время активно заговорили о новой «загадке века» (в скобках заметим, что у знаменитого немецкого биолога Э. Геккеля, автора известных «Мировых загадок», которых он насчитал всего семь, голова пошла бы кругом от такой экспансии загадок!). Как и акселерация, новая загадка была «открыта» чисто эмпирически: было замечено, что среди современной молодежи широкое распространение получил инфантилизм.

Инфантилизм от латинского infantilis (младенческий, детский) буквально означает отсталость в развитии, проявляющуюся в виде сохранения во взрослом состоянии человека черт характера, свойственных детям.

Явление, впрочем, далеко не новое (вспомним классический персонаж русской литературы — фонвизинского Митрофанушку!). И речь идет, конечно, не просто о «сохранении детских черт в характере взрослого человека». Нет ничего плохого в том, что, скажем, взрослый человек сохраняет некую наивность, детскую свежесть восприятия, бесхитростность и простоту, богатство фантазии. И хотя все эти качества могут причудливо сочетаться в личности взрослого человека, вызывая у людей трезвых и практичных ироническую улыбку, а иногда легкое раздражение, — не в них дело. Чудаки существовали во все времена.

Инфантилизм же начинается тогда, когда он замешен на том, что следовало бы назвать «великовозрастным иждивенчеством», социальной, нравственной и гражданской неразвитостью молодого человека. Инфантилизм по своей сути — царство лености ума и сердца, и как проблема он осознается тогда, когда становится для молодого человека чем-то вроде жизненной позиции.

Естественно, что в таком виде проблема инфантилизма представляет собой уже социальное явление со своими пагубными последствиями и вызывает справедливое обсуждение и осуждение общественности.

Но остановимся в этом пункте, чтобы отметить удивительное «родство» акселерации и инфантилизма. Явления эти, на первый взгляд, абсолютно разные и прямо противоположные, по сути своей происходят из одного корня, являются двумя вариациями одной проблемы — проблемы развития личности — фиксируя две ее стороны, две крайности, которые, как и полагается крайностям, сходятся. И то, и другое — и ускоренное развитие

физических характеристик, и замедление темпов развития других личностных качеств — является нарушением нормального хода развития личности. Возникает вопрос, что же назвать в таком случае нормальным ходом вещей?

Здесь самое время вспомнить один принципиальный психологический закон — закон гетерохронности(несовпадения во времени) развития личности.

Психологи давно заметили, что различные стороны личности развиваются неравномерно. Например, в свое время, как уже было сказано выше, Л. Выготский считал, что проблемой отрочества является факт несовпадения во времени трех фаз (или аспектов, или сторон) развития личности подростка: интеллектуального, полового и социального созревания. Другой советский психолог Б. Ананьев указывал на несовпадение во времени наступления зрелости человека как индивида (физической зрелости), как личности (гражданской зрелости), как субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность).

Он подчеркивал, что еще более выражена разновременность этих моментов в финале человеческой жизни. Хорошо известно всякому, что такие понятия, как гражданская или политическая смерть, вовсе не обязательно наступают одновременно со смертью физической; они могут наступить гораздо раньше, практически в любом возрасте. С другой стороны, наше мировосприятие, без всякой мистики, склонно к принятию идеи бессмертия человеческой личности (так называемых «замечательных людей») и после физической смерти.

Словом, перед нами фундаментальный закон, который такими крайностями и казусами, как акселерация и инфантилизм, только подчеркивается, и нарушается только в том случае, когда одновременность развития различных черт личности подменяется развитием одной в ущерб всем остальным.

Еще одним, может быть наиболее ярким, подтверждением закона гетерохроники является феномен вундеркиндов, которых нам с завидной периодичностью постоянно поставляет жизнь. История человечества подарила нам множество «чудо-детей» (а именно это означает немецкое слово wunderkind), в том числе и таких, деятельность которых и в более поздние периоды жизни отмечена печатью гения, как, например, математик Э. Галуа или музыкант В. Моцарт.

«Обыкновенные вундеркинды» встречаются гораздо чаще, чем гении. И сферы приложения их рано развившихся способностей самые разнообразные — шахматы, музыка, математика, спорт, военное искусство и т. д. Несколько лет назад советская печать познакомила нас с шестилетним Сашей Селезневым, виртуозно владеющим искусством, которое, казалось бы, требует в первую очередь богатого жизненного опыта и, мы бы даже сказали, житейской искушенности — искусством афоризма. На зависть взрослым дядям, рискующим вступить в соревнование с неподражаемым Лихтенбергом — признанным классиком этого жанра, — Саша легко, без видимых усилий, образно определял самые отвлеченные понятия. Например, философ — расширитель проблем; акробат — пропеллер с руками и ногами; дыра — яма воздуха; отличие учителя и ученика — у учителя ум в голове, а у ученика — в учебнике; смекалка — ум солдата и т. д. Оценивать меткость Сашиных сравнений, в конечном счете, можно по-разному, и это дело вкуса, но, по мнению академика А. Петровского, некоторые его афоризмы не уступают находкам Ж. Лабрюйера и Ф. Ларошфуко — также классикам меткого слова. Впрочем, повторимся, это дело вкуса. Важно другое.

Вундеркинды, как правило, вызывают неуемный восторг взрослой публики, который не способно остудить и знание того, что вовсе не многие вундеркинды, вырастая, становились людьми выдающихся достоинств. Не станем слишком строго судить взрослую публику, которая вообще любит восторгаться талантами детей, в чем, право же, нет ничего предосудительного или нелепого. И все-таки, если мы затронули эту тему, выскажем свою точку зрения на это явление.

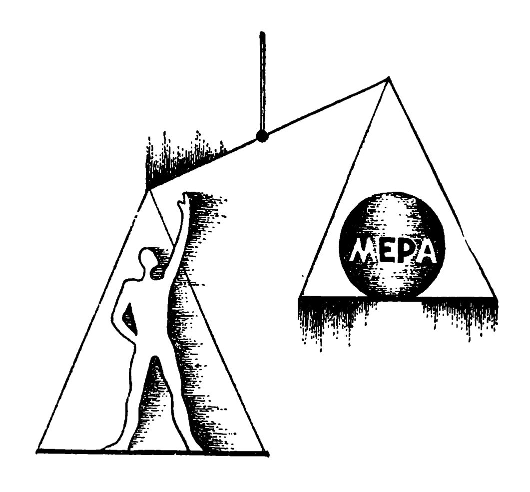
На наш взгляд, институт вундеркиндов — еще одно подтверждение закона гетерохронии. Ведь замечательные способности, как правило, проявляются у замечательных детей в какой-то одной, отдельной сфере деятельности. И даже если они вырастают прекрасными профессионалами в этой области (что, кстати, редкость) — это еще не гарантия, что перед нами личность гармоничная. Так у акселератов математиков или шахматистов иногда наблюдается слишком низкое развитие эмоциональной сферы личности, юные спортсмены-рекордсмены часто оказываются со слабо развитым практическим интеллектом, а порой отличаются и нравственной неразвитостью.

Словом, мысль наша проста: замечательные дети становятся замечательными взрослыми, если у них развивается не одна, пусть даже и опережающими темпами, сфера личности, но вся совокупность личностных качеств.

Мы недаром заговорили о неравномерности человеческого развития в главе о молодости. Именно в этом возрасте происходит известное выравнивание темпов развития отдельных сфер личности. Если в детстве или отрочестве допустимы существенные различия в характере и скорости формирования отдельных личностных качеств, то в молодости характер жизни человека (создание семьи, вступление в трудовую жизнь, служба в армии, активное участие в общественной и политической жизни и т. д.) требует относительной оформленности личности в совокупности всех ее сторон.

Человек уже не может отправлять полноценную человеческую жизнь в молодости, ускоренно развиваясь только в одном каком-то направлении и существенно отставая в другом. Возьмем для примера такой известный спутник молодости, как любовь, создание семьи.

Эта сторона жизни человека требует не только физиологической зрелости, но и развитости нравственного чувства, без которого сама любовь невозможна, поскольку она есть нечто отличное от просто влечения полов и того, что в нашем веке принято называть сексом; и развитости гражданских чувств, поскольку семья, как известно, ячейка общества и без крепкой семьи ни одно совре-

менное общество не способно регулировать свою жизнедеятельность; и ответственности, без которой семья становится неустойчивой. Словом, весь комплекс чувств и качеств зрелой личности.

Сказанное о выравнивании темпов развития сторон личности вместе с тем не следует понимать как исчезновение неравномерности, которая, как мы уже говорили, сохраняется на протяжении всей человеческой жизни. Без качественных скачков, без известной неравномерности не обходится ни одно развитие. Все дело лишь в том, что в молодости «несовпадение во времени» неизбежно должно ослабляться, организовываться в гармонию неповторимой индивидуальности, особой личности. И печально, если особенностью личности становится одно лишь непомерное физическое развитие или неразвитость чувств, то есть пресловутые акселерация и инфантилизм.

Переиначивая в наших целях известное высказывание Антона Павловича Чехова, скажем: в человеке все должно быть в меру. А мера человеческого в человеке, как бы неуловима она ни была для краткого определения, интуитивно ощущается каждым. И в ней гармоническое сочетание различных качеств, право же, не самый последний фактор.

Браки, заключаемые на небе и на земле

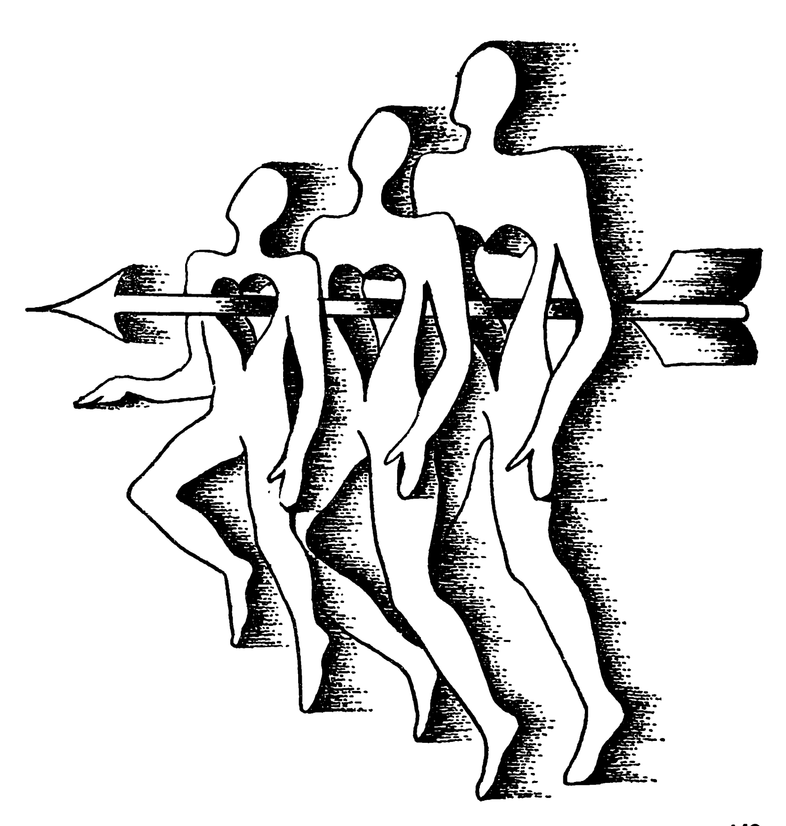
Молодость можно назвать возрастом любви, имея при этом в виду некое оптимальное сочленение физиологических, психологических, социальных и прочих факторов, обеспечивающих сферу чувственных отношений мужчины и женщины. Имеются в виду достаточно хорошо известные и прочно установленные истины житейской психологии, подтвержденные и практикой жизни, и соответствующими научными исследованиями. А именно, что на молодость приходится время наилучшей приспособленности организма женщины к рождению первого ребенка (приблизительно от двадцати до двадцати пяти лет), и время, в которое подавляющее количество людей заключает первые браки, и то обстоятельство, что молодость, безусловно, — возраст наибольшей половой активности человека (несмотря на существующую здесь индивидуальную вариантность и исключения, которые, как известно, лишь подтверждают правила).

Словом, речь идет о социально-массовых характерис-

тиках, по отношению к которым мы только и говорим об оптимальности, ибо, как сказал великий поэт, «любви все возрасты покорны», имея в виду отнюдь не расширительное значение слова, включающее и «материнскую», и «платоническую» любовь и т. д. Пушкинское суждение просто, как все гениальное.

Действительно, как ни обворожительна молодость, как ни «оптимальна» она и «модальна» (буквально: создана для любви), все же любовь мужчины и женщины не является ее сугубой привилегией. Известно, что легендарные женщины, слывшие неотразимыми и внушавшие сильные страсти сильным людям, были по преимуществу... зрелого возраста.

История знает тому многочисленные примеры. Уверяют, что Прекрасная Елена, или как ее еще называют Пятиложница Елена, имея в виду то, что у нее было пять

мужей, воспетая Гомером, была в возрасте «за сорок», когда она позволила Парису похитить себя и тем самым вызвала Троянскую войну. Клеопатре было далеко за тридцать, когда она пленила Антония. А ведь следует считаться с тем, что вплоть до XIX века женщина уже в 22—25 лет часто считалось «пожилой». Джульетте было 13 лет, а Ромео — 15, и в XVI веке это было в порядке вещей! Героиням Фенимора Купера, действовавшим в первой четверти XIX века, обычно 16—19 лет, а они трактуются как «взрослые женщины». И великий романист Оноре де Бальзак без всяких преувеличений произвел переворот в сознании современников, выведя в одном из своих романов тридцатилетнюю и «позволив» ей сознавать себя находящейся в возрасте любви, откуда и пошло знаменитое определение «женщина бальзаковского возраста», то есть женщина, любящая в последний раз.

У нашей современницы, находящейся в поре тридцатилетия, подобные представления способны вызвать лишь снисходительную улыбку: она никак не чувствует себя женщиной «бальзаковского возраста». И скорее, улыбнувшись, она скажет вам нечто вроде того, что женщины-«козероги» с возрастом становятся лишь обворожительнее, и, конечно же, будет права, даже если она и родилась «под другим знаком» — никто не осудит такое невинное кокетство.

Словом, в любом случае А. Пушкин будет ближе к сути дела, нежели наш брат ученый, говорящий о модальности и оптимальности. Признаем, что поскольку любовь человеческая не поддается формализации и попытки ее научного постижения всегда слишком грубы (если не сказать сильнее), то и нам лучше держаться подальше от этой темы. В таком признании нет ничего зазорного. «Кстати, — замечают люди, которых никак не заподозришь в нигилистическом отношении к науке, знаменитые физики Р. Фейман, Р. Лейтон и М. Сенд, — не все то, что не наука, уж обязательно плохо. Любовь, например, тоже не наука. Словом, когда какую-то вещь называют не наукой, это не значит, что с нею что-то неладно, просто не наука она, и все».

Покидая тем самым область браков, которые «заключаются на небесах» посредством таинства любви, мы тем не менее имеем основания задержаться более подробно на вопросе о браках, заключаемых на земле и поддающихся более-менее научному изучению.

Обратимся к цифрам.

Юридический брачный возраст в РСФСР — 18 лет, однако, по данным Всесоюзной переписи населения, в 1970 году в браке состояло 0,4 процента юношей и 2,6 процента девушек. В возрасте 18—19-летних этот процент составлял соответственно 4 и 19,6. По данным социологов, в 1970 году в браке состояло 29 процентов мужчин и 55 процентов женщин в возрасте от 20 до 24 лет.

Сегодня эти данные еще более помолодели, и ранняя молодость, несомненно, является тем возрастом, когда заключается большинство браков. Более того, этот возраст, видимо, наиболее благоприятен для вступления в брак; исследования социологов показывают, что если в этот достаточно ограниченный период (думается, что у него нет каких-то жестких хронологических границ — это время приблизительно от 19 до 28 лет) молодой человек не находит спутника жизни, то позже это сделать уже намного труднее — появляется завышенная требовательность к качествам другого человека, привычка к одиночеству, неадекватность самооценки перед лицом реального партнера и т. д.

Напротив, вступление в брак в этом возрасте, тем более если семейная жизнь складывается благополучно, обладает живительным свойством обновления для личности, реализации сокровенных чувств и мыслей, обретения желанной формы жизненного устройства.

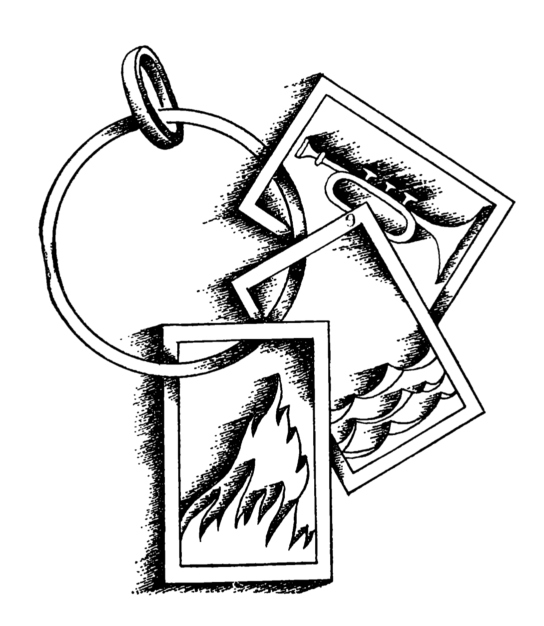
Мы имеем в виду то обстоятельство, что семья как общественная форма жизни относится к перспективным моделям отдаленной ориентации, которые во многом определяют склад личности в отрочестве и юности. Ведь о будущей семейной жизни люди начинают думать достаточно рано: о ней мечтают девочки-подростки, о ней задумываются юноши. Все так или иначе знают, что предстоит пройти через горнило семейной жизни, и сознательно или бессознательно готовят себя к этому. Поэтому если эта потребность реализуется в молодости в виде счастливого брака, то это приносит облегчение в напряженность ожидания семейной жизни. Если же брак оказывается неудачным, то это сказывается на всем строе личности (как, впрочем, и ситуация, когда молодые люди долго не могут найти партнеров для супружеской жизни). Чувство уверенности в себе, ответственности перед супругом, самим собой, детьми и обществом, радости от духовной и телесной близости являются спутниками сча-

стливых браков. А у людей, несчастливых в браке и «засидевшихся в девках» (как говаривали в старину), развиваются личностные качества прямо противоположного свойства — неуверенность в себе, раздражительность, завистливость и т. д.

Понятно, что в данном случае мы говорим о некоторой общей картине, а не о жесткой закономерности, которой подвержены все. Скажем так, речь идет о подавляющем большинстве...

Вступление в брак, на наш взгляд, представляет собой важный момент жизненного пути личности в молодости, характер и процесс протекания которого существенно влияет на ход психического развития человека, на проявление его способностей, реализацию возможностей духовного роста и т. д.

Отдельно остановимся на таком также немаловажном моменте, как рождение детей. Английский поэт XIX века В. Вурдсворт сказал: «Ребенок — Отец Мужчины»; дети делают мужчину мужчиной — таков смысл этого блестящего парадокса — и это очень резонно. Рождение ребенка не только изменяет самосознание женщины (она не просто женщина — она мать), но и самосознание мужчины (ибо он утвердил себя в мире как отец). Рож-

дение детей изменяет и весь строй семьи, которая как бы получает временну́ю перспективу, включается в вековечный процесс воспроизводства жизни, преемственности поколений. Кстати, мы пока еще ничего не сказали об этой важнейшей категории жизни — о категории поколения. Поспешим исправить это упущение.

Возраст и поколения

Смена поколений происходит нечасто. Чаще, чем нас посещает пресловутая комета Галлея, но все же достаточно редко. Всего чуть более полутора тысяч «колен» отделяет каждого из нас от «условного предка», от первых собственно человеческих особей.

«Так мало!» — может воскликнуть кто-нибудь, привыкший считать историю рода человеческого на миллионы лет.

Мало ли, много ли — это вся наша история, другой у человека просто нет.

«Но позвольте, — вы можете сказать, — значит, в эти считанные полторы тысячи поколений вместилось все: и сотни тысяч лет первобытного состояния, и ледниковый период, и Египет, Греция, Рим, вся средневековая и новая история! Да, какая же, однако, крупная это единица измерения — одно поколение!»

Все верно. Иногда буквально за одно поколение жизнь человеческой общности претерпевает колоссальные революционные преобразования, делает большие качественные скачки; бывает и обратное, период активной деятельности определенного поколения совпадает с существенными кризисами общественного развития, с отступлениями и регрессивными переменами, последствия которых бывают катастрофичны для судьбы личности, общности, нации.

Приведем всего два выразительных примера.

Всего за одно поколение отсталая царская Россия шагнула на социалистическую ступень своего развития.

Всего за одно поколение мощная индустриальная держава с огромными культурными традициями — Германия — деградировала под гнетом «коричневой чумы» до самых низин национального падения.

Оба эти процесса происходили параллельно, в одно и то же время и измеряются длиной одного поколения.

Действительно — это очень крупная величина, и следует о ней поговорить подробнее.

Под поколением обычно понимают интервал времени между средним возрастом родителей и их детей. С этой точки зрения выделяют в возрастной структуре общества ряд поколений, измеряемых определенным числом лет. Еще Геродот говорил, что «триста человеческих поколений составляют десять тысяч лет, потому что три поколения образуют столетие». Исаак Ньютон писал, что «египтяне и греки определяли средний интервал между рождением прадеда и рождением правнука в столетие. Это составляет три поколения в столетие или длину поколения в $33^1/_2$ года».

Данный интервал, обычно измеряемый по женской линии (вычисление среднего возраста матери при рождении ребенка), в настоящее время в СССР составляет примерно 27 лет.

Иногда понятие поколения употребляется как синоним «возрастной когорты», то есть людей, родившихся в одном определенном году. Например, говорят о поколении 1906 года, что, конечно, менее строго.

На наш взгляд, нельзя отождествлять понятия «поколения» и «возрастной когорты». Если когортой исследователи (главным образом демографы) обозначают людей, родившихся в одном году, то в поколение объединяются люди нескольких возрастных когорт (скажем, поколение Великой Отечественной войны включает и тех, которым было в 1941 году 17 лет, и тех, кому было 25 лет). Поэтому понятие поколения более общее, а понятие когорты более частное.

Вместе с тем, сопоставление жизненного пути двух или нескольких когорт, которое называется когортным анализом, очень существенный метод возрастной психологии. Вряд ли можно сравнивать современных старшеклассников и их сверстников, скажем, 20—30-х годов, не учитывая социальный контекст их развития. Общеизвестно, что выбор профессии зависит в том числе и от соотношения количества молодых людей, оканчивающих в данном году среднюю школу, и количества рабочих мест и вузовских вакансий. В 1950 году число оканчивающих среднюю школу и число принимаемых на дневные отделения вузов составляло 1 : 1, то есть каждый десятиклассник мог рассчитывать на поступление в вуз. В 1970 году это соотношение выглядело уже как 4 : 1, то есть поступал в вуз только каждый четвертый. Это не могло не отразиться на жизненных планах и ценностных ориентациях соответствующих возрастных когорт.

К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас сделаем еще несколько замечаний относительно понятия поколения.

Понятие поколения имеет фундаментальный характер для всей возрастной психологии. Как отмечает Б. Ананьев, «жизненный путь человека — это история формирования, развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения».

Различия между поколениями, преемственность поколений — это тот реальный механизм, по которому происходит взаимосвязь между индивидуальным временем развития личности и социально-историческим контекстом этого развития. На разных этапах развития общества, в разное историческое время по-разному происходят и развитие личности в детстве, ее дальнейшее становление в жизни и т. д. Грозовое детство и отрочество военных и послевоенных лет Великой Отечественной войны и счастливое детство и отрочество наших современников — вещи разные!

На стыке поколений, как правило, образуется множество проблем. Это и знаменитая проблема «отцов и детей», и проблема преемственности — духовной, культурной и пр. В этой связи И. Кон отмечает: «Преемственность поколений всегда селективна (избирательна): одни знания, нормы и ценности усваиваются и передаются следующими поколениями, другие, не соответствующие изменившимся условиям, отвергаются или трансформируются. Преемственность не совсем одинакова в разных сферах деятельности. В сфере потребительских ориентаций, досуга, художественных вкусов и некоторых других установок расхождения между старшими и младшими, как правило, больше, чем в том, что касается главных социальных ценностей (политические взгляды, мировоззрение). Это объясняется не только разницей в темпах обновления соответствующих сфер культуры, но также тем, что мода, досуг и развлечения наиболее тесно связаны с возрастом. Различия между поколениями (привычка к определенному, усвоенному в годы собственной юности стилю поведения, музыке, танцам и т. п.) углубляются здесь возрастными: юношеская жажда новизны контрастирует с присущей зрелому возрасту ориентацией на стабильность».

Для поколения, как и для отдельных возрастов, принципиальна социальная обусловленность происходящих в

них явлений. Так, американский психолог У. Бронфенбреннер в конце 60-х годов отмечал, что проблема «отцов и детей» существенно различается в современных СССР и США. Так, американские подростки исходят из системы ценностей, резко отличной от той, которая принята в «обществе взрослых», а в СССР такого разрыва нет, общество сверстников здесь скорее подкрепляет требования взрослых, чем противоречит им.

Отметим, что судьба целых возрастных когорт непосредственно связана и зависит от судьбы поколения.

Связь возрастов жизни с судьбою поколения была особенно остро осознана и ярко выражена такими мастерами художественной литературы, как Э. Хемингуэй, Э. Ремарк, Р. Олдингтон, которые создали образы молодежи, прошедшей мясорубку фронтов первой мировой войны и получившей, по меткому выражению американской писательницы Г. Стайн, название «потерянного поколения». Фактически лишенные традиционной молодости, разрушенной бессмысленной бойней империалистической войны, потерявшие иллюзии былого уклада мирной жизни, молодые герои книг жизнеописателей «потерянного поколения» по своему психологическому складу относятся к зрелому возрасту. Это умудренные жизненным опытом люди, которые уже в двадцать-тридцать лет слишком многое пережили и вследствие этого далеко ушли от невинных забав юности. Для целого поколения людей молодость как особый период была вычеркнута из жизни.

Другой пример связи возрастного самосознания с судьбами поколения мы находим в русской истории революционно-освободительной борьбы против гнета самодержавия. Известно, что русские революционеры-декабристы, прошедшие испытания Отечественной войны 1812 года, в молодости, а порой и в юности, разделявшие с народом тяготы военной кампании, вернулись с победой на родину, юные, но умудренные жизненным опытом, обладая мировоззрением зрелых людей. На заснеженную Сенатскую площадь они вступили как мужи, а не как мальчики.

Еще одним примером такой связи возрастной когорты с судьбой поколения может быть так называемое «демографическое эхо войны», которое наблюдается в нашей стране после Великой Отечественной войны. Суть этого явления обстоятельно проанализировал в своей книге «В начале пути» В. Шубкин.

Известно, что в период войны, в связи с массовым призывом в армию, тяготами военного времени, у нас в стране резко сократилась рождаемость — родившихся в 1943—1946 годах было почти вдвое меньше, чем родившихся в 1939—1942 годах. В середине 50-х годов это сказалось на начальной школе (снижение числа учащихся), затем (в конце 50-х годов) — на средней восьмилетней школе.

В начале же 60-х годов вся школа, наоборот, пережила бум в связи с широким наплывом детей, родившихся после войны. При этом в нашем обществе, которое, как известно, является обществом гарантированных равных возможностей и в котором любому человеку предоставляются все условия для развития своей личности, возникла парадоксальная ситуация: дети, родившиеся во время войны и сразу после ее окончания (1941—1946 гг.), в силу своей малочисленности оказались в существенно ином положении, чем их более старшие и более младшие сверстники. Они учились в малочисленных классах, в которых, естественно, у учителя гораздо больше возможностей для индивидуальной работы с каждым учащимся в отдельности; они поступали в институты в весьма благоприятных обстоятельствах, когда конкурс был относительно мал и найти место в вузе мог почти каждый выпускник школы, и т. д. Кстати, в этих условиях критерием работы школы был фактор успешности поступления ее выпускников в вузы.

В середине 60-х годов «демографическое эхо войны» коснулось судеб 17—18-летних. Их проблемы имеют особое значение, ибо это возраст окончания школы, поисков призвания, принятия весьма важных решений о выборе профессии. 17—18-летние — это молодые люди, начинающие свою трудовую жизнь. Колебания их численности затрагивают уже не только сферу образования, но и сферу производства. От их численности зависят трудовые ресурсы страны...

Сокращение численности учащихся в связи со спадом рождаемости в годы войны привело к уменьшению отсева, повысило процент окончивших школу. Это должно было уменьшить конкурс в вузах и техникумах, то есть увеличить процент поступивших в вузы из числа принятых в первый класс школы. С другой стороны, это резко уменьшило процент выпускников, которые должны были работать сразу после окончания школы, укрепляло в них скрытую «вузовскую» ориентацию, основанную на наив-

ной вере не только в свои силы, но и в то, что вузы способны поглотить всех окончивших среднюю школу.

Этот психологический феномен, предшествовавший демографической волне, укреплял инерцию нашей школы, порожденную в предвоенные годы, когда она в значительной мере ориентировалась на подготовку учащихся для вузов... В условиях, когда численность выпускников сокращалась, укрепилось мнение, что мы располагаем достаточными ресурсами для перехода к одиннадцатилетнему обучению. И такой переход был осуществлен. Но уже через несколько лет огромная волна, драматизировав ситуацию, заставила нас вновь перейти к десятилетке. А этот переход, осуществленный в 1966 году, в свою очередь, осложнил ситуацию, поскольку он означал одновременный двойной выпуск десятых и одиннадцатых классов в 1966 году.

Эти социальные проблемы современной молодежи, связанные с «демографическим эхом войны», позволяют нам зафиксировать данное явление. Оно интересно само по себе как предмет анализа, и можно было бы подробно остановиться на рассмотрении тех проблем, которые возникают перед молодежью определенных возрастных когорт (тех же ребят рождения 1947—1949 годов, скончивших школу в 1966 году), в связи с социально-демографическим положением общества. Однако мы ограничимся фиксацией наиболее общего вывода: возрастные особенности людей и проблемы становления личности тесно связаны с судьбой поколения, которое, в свою очередь, зависит от исторической судьбы страны.

И здесь мы скажем то, к чему долго шли в этом параграфе: понятие поколения принципиально важно для возрастной психологии, ибо оно устанавливает ту неразрывную связь между историей общества и судьбой отдельного индивида, которая существенно влияет на характер протекания индивидуального жизненного цикла.

Другими словами, понятие поколения и его смысл для проблем возрастной психологии еще раз подтверждает верность принципиальной установки советской психологии на общественно-историческое рассмотрение возрастов жизни.

Отцы и дети

Уже сам по себе факт сосуществования в одном общественном организме нескольких поколений людей предполагает наличие между ними определенных, в том

числе и принципиальных различий. А из диалектики мы знаем, что там, где есть различие, есть и противоречие. Одним из таких противоречий является извечная проблема «отцов и детей».

В. Ленин писал: «Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе*, не *тем* путем, *не в той форме, не в той* обстановке, как ее отцы».

В социалистическом обществе конфликт поколений никогда не был таким острым, как на Западе. До последнего времени, не без попустительства наших обществоведов, проблема «отцов и детей» ассоциировалась разве что с одноименным романом И. Тургенева.

Сегодня становится ясно, что проблеме этой тесно в интерьерах помещичьей усадьбы середины прошлого века, где происходило действие хрестоматийного романа. Она приобретает новое и порой неожиданное звучание.

То, что молодежь не устраивает многое из жизни предшествующих поколений, — очевидный факт, но из него никак не следует, что смысл деятельности каждого нового поколения состоит в поднятии бунта против сложившегося уклада жизни. Суть проблемы «отцов и детей» в ином — в обеспечении преемственности развития общества. Однако преемственность не есть простое повторение пройденного. Смена поколений — это еще и единство и борьба различных возрастных слоев.

В чем же смысл этой борьбы?

Лично мне импонирует точка зрения известного советского кинорежиссера Р. Быкова, который пишет: «Вопрос этот всегда острый, всегда своеобразный. Каждое поколение по-своему уточняет его, и для каждого поколения не пропадает злободневность конфликта между детьми и родителями... Он (этот конфликт. — *А. Т.*) не только неизбежен, но и закономерен. Дети хотят поступать по-своему, родители желают, чтобы они действовали соответственно их понятиям о правильности поступков. Где же выход? Где золотая середина? Ее не существует в принципе! Она может быть лишь фактом, результатом борьбы. Борьба есть, была и будет. И должны дети не слушаться, и обязаны родители запрещать, признаём мы это или не признаём, и должны дети отстаивать свою точку зрения, и должны родители всерьез в иных вещах побеждать».

Конечно, все сказанное Р. Быковым имеет отношение

не только к семейному кругу. Речь идет о различиях между молодым поколением и поколением «отцов» в социально-массовом плане. Эти различия порождают поле взаимных претензий и не только вкусовых — кто во что одевается и какую музыку любит, — хотя о вкусах нынче спорят, и еще как!

Однако основной реестр претензий старших и молодежи формулируется сегодня куда резче: инфантилизм, иждивенчество, нарочитое непослушание, неуправляемость, аполитичность, космополитизм, склонность к пустому времяпрепровождению...

В свою очередь, «дети» винят «отцов» в том, что те неохотно делятся своей ответственностью, мало доверяют в большом и малом, часто уходят от ответов на вопросы, слишком консервативны, часто бездоказательны в аргументации (сказывается привычка «брать на горло»), слишком заняты собой, своими личными делами, донельзя разобщены отдельными квартирами, придают непомерное значение материальным благам и т. д.

Понятно, что обе группы суждений нельзя рассматривать как вердикт одного поколения другому. В одном случае проявляется то, что принято именовать «старческим брюзжанием», во втором — многое идет от пресловутого «юношеского максимализма». Словом, к этим взаимным претензиям поколений надо отнестись критически, чтобы отделить справедливые утверждения от «иллюзий восприятия».

Еще важнее увидеть за различием точек зрения те объективные противоположности, которые базируются на фундаментальной неодинаковости опыта различных поколений.

Нельзя не видеть, что люди, родившиеся в 1936, 1956 и 1976 годах, в ходе своего взросления, оформления в личность имели в качестве питательной среды существенно различные условия, определенные стадией общественного развития, мировой ситуацией и т. д. Скажем, для довоенной молодежи не существовало проблемы атома — ни мирного, ни военного. Для современной же — атомная угроза является определяющим моментом отношения к миру, к себе, к судьбам человечества.

Попытаемся заметить некоторые принципиальные моменты различия опыта поколений.

Вот первый. Большинство представителей нынешней молодежи выросло в семьях с одним-двумя детьми, в то время как для более старших поколений характернее

происхождение из многодетных семей. Даже для неспециалистов ясно, что это принципиально разные ситуации воспитания.

Для старшего поколения различные материальные блага — скажем, автомобиль или цветной телевизор — при всем том, что сегодня они являются для многих предметами повседневного обихода, все-таки роскошь. Для молодежи эти вещи — нечто само собой разумеющееся, ширпотреб.

В отличие от «отцов» нынешние молодые люди уже в школе пользуются широким разнообразием предоставляемых обществом форм досуга и составляют заметную группу потребителей удовольствий, развлечений и т. д. В прошлые годы требовалось вырасти и крепко потрудиться, чтобы стать обладателем дорогостоящей бытовой техники, модной одежды и т. д. Сегодня человек становится покупателем (и отнюдь не по мелочам!) гораздо раньше, чем начинает зарабатывать. Причем — тонкий момент — эксплуатация родительского кошелька происходит не по принципу «дареному коню в зубы не глядят», а на основах весьма требовательного отношения к характеру и качеству приобретаемых вещей.

Намного больше количественно, чем предшественники, молодежь нынче проходит курс среднего и высшего образования прежде, чем включается в трудовую жизнь. При этом характерно, что если «отцы» в массе рассматривают работу главным образом как свой общественный долг, заработок средств к существованию, то «дети» чаще относятся к ней как к неизбежности.

«Отцы» больше склонны к суждениям и поведению на основе норм морали, «дети» сильнее руководствуются симпатиями и антипатиями, интуицией в своих поступках.

Эти различия в подходе к разным сторонам жизни «отцов» и «детей» — следствие тех изменений в образе жизни общества, которые произошли в послевоенные годы. Не впадая в вульгарный материализм и не пытаясь выводить напрямую перемены в психологии из изменений уровня жизни, мы тем не менее не можем не видеть реального различия поведенческих образцов и ценностей представителей различных поколений.

Было бы неправильно абсолютизировать эти различия, выставлять в качестве основного противоречия эпохи. Но равно неверно и закрывать на них глаза, не учи-

тывать при обсуждении возрастных аспектов жизни человека в современную эпоху.

Смена поколений подобна визиту к зубному врачу: знаешь, что это неизбежно, но всегда не готов. Смена поколений исторически объективна и требует к себе спокойного, аналитичного отношения, обратного обостренной эмоциональности конфликта «отцов и детей». Бесконфликтное самоопределение молодого поколения вряд ли возможно и конструктивно. Обновление жизни предполагает активное участие молодежи. В чем же состоит готовность молодого человека к выполнению этой ответственной миссии?

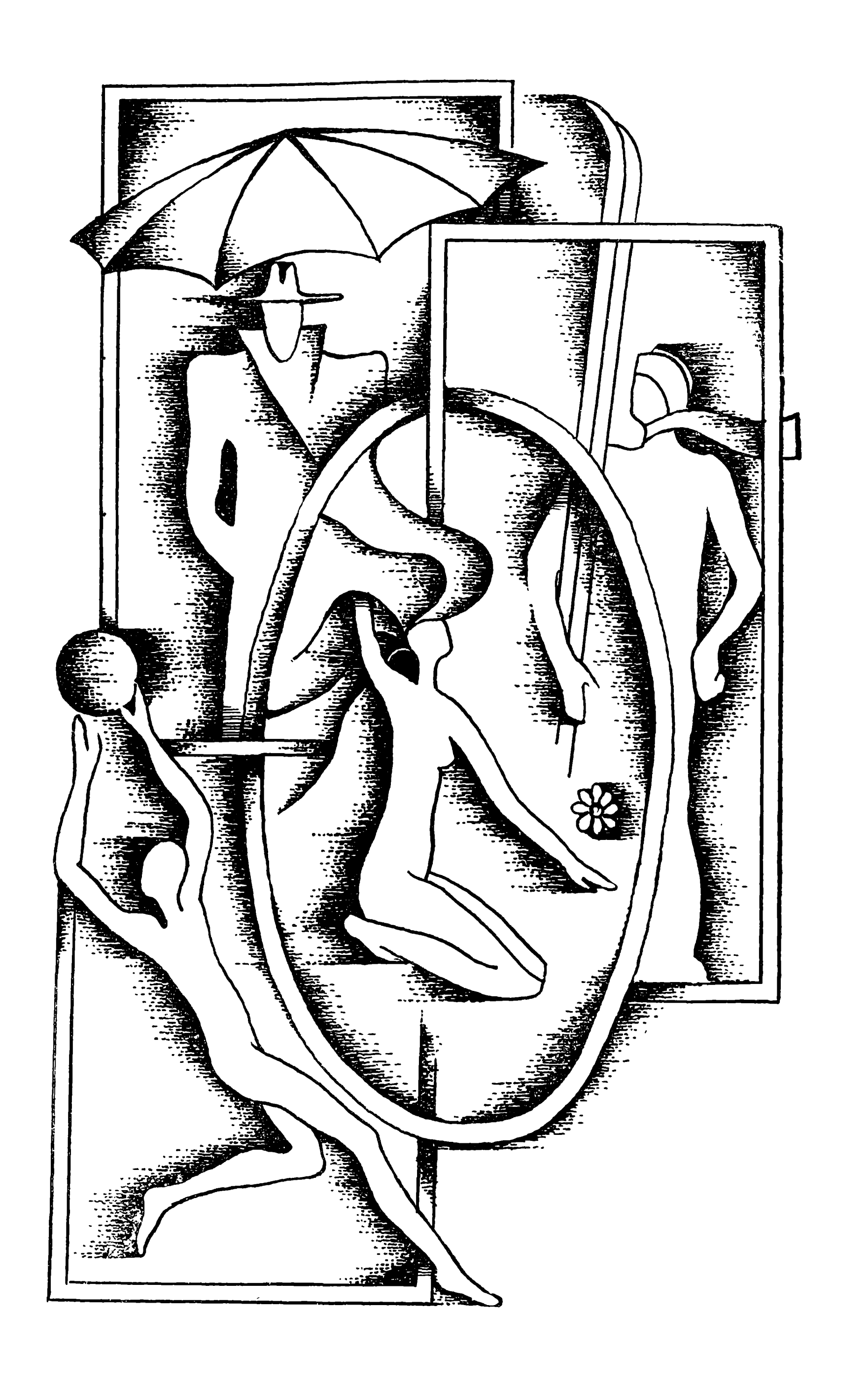
«...Буду вечно молодым!..»

В начале этой главы оспаривалось мнение, что наш век есть век молодости, говорили об относительности такого рода определений. Однако в одном плане этот факт не может быть оспорен: несомненна ценность молодости для самосознания современного человека.

Если в иные эпохи наибольший вес в глазах современников представлял собой зрелый человек, в другие времена ценилась детская непосредственность или вызывали восторг седины, то сегодня за возможность считаться молодым человеком многие готовы, если не вступить в сделку с Мефистофелем, как гётевский Фауст, то во всяком случае были бы не против... небольшого участия «нечистой силы». Правда, в отличие от средневековья сегодня большим успехом пользуются бег трусцой, диета, аэробика и косметика, но не перевелись и такие люди, которые продолжают в стиле physika mystika искать свой aurum potabile — золотой напиток, который считался у древних жизненным эликсиром.

Впрочем, мы не собираемся возвращаться к этой теме; не станем также иронизировать над современными попытками омоложения. Нам важно другое — понять, что означает это стремление во что бы то ни стало не расставаться с молодостью, почему современный человек так настойчив в утверждении — «буду вечно молодым!».

Безусловна здесь связь возрастного самосознания с удлинением жизни человека в современную эпоху. Об этом точно пишет Ф. Ариес: «...Отсутствие юности и презрение к старости, или же, напротив, исчезновение старости (по крайней мере в смысле деградации челове-

ка) и появление юности выражает реакцию общества на продолжительность жизни. Ее удлинение вызывало из небытия те отрезки жизни, которым ученые Византийской империи и средних веков дали название, но которые тогда для большинства людей практически не существовали. Современный язык позаимствовал эту старую терминологию, имеющую чисто теоретическое происхождение, для обозначения новых явлений».

С увеличением продолжительности жизни изменилось понятие о «молодости», которое существенно потеснило, с одной стороны, детство, а с другой, зрелость. Молодость стала наиболее ценимым возрастом, влияющим своими вкусами, ценностями, привычками и т. д. на вкусы, ценности, привычки всего общества. Отсюда естественное желание дольше быть в разряде молодых — вступить в этот возраст пораньше и задержаться в нем подольше.

Ценность молодости в современном мире увеличивается и в связи с расширением сроков образования, профессиональной подготовки, так необходимой в условиях научно-технической революции. В молодости человек легко приобретает основные знания, умения и навыки.

Необходимость непрерывного образования взрослых, периодического обновления не только знаний, но часто и важных принципиальных установок профессиональной деятельности (что легче дается молодым), вызывает у людей зрелых и пожилых вполне естественное желание соответствовать новым требованиям.

Многие престижные виды человеческой деятельности несут на себе существенные возрастные ограничения (большой спорт, балет, авиация и т. д.) и неразрывно связаны в нашем сознании с молодостью. В молодости человек наиболее способен к творческой деятельности, к формулировке эвристических гипотез, максимально работоспособен, поэтому с молодежью во многом связан прогресс современной науки.

Одним словом, молодость действительно таит в себе обаяние. И это не только очарование здорового тела, физической красоты, обаяние свежести. Это во многом обаяние тех видов деятельности, которые доступны молодости в наибольшей степени, которые составляют если уж не ее привилегию, то по крайней мере неотъемлемый атрибут. Ведь молодость открыта и учению, причем в его высших формах, каковыми является овладение наиболее сложными способами интеллектуальной деятельности в

различных областях науки и техники; и труду — интеллектуальному и физическому — в процессе которого усвоенные умения и навыки, развившиеся способности получают не только осуществление, но и дальнейшее развитие — творчески совершенствуются; и общению, которое в молодости складывается особенно бурно — легко заводятся знакомства и легко образуются дружеские связи, и это общение носит не только экстенсивный характер, но и достигает существенных качественных высот в любви, в браке, в дружбе.

Одним словом, молодость, видимо, имеет такую привлекательность для людей всех возрастов потому, что в ней деятельность человека достигает значительного прогресса в общественной, производственной и личной сфере и вместе с тем еще не консервируется в формах привычного сознания, инерции обыденной жизни, а сохраняет перспективу, простоту и свежесть.

В силу этого молодость по своей природе оптимистична: человек уже начал действовать в плане осуществления своих идеалов и жизненных целей, трудится над утверждением своего человеческого предназначения, и хотя он сталкивается с трудностями на этом пути, они все же не кажутся еще непреодолимыми. Минуты отчаяния, сомнения, неуверенности, как правило, кратковременны и проходят в бурном потоке жизни, освоения все новых и новых возможностей. Цель молодости и заключается в реализации возможностей саморазвития.

Вот с чем трудно расставаться человеку на последующих этапах жизни, когда поле возможностей существенно сужается, человек обрастает узами общественных и личных связей, которые, составляя актуальную среду его жизни, обогащая и развивая его, вместе с тем и ограничивают, привязывая к определенной деятельности, определенному укладу жизни, определенным ценностям и ориентациям.

Это обстоятельство замечается человеком еще в молодости и является внутренним стимулом тех кризисных явлений психической жизни, от которых молодость также не застрахована. Так, по мнению американских психологов, приблизительно к тридцати годам человек переживает кризисное состояние, некий перелом в развитии, связанный с тем, что представления о жизни, сложившиеся между 20 и 30 годами, оказываются «не совсем верными». Жизнь «вдруг» перестает казаться легкой и

понятной, иногда разрушаются основы уже сложившегося образа жизни, определенным образом перестраивается вся личность. Иногда эти кризисные явления понимаются как «недостаточная подготовленность личности к жизни и деятельности». Хотя, как мы знаем, это очень неубедительно: если еще можно говорить о «неподготовленности к жизни» подростка или юноши (и то с большой натяжкой, учитывая относительность понимания в этом случае того, что называется «жизнью»!), то по отношению к молодому человеку 30 лет, имеющему за плечами более чем десятилетний опыт самостоятельной жизни, такой подход неприменим.

Гораздо ближе к сути дела И. Кон, отмечающий, что «взрослый, сложившийся человек обычно обращается к самоанализу в связи с какими-то кризисными ситуациями, меняющими направление его жизни. И поскольку никто не может реализовать себя полностью, такой самоанализ перед лицом вечности всегда овеян грустью».

Сказано хорошо, и хотя самоанализ, конечно, не является уделом одной молодости и умение рефлексировать пройденный путь существует и у подростка, и у зрелого человека, и у старика, в кризисном самосознании человека на границе третьего десятилетия своей жизни самоанализ имеет особое значение. Обращение к самоанализу (поводом к которому может быть и пустяк, какие-то неурядицы жизни, и серьезные неудачи самоопределения в предыдущие годы) в молодости необходимо. Объясним это подробнее.

К тридцати годам человек обычно более-менее прочно утверждается во взрослой жизни — находит и осваивает профессию, устраивается семейная жизнь, он определяется на общественном поприще и т. д. То есть он реализует многие из тех возможностей, которые предоставляет ему жизнь.

Определенную устойчивость обретает и его личность с присущим ей и только ей способом деятельности, нравственным миром, интеллектуальным потенциалом, манерами поведения и т. д. Казалось бы, человек здесь становится «тождественным самому себе», он уже способен вычленить свое Я в мире во всех подробностях и, «отстранившись» (используя известный термин театра Б. Брехта), увидеть себя со стороны и сказать — вот это и есть Я.

Однако эта операция в большинстве случаев не вызывает энтузиазма у молодого человека. Оглядываясь на

пройденный путь, на свои достижения и провалы, он видит, как, при уже сложившейся и внешне благополучной жизни, несовершенна его личность. Как мало сделано, хотя пройден уже изрядный отрезок жизненного пути, как много времени и сил потрачено «напрасно», насколько мало он реализовал свои способности и возможности.

То, что еще вчера казалось «жизненно важным» и чему отдавалось много усилий, кажется мелочным, пустым по сравнению с тем, что хотелось бы сделать. Происходит переоценка ценностей, влекущая за собой самоанализ и критический пересмотр собственной личности.

При этом человек видит, что «отпущенные ему возможности», их реальное поле постепенно суживается — он уже не может «сделать все», не волен повернуть развитие своей личности в произвольном направлении. Его «сковывают» семья, профессия, привычный образ жизни.

Решив, казалось бы, сложнейшую проблему, найдя себя во взрослой жизни, утвердившись в ней как муж, отец, профессионал, общественный деятель, он вдруг осознает, что стоит фактически перед той же задачей — найти себя в новых обстоятельствах жизни, соразмеряя в данном случае масштаб своей личности с новыми перспективами и новыми ограничениями, которые он увидел только теперь.

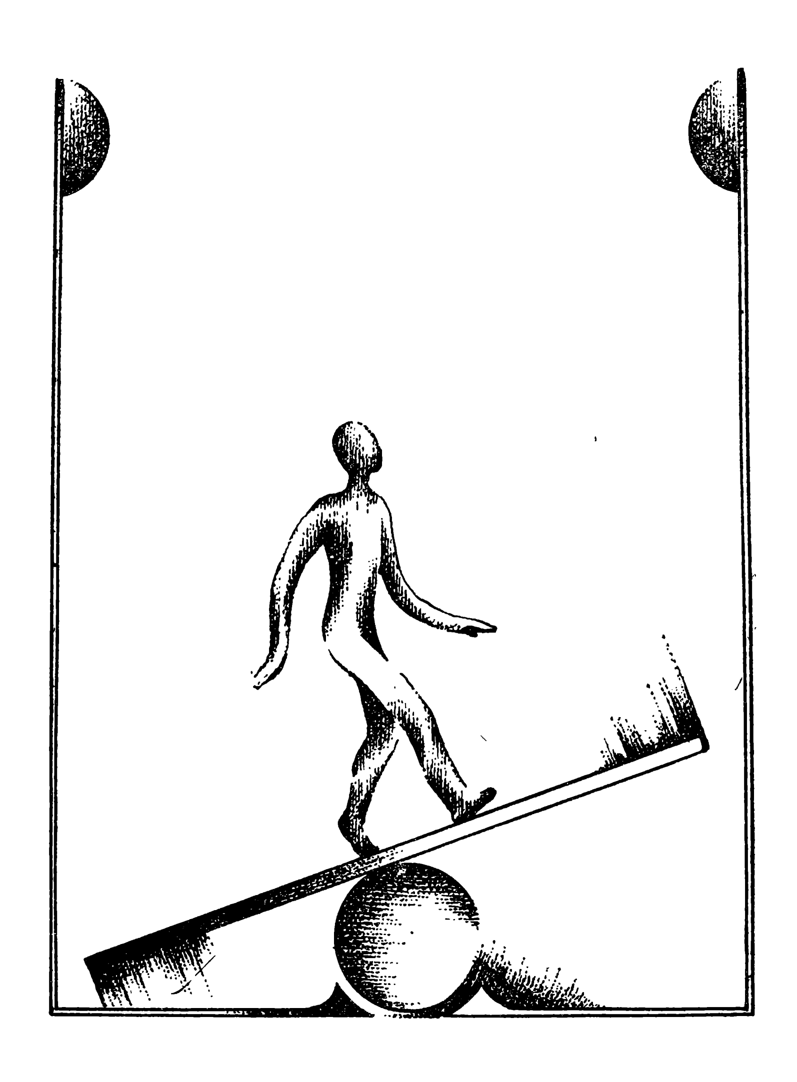
Этот кризисный момент знаменует переход личности от молодости к возрасту зрелости. Как писал А. Пушкин:

> Ужель мне скоро тридцать лет?
> Так, полдень мой настал...

При этом этот кризис не привязан тесно к какой-либо дате, и «тридцатилетие» выглядит довольно условным хронологическим обозначением указанного явления. В жизни такое кризисное состояние возникает (или не возникает вообще — что тоже случается!) у личности на всем протяжении ее развития от тридцати до сорока лет (эти рамки, на наш взгляд, отражают типическую ситуацию).

Как мы уже говорили выше, развитие личности — перманентный процесс, оно не остановимо ни на одном этапе жизненного пути (другое дело, что отдельные индивиды останавливаются в своем развитии), и кризис, подобный описанному выше, лишь дает импульс к новому витку движения по спирали становления личности.

«Земную жизнь пройдя до середины...»

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел.

А. С. Пушкин

Когда Данте было 33 года, он написал (вспомним начальные строки его «Божественной комедии»): «Земную жизнь пройдя до середины...»

В этом поэтическом признании хотелось бы обратить внимание читателя на возрастное самосознание великого поэта. Он ощущает себя зрелым мужем, находящимся не в начале и не в конце, а в середине жизненного пути, в расцвете сил, когда мудрость французской пословицы «Если бы юность умела, если бы старость могла» вовсе и не кажется такой уж мудрой. Ведь он не старик и не юноша; он открывает первую страницу поэтического труда и начинает служение Музе, исполненный величественного спокойствия, отрешенный от всего суетного и преходящего (но не от жизни!). Он — Данте, он — поэт, он — зрелый муж!

Древние греки называли этот возраст и сопутствующее ему состояние духа человека порой «акмэ», что означало вершину, высшую степень чего-нибудь, цвет, цветущую пору. То есть момент наиболее полного расцвета человеческой личности, «тождественности себе». И надо сказать, что отношение к этому возрасту в античности было подчеркнутым: античную классику (прежде всего литературную) интересует именно муж, воин, гражданин в возрасте, когда «совершают деяния». Стариков же почитают за прежние деяния, фактически за ту пору их жизни, когда они были в возрасте «акмэ», за накопленный в их деяниях опыт. Детей — за их будущность как граждан, воинов за ожидаемое их «акмэ». В целом же все возрасты, кроме зрелости, находятся на периферии мира мужей. Не без очевидного влияния этого представ-

ления древних, советский психолог Н. Рыбников в конце 20-х годов предлагал называть специальный раздел возрастной психологии, изучающей зрелую личность, «акмеологией», правда, это название не прижилось. Впрочем, хорош или плох термин «акмеология», в конечном счете не так уж и важно — скорее всего это просто дело вкуса. Гораздо принципиальнее само по себе представление о зрелости как «акмэ» и не только потому, что так или иначе оно существовало у многих народов (назывались возрасты 45, 50, 55 лет и т. д.). Представление о зрелости как расцвете личности имеет не только исторический и культурный интерес, оно важно с точки зрения собственно современных проблем психологии зрелости.

Швейцарский психолог Э. Клапаред отмечал, что зрелый возраст равносилен остановке в развитии, «окаменению». Это положение есть не что иное, как последовательный вывод из представления о взрослости и зрелости как цели развития личности.

С наступлением этого этапа в развитии личности, по мнению многих психологов, собственно развитие прекращается, заменяется простым изменением отдельных психологических характеристик.

Такова, например, позиция Комитета по развитию человека при Чикагском университете, в работах которого выдвинуто принципиально важное с методологической и практической стороны понятие «задача развития». Для каждой ступени человеческой жизни выделяется ряд «задач развития», достаточно подробных и конкретных, — эти задачи существенно иные для дошкольного и школьного детства, ранней и поздней юности и т. д. И лишь по отношению к зрелой личности «задачи развития» никак не сформулированы, что, по-видимому, не случайность, а результат заложенной в основание данных работ теоретической концепции.

Итак, перед нами вполне определенная и широко распространенная в современной возрастной психологии позиция: зрелость — цель развития и одновременно его финал.

Но как нам тогда быть с более поздними возрастами человеческой жизни: если зрелость — финал развития, то что же тогда старость?! И как быть с девяностолетним Микеланджело, который на вопрос кардинала, зачем он стоит в такой холодный ветреный день у входа в Колизей, ответил: «Я учусь!» Что это — причуда гения? Как это возможно — старику учиться, то есть развиваться,

совершенствоваться? Ведь расцвет жизни уже позади, и по отмеченной выше логике у него не может быть никаких «задач развития», он давно должен был остановиться и «окаменеть», в данном случае буквально — в мраморе свох бессмертных творений?

Но он учится, утверждая этим фактом (и без всяких «причуд гения») право человека на безграничность способности к саморазвитию и совершенствованию.

Итак, попытаемся показать, что процесс развития человека принципиально безграничен, ибо развитие есть основной способ существования личности. Вместе с тем развитие личности в пору зрелости имеет свои специфические психологические особенности.

Зрелость как ответственность

Сознание ответственности и стремление к ней есть решающий признак зрелости. Юридически ответственное лицо — это лицо, ответственное перед законом. Психологически ответственное лицо — это личность, отвечающая за себя, за содержание своей жизни и отвечающая прежде всего перед собой и другими людьми.

Основными моментами ответственности можно считать наличие способности к собственному суждению и умение выбирать линию поведения.

Обобщенно эти две характеристики можно представить как развитую человеческую индивидуальность. Ведь индивидуальность и есть главное завоевание зрелости: то, что зрелый человек теряет с возрастом в непосредственности, заменяется у него более развитой индивидуальностью, проявляющейся ярче всего в двух указанных моментах.

Американский писатель Т. Уайлдер в своем романе «Мартовские иды» несколько парадоксально связал ответственность со свободой, заметив, что «свобода есть ответственность». Это очень глубокое суждение, позволяющее пояснить многое в сущности зрелого возраста.

Рассматривая жизненный путь человека, нельзя не заметить, что весь он на первый взгляд представляет собой постоянный переход от состояния свободы ко все большей зависимости от своей жизнедеятельности. Освоив в молодости широкий спектр человеческих способностей к разным видам деятельности, овладев ими, зрелый человек одновременно не может не ощущать своей несво-

боды по отношению к этой деятельности. Над ним довлеет история его жизни, его жизненный опыт, как продукт той деятельности, которую он осуществлял в течение всего прошедшего этапа жизни.

В определенном смысле над деятельностью висит «проклятие» результата, ибо, будучи осуществленной, она опредмечивается в своих продуктах, одним из которых является сама человеческая личность, то, что из себя сделал человек, то, во что он, по выражению Ф. М. Достоевского, «выделался».

Как известно, невозможно приобрести «капитал» человеческих способностей, не потеряв «невинности». Осуществленное — есть плата за несбывшееся. Человек платит за жизнь своей личностью, расплачивается за деятельность характером, за возможность творчества — привычным сознанием. Свободно, по зову сердца выбрав милую ему область жизни, профессию, спутника жизни, он тем самым попадает в зависимость от своей среды обитания, ограничен профессиональной сферой приложения способностей, обязательствами перед семьей. И порвать эти связи ему очень сложно, даже если ему и кажется, что, скажем, его семейный союз — случайность и он может легко от него отказаться. Результатом этой обманчивой «легкости» являются душевные травмы, которые, как известно, рубцуются очень и очень медленно.

И вот, оказавшись в ситуации всесторонней зависимости, вынужденный принять на себя груз прожитого к этому моменту, будучи, казалось бы, предельно несвободным, человек познает всю власть необходимости и объективности общественных отношений, в которые он включен своей жизнью, познает не без печали (ибо «во многие мудрости многие печали») и... становится свободным!

На пороге зрелости человек решает дилемму свободного и необходимого в своей деятельности, тем самым определяя свое место в жизни, рефлексируя на свой способ жизни и деятельности. Чтобы стать свободным, человек должен принять объективные условия своей деятельности как свои, тем самым он превращается из «дурной субъективности», как сказал бы Гегель, в индивидуальность. На основе усвоенных форм и способов деятельности он утверждает себя в мире как ответственный субъект с присущей только ему формой поведения и собственными суждениями.

Кризис средины жизни

Однажды мне довелось быть свидетелем того, как зрелая женщина поучала свою молоденькую товарку: «Успокойся, к сорока годам у тебя все будет!» И действительно, обычно в зрелые годы у человека все есть: семья, дети, определенное социальное, профессиональное и материальное положение, так называемые блага цивилизации — квартира, машина, дача... С точки зрения златокудрой юности у взрослого человека уже нет проблем. Он прочно устроен в жизни, а остальное — от лукавого.

Со стороны не всегда виднее, зато чужие проблемы обычно кажутся проще собственных. Думаю, зрелый человек, доведись ему услышать о беспроблемности его существования, лишь улыбнется наивности суждения. Конечно, вопросы, которые перед ним стоят, иные, чем у ребенка, юноши или старика, но от этого не легче.

Что же это за вопросы?

Американский психолог А. Маслоу ввел в науку понятие самоактуализации, то есть стремления стать как можно лучше, полнее реализовать себя. Перед взрослым человеком стоит ряд существенных задач такой самоактуализации: стать возможно лучшим родителем для своих детей, достичь совершенства в профессии, проявить себя на общественном поприще, быть преданным другом, интересным партнером в общении. Отсюда потребность в кропотливой работе над устранением личных недостатков, жажда самосовершенствования.

Популярный американский психолог Э. Эриксон считает важнейшим самоощущением взрослого человека чувство неуспокоенности. Если личность оказывается «успокоенной», она перестает расти и внутренне обогащаться. Возникает застой, сопровождающийся чувством опустошенности. «Люди в таком случае начинают потакать себе, как если бы они были своим собственным и единственным ребенком. И если только условия благоприятствуют тому, то преждевременная инвалидность, физическая или психологическая, становится поводом для чрезмерной заботы о себе».

Естественно, моменты застоя может испытать любой человек. Важно лишь, как он разрешает конфликт между неуспокоенностью и застоем. Для зрелого человека разрешение этого конфликта означает обретение оптимизма через пессимизм, а именно, когда предпочтение

отдается решению проблем, а не бесконечным сетованиям на коварство жизни. Могучая опора в этой работе — труд, семья, включенность в активную общественную деятельность.

Время наступления зрелости иногда называют «десятилетием роковой черты». Ближе к сорока человек начинает явственно ощущать расхождение между своими мечтами, жизненными планами и ходом их осуществления. Далеко не всем удается двигаться по жизненному пути в строгом соответствии с первоначальными замыслами. Как правило, действительность оказывается жестоким редактором идеальных планов. К тому же начинает ощущаться тяжелый пресс времени, когда уже человек не уверен, что он успеет сделать все, что хочет. Изменяется и отношение окружающих: пора раздачи авансов заканчивается, и проходит период, когда лестно считаться «подающим надежды», «перспективным». Требуется «оплата векселей», исполнение обещаний.

Многие люди испытывают на пороге зрелости глубокий внутренний кризис. Замечено, что частота смерти творческих работников (особенно поэтов, художников и артистов) между 35 и 40 годами ненормально возрастает. Не все оказываются способными к перестройке на водоразделе молодости и зрелости, однако осилившие трудности, как правило, не только сохраняют творческий потенциал, но и достигают качественно новых высот.

Безумное расточительство сил, характерное для молодости, ближе к сорока начинает сказываться, и организм уже мстит за энергетическое расточительство.

Словом, кризис средины жизни имеет объективные причины и предполагает радикальную перестройку личности в соответствии с изменяющимся положением человека в жизни.

Число возникающих проблем нарастает, и многие из них застают человека врасплох — как-то об этом раньше не думалось.

Знаменитый английский писатель Н. Паркинссон определил старость как возраст «повышенного расходования энергии». Отдавая должное тонкости и остроумию семидесятивосьмилетнего парадоксалиста, поражающего мир неиссякаемой трудоспособностью (несколько написанных книг в год!), заметим, что это «повышенное расходование энергии» начинается задолго до старости, и его первые результаты ощущаются уже сорокалетними. Творческие люди нередко жалуются, что с возрастом

прибывает мастерство, возникают все более интересные замыслы, заманчивые проекты, но столь же стремительно убывают силы. Этот парадокс жизни трудно дается даже самым философски настроенным индивидам. Обидно обладать развитыми способностями и одновременно ощущать признаки грядущей неспособности.

Здесь самое место напомнить о резервах, которые содержатся в здоровом образе жизни: отказ от вредных привычек, физические тренировки. Недаром именно в зрелом возрасте наиболее распространен сознательный отказ от курения, злоупотребления спиртным, возрождается почти юношеская тяга к движению, спорту, правда, не с целью избавиться от лишней энергии, а, напротив, желание запастись зарядом бодрости.

Серьезные изменения претерпевает область сексуальных отношений. Одни люди охладевают к интимной сфере, с удивлением вспоминая, сколь большую роль она играла для них в молодости. Другие предпочитают смотреть на всех особ противоположного пола как на «потенциальных партнеров», а на людей своего пола как на потенциальных «соперников».

И тех и других, впрочем, равно волнует известная потеря своей внешней привлекательности. Для многих красивых мужчин и очаровательных женщин расставание с молодостью сопровождается периодом тяжелой депрессии. В массе же взаимоотношения полов, даже учитывая вспыхивающие страсти и сексуальные эксцессы, становятся более спокойными; глубокие личностные отношения становятся конкурентоспособными с чисто сексуальными переживаниями. Даже самый объект любви воспринимается более многогранно и сложно, нежели в молодости.

Изменение личности у человека средних лет предполагает обретение значительной гибкости. Смешно выглядит в исполнении взрослого человека юношеский максимализм, не всегда уместна повышенная эмоциональность, и уж вовсе серьезным барьером в отношениях с людьми может оказаться умственная и поведенческая жесткость, неумение приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни.

Людская психология относится к наиболее консервативным сферам бытия и сознания, и ее изменение — вещь весьма проблематичная, во всяком случае трудоемкая и нескорая по своим результатам.

Из не так давно опубликованных научных данных мы

узнали, что, оказывается, так называемый психологический пол сильнее пола физиологического, то есть можно с помощью медицины изменить свой физиологический пол в соответствии с самоощущением (кем вы себя считаете — мужчиной или женщиной?), и практически невозможно поменять само это самоощущение! Это звучит как фантастика, во всяком случае как научная сенсация, и вместе с тем — это так. Кстати, таким образом получают объяснения некоторые формы сексуальной патологии, становятся понятными их происхождение и механизм.

Я привел этот пример, поскольку он отчетливо показывает всю меру силы и консервативности психологического фактора. И, конечно, не только в сексуальной сфере. Заметьте, что практически все перемены психологического склада даются нам с колоссальным трудом. На переломах, в кризисные периоды мы ощущаем себя практически больными и выходим из этого состояния с багажом психологических новообразований и... большой усталости. Вспомните детство, отрочество, возрастные кризисы, случавшиеся с вами в зрелые годы!

Более того, не всегда попытка изменить свой психологический облик согласно новым обстоятельствам, скажем, условиям нового возрастного этапа, оканчивается удачей.

Психология человеческой жизни мало чем напоминает «прямую плацкарту» от места убытия к месту назначения; каждая «пересадка» с одного возрастного поезда на другой дается настоящим боем. Продолжая сравнение, замечу, что в этом путешествии многое зависит от всех служб пути и от самого человека. Мало найти свой состав, свое место — благо указателей и ориентиров в нашей жизни предостаточно — важно еще, чтобы человек имел явное представление, *как* ему достигнуть цели.

Уже не знаю, как здесь охарактеризовать роль психолога — то ли диспетчер, то ли стрелочник. Если принять во внимание те возможности, которые сулит психология сегодня, и тот реальный вклад, который она вносит в нашу жизнь, то психолога придется назвать диспетчером, который подвизается в роли стрелочника — так не соответствуют друг другу эти позиции.

Действительно, если уж говорить серьезно о перестройке психологии наших современников, причем перестройке целенаправленной — а именно такая нам сегодня нужна, — то как же тут обойтись без психолога?!

Вместе с тем, судя по тому месту, которое занимает психологическая практика в общественной жизни сегодня, многие, видимо, надеются обойтись без нее, по старинке, врачуя тонкую материю психики дедовскими приказными методами. Читатель простит нам это нелирическое отступление, а мы пообещаем ему впредь не досаждать жалобами на трудно складывающееся самоопределение психологии как реальной действующей силы нашей общественной практики.

Писателю Юрию Власову не нравится «коллективное прозрение»; мне же, как психологу, не нравится легкость в понимании проблемы психологической перестройки, особенно, когда речь заходит о людях «недетского» возраста.

Постараюсь объяснить почему, используя ту же аналогию с поездами.

В детстве у отстающего всегда есть шанс догнать ушедший вперед поезд. Но с годами темп жизни убыстряется, и вероятность догнать ушедший состав становится все мизерней, а потери практически невосполнимыми. К середине жизни люди настолько четко растасованы по местам и составам, что любая перемена крайне маловероятна. Чтобы достичь даже маленького прогресса в изменении своей личности, человеку приходится совершать титанические усилия, и с возрастом, чем старше, тем больше сил на это уходит.

Вернемся, однако, к нашему человеку средних лет.

С годами накопленный опыт, знания, умения, привычки не только исправно служат своему обладателю, но исподволь берут власть над ним. Объективно восприимчивость к новому падает, человек, в том числе и против собственной воли, ощущает свою закрытость, консерватизм установок. Иногда это перерастает в нетерпимость, фанатизм, разновидность самодурства, ведет к неспособности оценить существо творческих решений, идущих от других. Итогом является так называемая «предметная смерть», о которой более подробный рассказ впереди.

Другой вид негибкости связан с эмоциональной сферой. Зрелого человека поджидают немалые испытания — смерть родных и знакомых, уход из родительского дома детей. Эмоциональные затраты растут с возрастом, а порой обрушиваются снежным комом, лавиной неприятностей, несчастий, бед, которые надо пережить. Черствость, эмоциональная тупость и глухота — не лучший выход из положения. Требуется умение сохранять эмо-

циональную стабильность в любых стрессовых ситуациях, находить импульсы к осмыслению потерь, вырабатывать в себе новые формы переживаний, эмоционального контакта с окружающими.

Результатом кризиса средних лет является выработка нового образа Я, переосмысление жизненных целей, внесение коррекции во все области привычного существования, приведение личности в соответствие с изменившимися условиями жизни.

Происходит нечто вроде «терапии смыслом жизни», когда человек, осмысливая уже прожитое, обдумывая предстоящее, оказывается порой способным на самые радикальные шаги. Стали распространенными (на Западе это просто модно) серьезные перемены образа жизни сорокалетних людей, вплоть до смены профессии, увлечений, досуга и т. д.

Кризис середины жизни — трудное испытание и для семьи. Обычно уход в самостоятельную жизнь детей нарушает домашнее равновесие, многое из того, что было скрыто за суетностью каждодневного быта, открывается в виде обнаженных проблем. Нередко супруги, прожившие два десятка лет вместе, вырастившие детей, осматривая свое опустевшее жилище, с удивлением вглядываясь друг в друга, обнаруживают, что стали чужими людьми — и расстаются. Другие переживают ренессанс чувств, второй пик взаимной любви. Впрочем, и те и другие сходятся в сознании необходимости перемен.

Наиболее характерными чертами личности человека средних лет являются реалистичность устремлений, повышенное внимание к ходу своей самореализации в производственной, семейной и личной жизни, борьба за пространство своего развития, повышенное внимание к состоянию здоровья, эмоциональная гибкость, тяга к стабильности в быту и пр.

Конечно, сколько людей — столько судеб. И чем дальше мы продвигаемся в глубь жизненного пути человека, тем значительней становятся различия, многообразней индивидуальные особенности существования. Личность во многих поступках непредсказуема. Вместе с тем, не стоит и слишком преувеличивать различия. Во многих главных чертах люди одного возраста похожи. Поэтому есть все основания считать и описанные особенности кризиса средины жизни подобными для основной массы людей.

Помня то, что было уже сказано о закономерностях

возрастных кризисов развития личности, заметим также позитивное начало, которое несет переживание кризиса, состоящее в обжитии новых условий существования, освобождении от пут привычного поведения, сформировавшегося на предыдущей стадии развития.

Будет ли переживание кризиса живительным, стимулирующим — зависит от конкретных условий его протекания, непосредственно от человека. Тем более что проблемы и трудности, с которыми сталкивается человек средних лет, отнюдь не исчерпываются уже описанными.

Почему людям не нравится свой возраст?

Один статистик с горечью заметил: «Установить возраст людей со сколько-нибудь приемлемой точностью почти невозможно, ибо одни его не знают, а другие — скрывают». Психологически более любопытна вторая, скрывающая возраст, группа: в ней парадоксально сошлись женщины, которые, кажется, во все времена и у всех народов стремились всячески занизить свой возраст, и старики, особенно после 85—90 лет как ни странно, обнаруживают явную тенденцию к завышению сроков своей жизни. Причем и те, и другие доводили до исступления не одного демографа, тщетно пытающегося понять, почему, например, в одной и той же возрастной когорте (то есть у людей, родившихся в один и тот же год), если последовательно замерять сначала количество девочек-подростков, а через несколько лет численность женщин в возрасте от восемнадцати до тридцати лет, то показатель намного увеличивается?.. Чего, конечно, не способна вынести никакая математика. Ведь нельзя же предположить, находясь в здравом уме, что, повзрослев, эти девочки одновременно увеличились в количестве!

В данном случае разгадка демографического казуса («излишка» молодых женщин) очень простая — многие женщины более старшего возраста всеми правдами и неправдами в обстановке вполне неофициальной и в условиях строгого официального мероприятия — переписи населения — стремятся «скостить» себе несколько лет.

Впрочем «благородный гнев» демографов поразительным образом оказывается «вне культурного контекста», ибо они — как и все — не могут не считаться с тем, что научные темы могут быть одновременно и деликатными, о чем предупреждал еще древнеримский поэт Овидий: «Никогда не спрашивай у женщины ее возраст... особен-

но если женщина не первой молодости, если цвет ее жизни позади и ей приходится вырывать у себя седые волосы».

Только бесконечно наивный человек может считать женское кокетство предрассудком! Напротив, старцы, и тем более долгожители, всячески стараются прибавить себе несколько прожитых лет, а отдельные «рекордсмены» умудряются прибавлять и двадцать и сорок лет к своему и так уже немалому жизненному стажу.

Немецкий исследователь О. Андерсон назвал это явление «старческим кокетством». «Был случай, — пишет он, — когда 121 год указал человек, которому в действительности было 85 лет; этот же возраст указал и другой, которому было только 80 лет (он прибавил себе 41 год)». По мнению демографов ООН, завышение возраста стариками часто связано с желанием более раннего получения пенсии и других благ.

Однако, не вдаваясь в подробности, заметим, что дело, наверное, не только в этом. По-видимому, существует вообще своеобразное явление — кокетство своим возрастом, — некое навязчивое желание быть или по крайней мере казаться человеком другого возраста. Маленькая девочка — почти младенец — настоятельно и с жаром, до слез утверждает — «Я не маленькая» — хотя она еще маленькая, и ей самой это прекрасно известно. Подросток готов «душу дьяволу заложить», чтобы его признали и назвали «взрослым». О «молодящихся» женщинах, кажется, уже написано все и всеми, кто только когда-либо желал обратиться к этой щекотливой теме. Впрочем, и многие мужчины в равной степени могут быть отнесены к разряду «молодящихся», старательно скрывающих свой возраст и в первую очередь его малоприятные атрибуты — животик, плешь, седые виски.

Парадоксально, но факт — очень редко человеку нравится его возраст, то есть тот возраст, в котором он находится реально, и много усилий прилагается, чтобы как можно скорее оказаться либо в более старшей возрастной группе, либо в более младшей. Возникает вопрос: почему? Чем объясняется эта причуда нашего возрастного самосознания?

Нельзя сказать, чтобы отмеченное явление мало интересовало психологов, однако исследования проводились по преимуществу лишь в связи с детской психологией. Так, в исследованиях Б. Заззо и ряда других французских психологов детям в возрасте от 6 до 12 лет предлагалось

осуществить выбор наиболее предпочитаемого возраста: быть маленьким ребенком, сохранить свой возраст или быть взрослым. Кроме того, испытуемого в беседах спрашивали, хотел бы он сейчас быть старше на один год, стать быстро молодым или быстро стать взрослым. При этом Б. Заззо исходила из того, что факт выбора своего возраста является показателем большей зрелости, более высокого уровня самосознания и самооценки. Обратимся к результатам, ею полученным.

Б. Заззо рассматривала детей из разных слоев французского общества (рабочих, служащих и высших кадров) и получила достаточно ощутимые возрастные и социокультурные различия ответов. Дети оказались едины практически только в одном — в нежелании быть маленькими детьми. У детей из рабочих и высших кадров доминирует при этом желание быть взрослыми. С возрастом, правда, у них все чаще появляется предпочтение своего возраста (причем раньше у детей из высших кадров). Б. Заззо интерпретирует эти факты как показатель «большей инфантильности» детей из рабочей среды, оговаривая, что при этом значительное влияние здесь имеют установки взрослых; в социально более высокой среде внимание уделяется главным образом прогрессу в развитии личности (моральной зрелости, самостоятельности, уровню интересов и т. д.), в рабочей среде — практической зрелости, адаптации к требованиям, связанным с социальной ролью. Дети из служащих занимают везде в этих опытах положение «золотой середины».

Отметим, как достоинство работы Б. Заззо и ее коллег, большое внимание к социальной среде, влияющей на развитие личности. Полученные в этом плане данные и существенны и показательны. Нас же интересует здесь иное: факт принятия «своего возраста» и предпочтения другого возраста.

Несомненен вывод Б. Заззо относительно того, что изменяющиеся представления о себе есть существенная движущая сила развития личности. С другой стороны, мы готовы поспорить с ее выводом, что, положительно оценивая свое настоящее, свое актуальное Я, ребенок и подросток интегрирует свое прошлое развитие и таким образом подготавливается к его последующим этапам.

Однако это положение содержит лишь часть истины и отражает только одну сторону медали, ибо стремление быть взрослым есть столь же существенный фактор развития личности в детстве, как и отмеченная здесь

тенденция к сохранению своего возраста. Более того, преобладание в подростковом возрасте удовлетворенности своим возрастом может быть тормозом развития личности.

Видимо, следует считать предпочительным определенное единство удовлетворенности и неудовлетворенности, единство противоположных мотивов и их внутреннюю борьбу. Назовем эту особенность возрастного самосознания (которую считаем не только атрибутом детской и подростковой психологии) «находимостью-вненаходимостью», то есть таким психологическим явлением, когда человек, присваивая определенные нормативные для данного возраста способы действия, мышления и поведения, ощущает одновременно и удовлетворенность от достижения, и неудовлетворенность наличным своим уровнем перед перспективными задачами развития. Здесь закономерно и стремление соответствовать и своему возрасту, и одновременно желание перейти в другое состояние, отличное от наличного. Это ярко проявляется во всех возрастных кризисах развития, которые акцентируют вторую сторону противоречия — жажду перемен.

Таким образом, мы приходим к очень важному положению, вскрывающему еще одну особенность развивающейся личности человека — ее способность выходить за пределы достигнутого. Обретение возраста, освоение возраста, в конечном счете, есть лишь момент развития, который должен смениться новым этапом, переходом в новое возрастное состояние, и этот переход заложен уже в предыдущем возрасте как тенденция выходить за его рамки.

В этом плане жизнь в определенном возрасте есть одновременно и пере-живание, и из-житие этого возраста. Природа человеческой личности такова, что она (личность) постоянно выходит за собственные пределы (саморазвивается), постоянно проектируя себя в будущее, ибо желание будущего и есть желание развития.

При этом «находимость-вненаходимость», обретение определенной формы и выход за ее пределы может зиждиться не только на будущем, но и на прошлом, на ностальгии по пережитому и изжитому, которая сильно развивается у людей в зрелом возрасте. В этом случае тот же механизм работает как бы в обратном порядке. Новая ситуация развития в зрелом возрасте требует от человека обретения степенности, ответственности, новых форм отправления жизни, чему человек противится. Предвосхищая свое будущее, которое уже фактически

наступило, он не находит адекватного образа своего Я и поэтому идеализирует уже пройденные этапы и на основании имеющегося у него опыта и наблюдаемых современных тенденций стремится вернуться в более ранний возраст. К этому можно по-разному относиться: можно иронизировать над попытками «омоложения», можно со всей основательностью утверждать, что как нельзя повернуть колесо истории вспять, так нельзя и вернуться к более ранним ступеням онтогенеза, можно осуждать такие факты, как «неадекватность» и пр. и пр. Однако наша задача в том, чтобы понимать, а поэтому ограничимся констатацией.

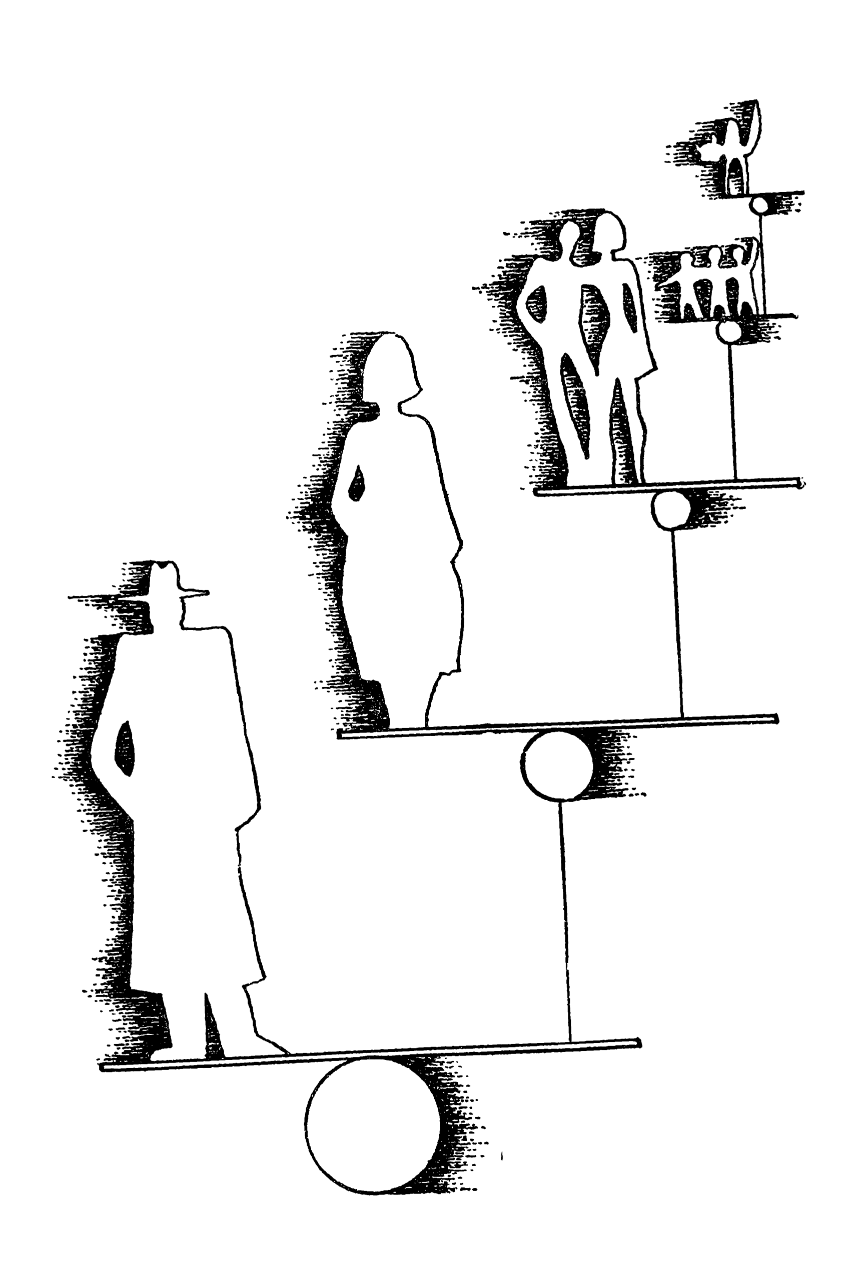
Иллюзии и сомнения

Взрослый человек, говорил знаменитый датский философ С. Кьеркегор, живет в убеждении, что иллюзии и сомнения принадлежат юности и к нему уже никакого отношения не имеют. Однако это убеждение является худшим видом иллюзий и сомнений, чем неуверенность юности. Современные исследователи показали, что в зрелые годы у многих людей наблюдается психологическое явление, которое можно назвать «кризисом идентичности».

Строго говоря, представление о «кризисе идентичности» не является чем-то новым для психологии, но применялось оно преимущественно к детской психологии, главным образом для характеристики некоторых особенностей психического склада подростков. Ведь под «кризисом идентичности» понимается некая нетождественность человека самому себе, его неспособность определить, кто он такой, каковы его цели и жизненные перспективы, кем он является в глазах окружающих, какое место он занимает в определенной социальной группе, в обществе и т. д. Но если для характеристики подростков и юношей это понятие обладает достаточной объяснительной силой, то применение его к зрелой личности на первый взгляд выглядит парадоксальным.

Вместе с тем, существуют убедительные аргументы в пользу применения понятия «кризиса идентичности» к взрослым. Ведь подобный феномен достаточно часто наблюдается в обыденной жизни, неоднократно описывался в художественной литературе, да и языком психологии нетрудно нарисовать типичную картину такого явления.

Появляется потеря чувства нового, ощущение «отстава-

ния от жизни», понижение уровня профессионализма. Человек, привыкший считать себя способным, нужным, «специалистом», лицом, соответствующим своему социальному статусу, обнаруживает, что он стал иным. Возникают сомнения в своих возможностях, неуверенность, мучительное чувство необходимости понимания своей самооценки; пропадает радостное ощущение полноты жизни, возникает состояние подавленности, причины которого осознаются не сразу, а осознаваясь, переживаются как исчерпание своих возможностей и т. д.

В свое время Гегель, рассматривая возрастную динамику жизни человека, отмечал сходное явление, которое называл «ипохондрией». Он справедливо говорил, что жизнь взрослого человека есть по преимуществу практическая жизнь, а любая практическая жизнь неизбежно связана с «мелочами» и «частностями». И хотя это совершенно в порядке вещей, ибо, если необходимо действовать, то неизбежен и переход к частностям, — однако для человека занятие этими частностями может быть все-таки весьма и весьма болезненным, а невозможность непосредственного осуществления его идеалов может ввергнуть его в ипохондрию.

«Этой ипохондрии, — писал он, — сколь бы незначительной ни была она у многих, — едва ли кому-либо удавалось избегнуть. Чем позднее она овладевает человеком, тем тяжелее бывают ее симптомы. У слабых натур она может тянуться всю жизнь. В этом болезненном состоянии человек не хочет отказаться от своей субъективности, не может преодолеть своего отвращения к действительности и именно потому находится в состоянии относительной неспособности, которая легко может превратиться в действительную неспособность».

Точно датировать наступление такого, по сути дела, возрастного кризиса развития личности взрослого не представляется возможным, так как оно существенно зависит от индивидуальных особенностей жизни личности, и здесь велики различия как времени, так и интенсивности протекания указанных явлений. Рассмотрим их по существу, то есть попытаемся выяснить, в чем причина возникновения «кризиса идентичности», «ипохондрии» у зрелого человека, находящегося в цветущем возрасте, в поре «акмэ»?

Думается, ответ на этот вопрос надо искать, с одной стороны, в динамике смены поколений, влияющих на особенности протекания отдельных возрастных этапов, а

с другой — в специфике творческой трудовой деятельности человека.

Рассмотрим, какие следствия имеют межпоколенные различия, непрерывный процесс смены и преемственности поколений.

Зрелый человек в период от 40 до 50 лет занимает в этом плане срединное положение между своими родителями, вступившими в пору старости, и своими детьми, которые в это же время заканчивают школу, начинают самостоятельный путь в жизни.

В этой связи перестраивается, во-первых, жизнь семьи. Старики выходят на пенсию, требуют большего внимания к себе в плане попечительства, как правило, уходят «в тень», освобождая среднему поколению простор для общественной и профессиональной деятельности, передают «эстафету ответственности» за все сферы жизни. Ценности зрелых людей начинают играть ведущую роль в жизни общества и, вооруженные всеми выработанными в истории человечества и развитыми в истории поколения средствами человеческой деятельности, зрелые люди могут утверждать свои вкусы, свой образ жизни, стиль деятельности — по сути они являются законодателями «моды» (в самом широком смысле этого слова).

Как правило, в этом возрасте большинство людей достигает вершины профессиональной и общественной карьеры, в их руках сосредоточены функции управления в самых разнообразных сферах общественной жизни. В этом возрасте люди по преимуществу становятся директорами, председателями, докторами наук и научными руководителями, в их руки переходят функции «главы семьи» (как по отношению к более младшим, так и по отношению к более старшим). Они — «кормильцы» семьи, их благосостояние также достигает высшего уровня (обеспеченность жильем, техническими средствами быта и т. д.).

Словом, «акмэ» и в наше время остается «акмэ», и зрелый человек и сегодня занимает центральное место в общественной и возрастной структуре общества, в нем завязаны главные «приводные ремни» государственного, общественного и хозяйственного механизма. И роль эта из разряда «главных».

Вместе с тем, достигая апогея, подымаясь на высшую точку траектории своего полета, человек во многом исчерпывает «энергетические» (употребляем это слово только и исключительно как образ) силы, выведшие его на орбиту.

Еще раз вернемся к уже использованному па этих страницах образу ракеты-носителя: подобно ступеням этой ракеты, отработали свою часть общего дела детство, отрочество и молодость, «отстрелялись», освобождая тело спутника от тяжести опустошенных баков — спутник выведен на орбиту; но потраченная энергия невосполнима, и дальше спутник может двигаться только по инерции, используя полученное ускорение — у него остались ресурсы лишь для маневрирования в космическом пространстве.

Образ — это всегда только образ, и от него нельзя требовать качества всеобщего закона; зрелый человек, движущийся по инерции полученного в предшествующие эпохи своего развития ускорения, — это образ, с помощью которого (при отсутствии экспериментальных данных) мы «формулируем» нашу гипотезу о некоторых причинах психологических проявлений зрелости. Попытаемся теперь «одеть» скелет этого образа в «платье» психологических явлений.

Что означает «высшая точка орбиты» полета человека в зрелости — уже объяснено выше; важно выяснить, что вкладывается в образ движущегося по инерции и маневрирующего «спутника». Разгадка этого образа заключена в характеристике деятельности зрелого человека. Как правило, к этому возрасту человек уже совершает какой-то один или несколько личностных поступков творческого характера — делает открытие, вносит рационализацию в экономическую, техническую или общественную область, реализует свою педагогическую программу по отношению к своим детям и т. д. Эти «предметы» его жизнедеятельности поглощают на предыдущих этапах жизни все его силы, требуют их максимального напряжения. Однако предметная деятельность предполагает определенное содержание, которое развивается. Человек вносит в дела свою личность, свою индивидуальность, и в конечном счете, опредмечивается в своих делах — в открытиях, в продуктах своего художественного, технического или социального творчества, в детях, которые им воспитаны.

Рано или поздно, но наступает период, когда человек уже с трудом может оперировать грузом предметного содержания своей деятельности, он «поглощается» предметом и «умирает» в предмете, воплощаясь и реализуясь в нем. Так, скажем, мать и отец воплощаются в детях, как предмете своих родительских усилий, своей педаго-

гической деятельности, учитель — в ученике, как предмете образовательной деятельности, ученый — в открытиях и людях, продолжающих его научную деятельность, художник — в своих произведениях, а рабочий — в многообразных продуктах дела рук своих.

Этот груз предметного содержания достаточно тяжелый сам по себе, удесятеряется тем, что в непрерывном процессе развития жизни зарождающееся новое уже грозит отодвинуть его в прошлое, заменить своим, новейшим. Открытия устаревают. У детей рождаются свои дети (внуки), требующие другого воспитания в изменяющихся условиях. Происходит смена художественных вкусов, возникают новые направления в искусстве. Бурно меняется технология, иной становится предметная среда обитания человека.

Отменить прогресс нельзя. Но, право, трудно смотреть на то, как устаревает, отходит на второй план, а затем в небытие то, что было сделано с таким трудом, ценой огромного напряжения. Все это может вызвать не только «предметную смерть», как логическое завершение деятельности человека в определенном предмете, как опредмечивание способностей, но и грусть, «ипохондрию», «кризис идентичности».

Употребляя эти термины до времени почти как синонимы, через запятую, мы должны теперь их разделить и внести окончательную ясность.

«Предметная смерть» человека неизбежна, ибо перед лицом разворачивающегося в истории прогресса общественной деятельности единичный человек, как бы ни была внушительна его личность и ярка индивидуальность, бессилен. Он всегда будет моментом общественно-исторического процесса преобразования предметной сферы человеческой жизни. Как бы ни был значителен вклад отдельного человека в этот процесс, как бы ни опредметился он в своей деятельности, сам факт исчерпанности отведенной именно ему возможности изменения предмета имеет всеобщее значение. Нельзя ничего сделать «навсегда», это «навсегда» окажется все равно моментом исторического развития рода человеческого, памятником этой истории, свидетельством, оставленным будущим эпохам, но не венцом развития.

«Ипохондрия» же может быть преодолена и преодолевается многими людьми, когда они понимают роль и место своей деятельности в историческом и общественном процессе и не только смиряются с необходимостью

прихода нового, но и сами включаются в процесс создания этого нового, используя все влияние своего общественного и профессионального положения.

Что же касается «кризиса идентичности», то его разрешение и есть способ примирения с неизбежностью «предметной смерти» и фактор преодоления «ипохондрии». В новой социальной ситуации развития, оказавшись на вершине жизни и не имея сил подняться выше (этого «выше» просто не существует), человек может, вместе с тем, на основе жесткого самоанализа восстановить тождественность себе в новых условиях, что означает найти себе и своему Я место в этих новых условиях, выработать соответствующую форму поведения и способ деятельности.

В близкой к автору (и поэтому лучше всего знакомой) научной среде такой «кризис идентичности» у ученого, познавшего «предметную смерть» и не лишенного элементов «ипохондрии», лучше всего разрешается через институт учеников, передачи своего научного наследия в руки продолжателей дела.

Впрочем, для ученого возраста 40—50 лет — это расцвет творческих возможностей, и ему рано думать о «предметной смерти». У этой точки зрения есть свои горячие сторонники, и их много (трудно найти ученого, который, находясь на пике своей карьеры, признается, что в творческом отношении он мертв, исчерпал себя, что «все» уже сделано — по-человечески это ведь так понятно!), есть и впечатляющие примеры творческого долголетия. Поэтому, формулируя без неуместной категоричности и говоря о некоторых хронологических рамках указанных явлений, ограничимся тактичным оборотом — «в некоторых случаях». А там пусть каждый свою ситуацию «примеривает на себя».

«Старость юности» или «юность старости»!

Эти образные определения принадлежат перу великого поэта-романтика В. Гюго. Такими словами он выразил суть той эпохи человеческой жизни, когда человек находится на границе зрелости и старости и не может быть целиком отнесен ни к тому, ни к другому возрасту. В наше время этот же период получил куда менее поэтическое название «пресенильного», то есть предшествующего старости.

Хронологически наступление этого времени можно

условно обозначить пятьюдесятью годами, которые одни называют «юбилеем», а другие на французский манер l'âge de decroissement («возрастом увядания»).

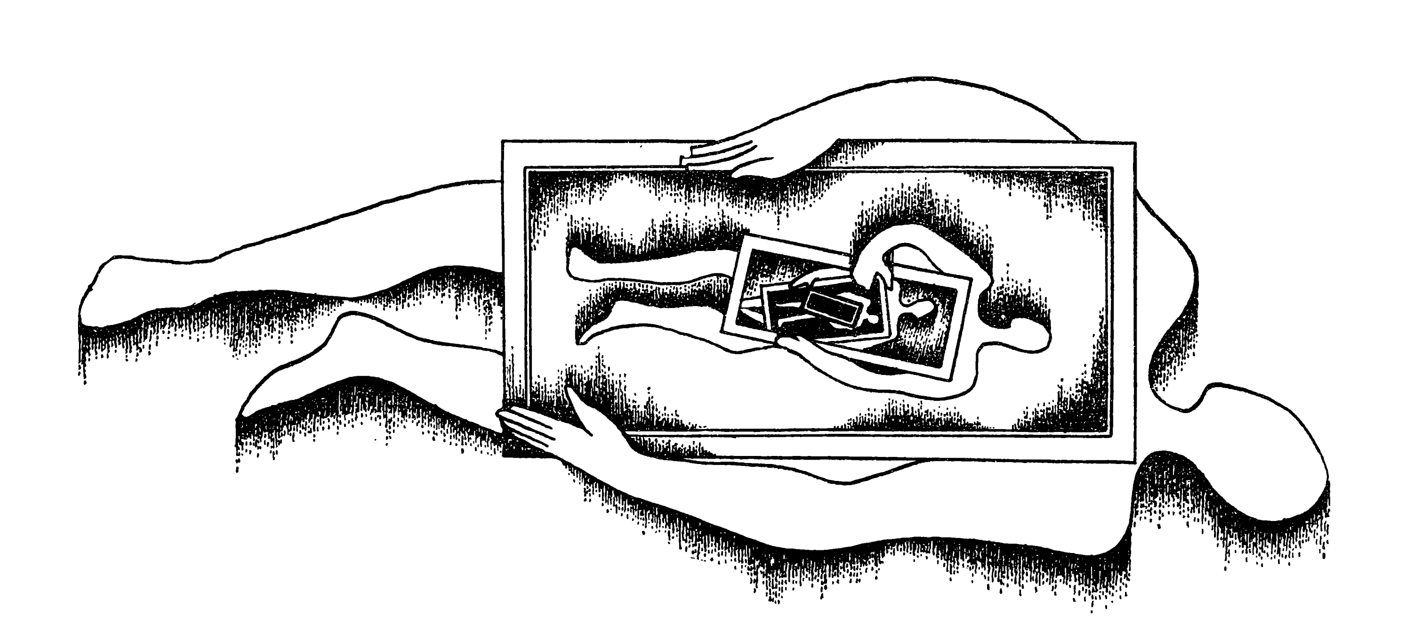
Впрочем, дело не в названии. Существуют свидетельства особого, пограничного характера этого времени человеческой жизни, о котором можно говорить как о своеобразном возрастном кризисе, впрочем, еще малоизученном. А свидетельства таковы.

Известно, что «отец позитивизма» О. Конт в 50 лет вступил в фазу религиозности и апостольства, ничего общего не имеющих с идеями позитивизма. Л.-В. Бетховен в этот же период своей жизни отдает дань мистике в своем творчестве, в целом очень далеком от мистицизма. Наконец любопытные комментарии к толстовской «Исповеди» мы находим у Д. Овсянико-Куликовского. Справедливо считая «Исповедь» автобиографическим произведением, он отмечает: «Оно категорически устанавливает факт, что мы имеем дело с нормальною (для Толстого) болезнью переходного возраста, именно возраста около 50 лет (Толстому было тогда 47 лет), когда обычно внутренний мир человека осложняется чувствами, мыслями, настроениями, давно уже подготовлявшимися, но лишь теперь достигающими зрелости и прозрачной ясности. Этот возраст — столь же крутой поворот в психической жизни, как и тот, который мы переживаем в ранней юности. И тот, и другой знаменуются особыми душевными состояниями, в ряду которых заметно выделяется «беспричинная» тоска, угнетенность духа, taedium vitae, иногда мысль о смерти и склонность к самоубийству».

Дотошные американцы подсчитали, что к 50 годам сердце человека проделывает работу, эквивалентную подъему груза весом в 18 тонн на высоту 227 километров! Можно и устать! Немудрено, что к этому же возрасту приурочены и кризисные явления в психологической области. Связь между этими двумя сферами — физиологической и психологической — не столь прямая, но отмеченную параллель примем во внимание.

А теперь о собственно психологических причинах.

Отчасти причины наступления возрастного кризиса в период перехода от зрелости к старости обсуждались нами в связи с такими явлениями, как «предметная смерть», «ипохондрия» и «кризис идентичности». Здесь, пожалуй, стоит продолжить эту тему и развить ее вот в каком ключе.

«Кризис идентичности», или временная потеря тождественности собственному Я (своеобразный кризис образа Я), у зрелого человека разрешается в деятельности, направленной на нахождение своего места в новой социальной ситуации развития, обновления личности в изменяющихся условиях жизни. Эта задача достаточно универсальна — по-своему ее решает и ребенок, и подросток, и юноша, и молодой человек, решает ее и зрелый человек. Но в этом решении равные права имеют и практическая деятельность, и некоторый «философский» момент.

Мы говорим о практической деятельности как способе преодоления «кризиса идентичности», памятуя о том, что человек «не является более совершенной машиной в руках природы, а делает себя самого целью и объектом обработки» (Г. Гердер), и поэтому вся организация человека должна исследоваться с точки зрения его деятельности.

Подчеркнем этот момент еще раз, используя авторитет Ф. Шиллера, который где-то удачно сказал, что животным и растениям природа не только дает предназначение, но и сама приводит его в исполнение, человеку же дается только предназначение, исполнение которого предоставлено ему самому.

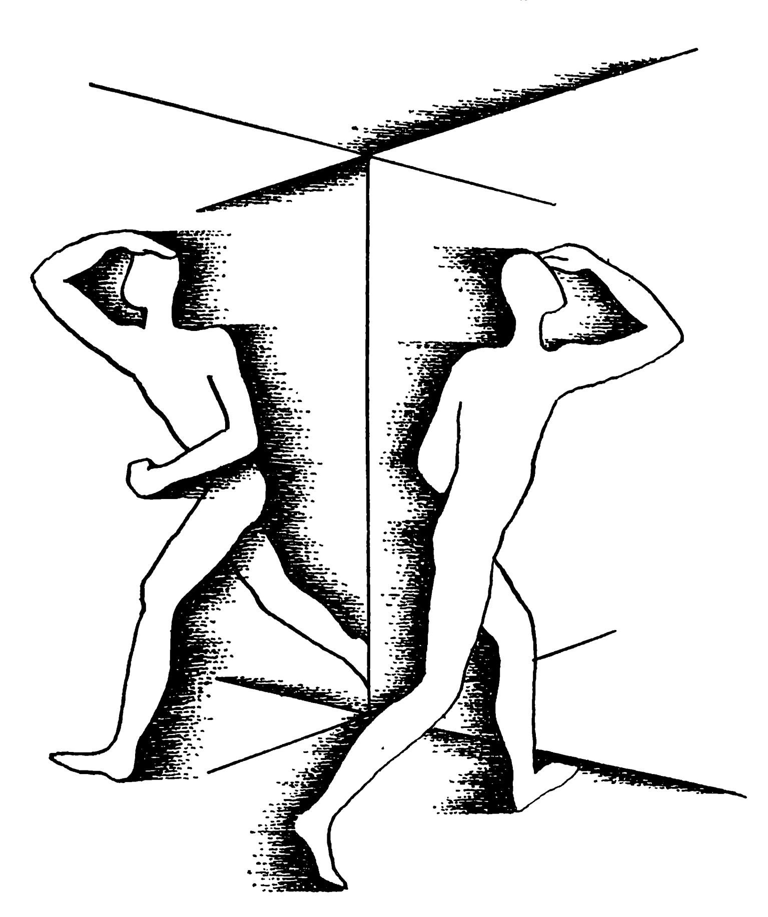
Кстати, эта «установка на себя самого» у человека получила отражение во множестве мифов, изображающих человека пришельцем из более совершенного мира, из «золотого века» или «рая». В наше время мы выражаемся все более рационально — человек есть то, что он из себя сделал, его личность — продукт его деятельности и т. д.

Что же касается момента «философичности», известной «созерцательности», которая прогрессирует у человека с возрастом, то она есть неизбежный продукт его саморефлексии, результат оценки своего жизненного пути, подведения «предварительных итогов». «Предварительных» — так как активная полоса деятельности еще не закончена, хотя она уже начинает уступать в конкуренции с творческой активностью подрастающих поколений.

Чтобы ощутить свою действенную силу в период, когда появляются первые признаки старения (одни ученые говорят, что это происходит с 45 лет, другие относят соответствующие изменения организма к более ранним периодам, отмечая, что старение — динамическая характе-

ристика, в отличие от старости, как некоторого статического определения), человеку надо проявлять не только практическую активность, но и мобилизовать силу воли, душевные качества, утверждать здоровый дух в теле, которое все более и более подвержено болезням. Телесные недуги настраивают душу человека, его интеллектуальный и эмоциональный мир на лад «философского осмысления» (мы берем эти слова в кавычки, имея в виду, что в данном случае речь идет не о профессионально-философском мышлении, а о некоторой менее строгой, но более распространенной склонности человека к обобщенному восприятию явлений своей жизни).

Оглянувшись в прошлое, человек обретает как бы но-

вое видение событий своей биографии, дает им новую оценку с позиций жизненного опыта, в ситуации, когда уже практически ничего в прошедшем изменить нельзя и нет оснований рассчитывать на существенные изменения своей личности в будущем. Ибо все знают, сколько лет прожито, но никто не знает, сколько еще суждено прожить.

В этой ситуации человеческая личность впервые испытывает состояние остановки, статичности, определенной полноты и завершенности. Жизнь как процесс непосредственного переживания, поглощающего все мысли и чувства и не оставляющего места и времени для остановки («остановиться-оглянуться»), замирает и предстает перед сознанием человека в форме законченного пластичного образа, который подлежит созерцанию. И созерцая себя как продукт прожитой жизни, как результат своих усилий, человек с особой силой осмысливает свою жизнь.

Этот факт образно выражен в книге Ю. Олеши, известного советского писателя: «... в том, чтобы дожить до старости, есть фантастика. Я вовсе не острю. Ведь я мог и не дожить, не правда ли? Но я дожил, и фантастика в том, что мне как будто меня показывают. Так как с ощущением «я живу» ничего не происходит и оно остается таким же, каким было в младенчестве, то этим ощущением я воспринимаю себя по-прежнему молодо и свежо. И этот старик необычайно уже нов для меня — ведь, повторяю, я мог и не увидеть этого старика, во всяком случае много-много лет не думал о том, что увижу. И вдруг на молодого меня, который и внутри и снаружи, в зеркале смотрит старик. Фантастика! Театр!..» И дальше: «...теперь нас двое — я и тот. В молодости я тоже менялся, но незаметно, оставаясь всю сердцевину жизни почти одним и тем же. А тут такая резкая перемена, совсем другой. Здравствуй, кто ты? Я — ты. Неправда!»

Какая сложная гамма чувств, противоречивых переживаний!

Особую напряженность и остроту этому самоанализу (в отличие от самоанализа подростка или молодого человека) придает именно тот факт, что в ходе дальнейшей жизни возможны минимальные изменения, «исправления» пройденного пути, для которых остался небольшой запас сил и времени. Это мучительный переход от состояния максимальной активности, бурной деятельности

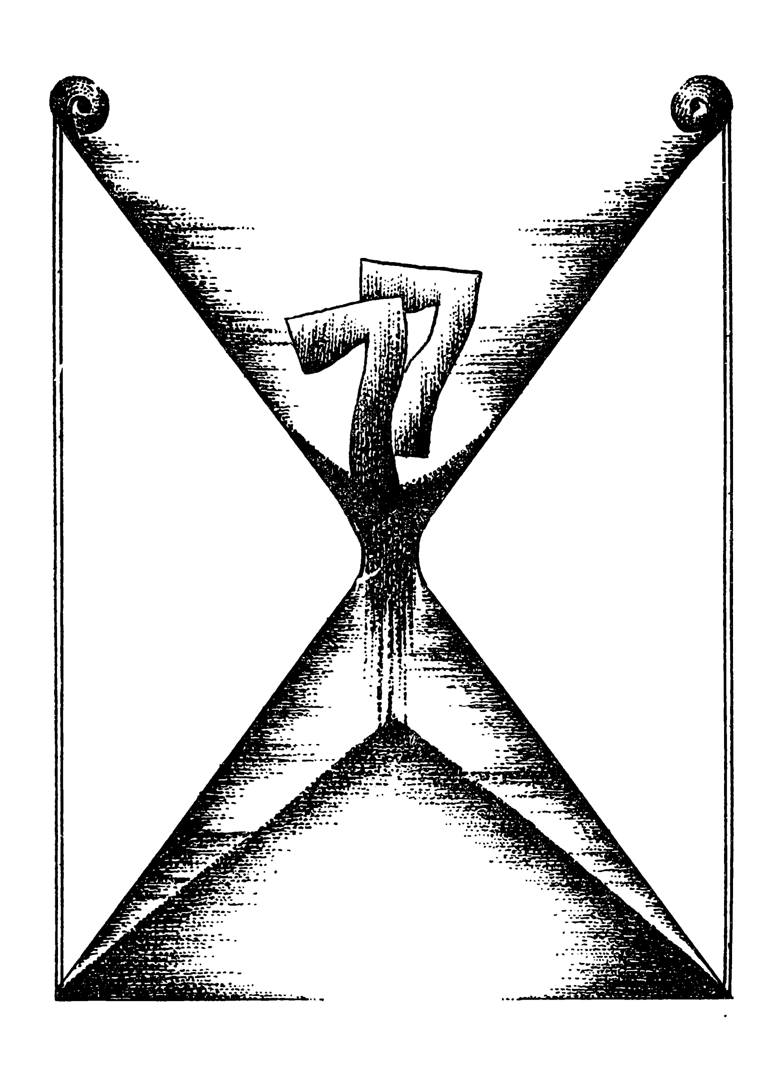
к ее постепенному свертыванию, ограничению, накладываемому здоровьем, дефицитом творческих сил и необходимостью уступить место новым поколениям.

При этом сегодня человек в 50—60 лет еще не ощущает себя «старым» и к моменту официального срока выхода на пенсию делает последние попытки вернуться к активной деятельности. Ведь для нашего сознания старость, что греха таить, не обладает таким обаянием, как молодость, и мы гордимся молодостью и оплакиваем старость, интересуемся развитием и пренебрегаем распадом; и ложью и косметическими уловками пытаемся скрыть признаки старости. Но так ли это, так ли уж отталкивающе это явление, что человек легче соглашается на то, чтобы показаться смешным в своих попытках омолодиться, чем старым?

Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать, рассматривая старость как особое возрастное явление.

Что же происходит, когда наступает старость?

На старости лет

Мало кто из людей
умеет быть старым.

Ларошфуко.
Максимы. СДXXIV

Старость... Самый парадоксальный и противоречивый человеческий возраст. Крепкий узел проблем — время, когда «последние вопросы бытия» (М. Бахтин) встают во весь рост своей жизненной напряженности, не допуская никаких иллюзий, требуя разрешения неразрешимого. Сколько себя сознает человечество, сколько пытается оно открыть вечную загадку человеческого Я, столько стремится оно к раскрытию тайны старости, не прекращая попыток пробиться к ее сути, делая круг за кругом, виток за витком в осмыслении этого феномена жизни.

Легенда гласит, что мифический Будда, избравший для своей «последней жизни» земную обитель северо-индийской общины шакьев, «отшельник из рода шакьёв» — Шакьямуни, просил у своего отца Кудгодана избавления от двух зол — старости и смерти, победил бога смерти — злого демона Мара, открыв людям причину страданий и путь избавления от них и... умер в восьмидесятилетнем возрасте в день майского полнолуния 544 году до нашей эры.

Так гласит предание, повествующее о вечной борьбе жизни и смерти, преодолении старческой немощности.

Не счесть легенд о старости, как не перечислить всех афоризмов, рожденных человеческой мыслью, пытающейся осмыслить старость. Один из лидеров протестантизма М. Лютер мрачно изрек: «Старость — это живая могила», что было в духе времени и разделялось его современниками.

В наше время более популярны афоризмы, выдержанные в духе легкого французского юмора esprit, вроде принадлежащего А. Моруа: «Старость — это дурная

привычка, для которой у активных людей нет времени».

Между этими крайними точками зрения лежит бездна, заполненная человеческими мнениями, каждое из которых имеет свой резон, свое эмпирическое оправдание, свой смысл и свое значение.

И среди всех этих многочисленных ответов мы не находим лишь одного, пожалуй, самого главного — что же такое старость? Ну, хотя бы только с одной — психологической — точки зрения. Каково ее место среди возрастов жизни и каков смысл для современного человека?

В противовес пессимизму обыденных представлений о старости психологи говорят о своеобразных новообразованиях старческого возраста, которые ничем не хуже и не лучше, чем психологические новообразования, скажем, отрочества или молодости — они другие, имеют свой глубокий смысл и высокое предназначение. И распад личности, обычно ассоциируемый со старостью — не обязательно маразм; в нем есть своя строгая эстетика и живая сила!

«Зеркало старости»

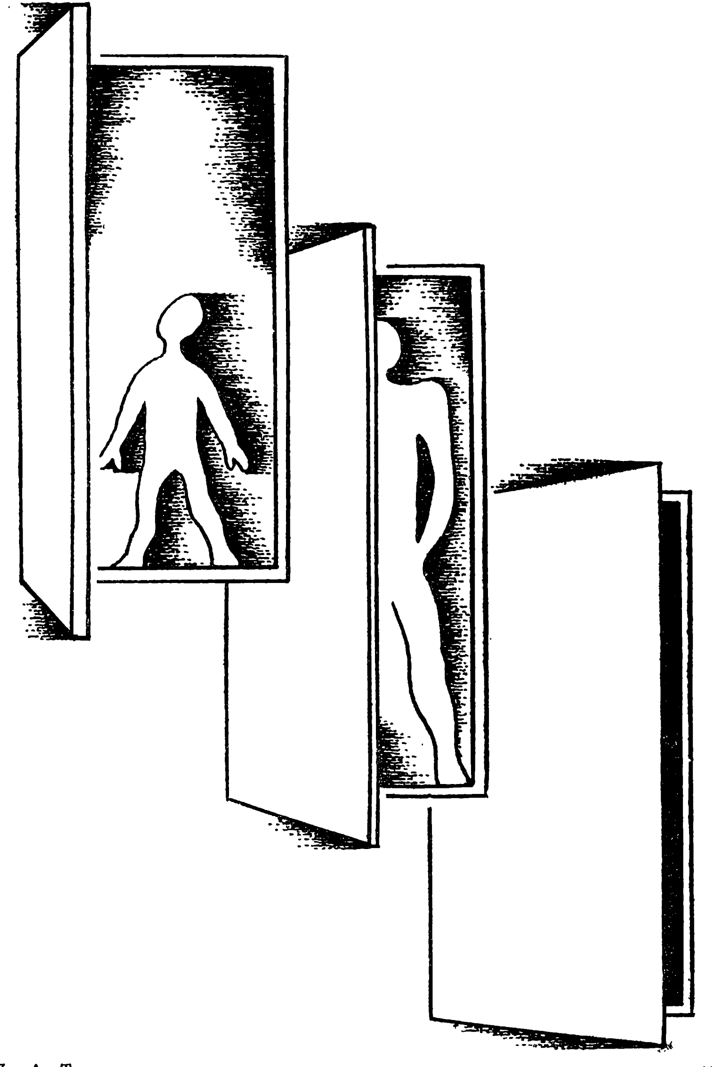
Начиная с мифологической архаики, человечество интересуется сравнениями мира детства и мира старости. Напомним, как поют старцы у Эсхила:

> На бесславный покой обрекли нас года
> И, на посох склонив, повелели влачить
> Одряхлевшую плоть,
> Возвратили нам давнее детство.
> Ведь младенец — он старцу подобен...

История человечества знает множество попыток проведения аналогий старости и детства. И хотя такие аналоги всегда формальны, они не лишены интереса. Прежде всего бросается в глаза «зеркальность» старости и детства: если детство — начало жизни, «заря», то старость — конец, «закат»; если детский организм предельно пластичен, то старческий — в высшей степени непластичен. Придя в гости к друзьям или знакомым, с которыми мы не виделись даже не очень продолжительное время, мы удивляемся, как выросли, как изменились за этот короткий срок их дети — и в большинстве случаев это не дежурная фраза, а вполне искреннее удивление перед фактом развития юного существа. Встретившись на улице со стариком, мы столь же искренне заметим: «Вы совсем не изменились!», и опять же не погрешим против истины: стареет человек обычно резко и «вне-

запно», после чего наступает латентный, константный период, в который человек изменяется крайне мало (особенно явственно это заметно у долгожителей).

История знает прямые аналогии детства и старости. Замечалось, что и старика, и ребенка отличают духовная беззаботность, слабая деятельность чувств, их «детский» уровень, гневность, склонность к плачу, смеху, болтли-

вость, оплошность движений, нарушения в равновесии тела, неуверенная походка, отсутствие зубов, потребность в мягкой, сладкой пище, спотыкающаяся речь, дискантовые тембры голоса, отсутствие половых отправлений, неосознанность мочеиспускания и т. д.

На наш взгляд, главное, что роднит детство и старость, — это то, что и ребенок, и старик приходят к сознанию своего положения в обществе, сравнивая себя со взрослым человеком. Ж.-П. Сартр («Слова»), отмечал, что ребенок лишен собственной опоры в реальном мире — он искусственно отделен от действительности. Это глубокая и по существу своему верная мысль. Мы трактуем ее по-своему, обращаясь к Сартру лишь постольку, поскольку он действительно выразил некий парадокс жизни.

Итак, ребенок искусственно отделен от действительности такими институтами социализации, как попечительство, воспитание, школьное обучение и т. д. Ведь сколь бы ни было ценно детство как эпоха человеческой жизни, сколь бы ни была ценна работа личности по саморазвитию на самых ранних стадиях онтогенеза, цель ее видится (и не только ученым, но и самим ребятам) в зрелости, во взрослом состоянии личности, в поре деяний.

Аналогично, хотя и по-другому, отделен от действительности и старик, причем это отделение также искусственно, ибо выход на пенсию не есть закон природы, а сформировавшийся в истории цивилизации социальный институт обеспечения старости, которая трактовалась в прошлые века, напомним, как болезнь, немощность, потеря трудоспособности. Однако такая картина старости, на наш взгляд, хотя и имеет историческое оправдание, в настоящее время уже достаточно спекулятивна: таков ли современный старец — вот вопрос!

Старость в современном мире

В XX веке старость как особое возрастное явление жизни человека бурно эволюционизирует. Пожилой человек в наше время стал крупной фигурой в общественной структуре ($^1/_6$—$^1/_8$ всей популяции!). Канули в Лету представления о возрасте 50—60 лет как о старости. Смертность в этом возрасте упала по сравнению с концом XVIII века в четыре раза. В наше время реальные возможности жить простираются в среднем до 75 лет, так как и смертность среди 70-летних в последнее время

упала вдвое. Следствием этих процессов стало существенное постарение населения всех стран мира (особенно так называемых высокоразвитых), в которых лимит трудоспособности (выход на пенсию) значительно опережает дату старости (70—80 лет). То есть современный старец после выхода на пенсию живет в среднем еще 15—20 лет, что в сравнении со средней продолжительностью всей жизни современного человека очень и очень значительное время (приблизительно четверть жизни!). Неужели вся эта четвертая часть отведенного человеку срока жизни есть распад, угасание и т. д.? Неужели эти люди представляют собой «ненужных», «лишних» для общества индивидов, заполняющих богадельни и дома для престарелых, прикованных к постели и отрывающих «занятых людей» от важных дел, требуя ухода и попечительства?

Конечно, нет. В наше время, и мы имеем в виду прежде всего страны социализма, в корне изменяется отношение к старости, которое затрагивает и самосознание пожилого человека. У нас в стране делается много для социального обеспечения старости, для того чтобы человек, вышедший на пенсию по возрасту или по выслуге лет, не влачил существование человека, «лишенного опоры в жизни», не ощущал себя «ненужным» обществу.

Речь, понятно, идет не только о материальном фундаменте (размеры пенсий у нас неизменно возрастают) и, конечно же, не только о том, что одиноких людей в старости государство берет на свое полное обеспечение. Ветеран труда, как и ветеран войны, любой человек, отдавший свои силы на благо общества, трудившийся на социалистическом производстве и сражавшийся на фронтах войны, пользуется у нас особым уважением и особыми привилегиями. Окончание трудовой производственной карьеры не означает у нас окончание активной социальной жизни, которую по мере возможности ведут пожилые люди повсеместно.

Вместе с тем, и у нас есть свои трудности, одна из которых имеет и психологическое значение. 15—20 лет современной старости — это 15—20 лет в отрыве от любимой работы, что в большей или меньшей степени ставит человека в условия «вынужденной праздности», к которой он не привык. Это обостряет ощущение контраста между собственной бездеятельностью и деятельной жизнью общества. И этот контраст многими пожилыми людьми воспринимается как нечто унизительное, поскольку человек еще способен к труду. Поэтому социалистическое госу-

дарство заботится о том, чтобы желающие трудиться люди пенсионного возраста могли осуществить свою потребность.

Это важно еще и потому, что вынужденное безделье для многих становится патогенным фактором в соматическом и психическом отношении — в этом плане не только право на пенсию, но право на труд в пенсионном возрасте есть важное завоевание нашего социалистического общества.

Получили распространение такие формы, как труд на производстве с неполным рабочим днем (с сохранением пенсии), работа на дому, работа на общественных началах в ЖЭКах, в общественных библиотеках, наставничество и передача опыта молодежи, руководство кружками для детей, не говоря уже о нелегком труде по воспитанию внуков. «Все это, как правило, бывает, — пишет психолог Б. Братусь, — способом разрешения возникшего противоречия, несоответствия между общественной природой человеческой личности, которая многие годы находила свое наиболее полное выражение в труде, и теми узкими возможностями, которыми располагает сам по себе пассивный отдых или участие в семейной жизни».

Вместе с тем, следует сказать, что обычно страхи перед наступлением старости, уходом на пенсию намного более болезненно переживаются людьми, нежели реальный переход на заслуженный отдых. Во всяком случае, по данным социологов, две трети пенсионеров вполне удовлетворены своей жизнью и вовсе не рвутся на рабочее место. Резкое ухудшение самочувствия при этом наблюдается лишь у каждого девятого, материальные затруднения и чувство бесполезности ощущает только каждый пятый, одиночество — каждый двенадцатый. В сравнении с ожиданиями социологов, сложившимися до исследования под впечатлением общей тональности разговоров стариков, все эти доли неудовлетворенных смотрятся слишком малыми. Видимо, боязнь старости, выхода на пенсию — не более чем новоявленный миф, но никак не реальность.

Оспаривая бытующее мнение о якобы поголовном желании пожилых людей работать как можно дольше на производстве, а мы видим, что это не так, вместе с тем, было бы неоправданной смелостью считать удовлетворенность своим положением знаком нежелания трудиться в принципе.

Это очень важно, ибо, по существу, труд неотделим

от здорового образа жизни. Ни один лентяй не дожил до глубокого возраста; все достигшие его вели очень деятельный образ жизни. Думается, что многие современные люди на старости лет, вслед за М. Монтенем, охотно заявили бы: «Я хочу умереть за работой». В этом вполне искреннем заявлении содержится и «маленькая хитрость»: считается, что длительность человеческой жизни увеличивается у людей, интенсивно работающих до глубокой старости. И хотя строго научно этот факт трудно доказать, — как психологический фактор, он может играть весьма и весьма плодотворную роль.

При всем в целом благожелательном отношении к труду стариков, в наше время существует мнение, что общая тенденция века — не оглядываться на прошлое, а смотреть вперед и, дескать, значение индивидуального опыта старого человека не имеет значения — все новое можно прочитать в книжках и журналах ученых.

Оспаривая эту точку зрения, советский геронтолог И. Давыдовский, автор одного из наиболее интересных современных исследований старости, поражающего охватом материала и философским уровнем осмысления современных проблем геронтологии, пишет: «Опыт и мудрость всегда были функцией времени. Они остаются привилегией зрелых и пожилых. Для геронтологии как науки не так важно «прибавить годы к жизни»; важнее «прибавить жизнь к годам».

С этим мнением современного ученого в унисон звучит мысль Леонардо да Винчи: «Труд порождает опыт, а опыт — мудрость, она дочь опыта».

Думается, что нет никаких оснований недооценивать значение опыта и мудрости в современной жизни. Их не может заменить никакая высокая «информированность», как никакие уставы и циркуляры, методические рекомендации не способны заменить живую человеческую личность во всех сферах общественной и производственной жизни. Индивидуальный опыт старых работников, не утративших работоспособности, не может заменить никакая литература, никакие учебные пособия. Индивидуальный опыт — это не просто память о прошлом, это умение быстро ориентироваться в настоящем, используя свой и чужой, фактически неповторимый опыт и знания.

Но даже если мы возьмем предельный вариант и согласимся с тем, что опыт можно обобщить, знания можно усвоить, навыкам обучить, то значение мудрости, как особого психологического новообразования старости, не-

дооценивать никак нельзя. Мудрость как определенное состояние духа, смысл которого в установлении связи и преемственности поколений, освобождении истории от случайности и суетности обыденной жизни, взгляд в прошлое, настоящее и будущее одновременно, возводящий старика в ранг философа жизни, — это качество делает позицию старика в современном мире уникальной по общественной и исторической значимости, гуманной по своему предназначению и направленности.

Все сказанное позволяет нам согласиться с мнением: неверно, что старость только спад, только минус. Чисто эмоциональное, а потому ненаучное отношение к старости как к деградации лишь тормозит организацию изучения старости, достижение прогресса в этой важной области нашей жизни и познания. Правда состоит в том, что старость — это целостный процесс, охватывающий весь организм; что человеческое тело бренно. Но ведь прав был Спиноза, который говорил, что никто не знает «к чему способно тело...».

Здесь мы должны обратиться к рассмотрению вопроса, каковы биологические лимиты человеческой жизни — каков предел долголетия человека?

Долголетие и долгожительство

Какова естественная продолжительность жизни человека? Согласно древним китайским мудрецам, царю Соломону, греческому историку Геродоту, древнеиндийским создателям законов Упанишад и по Библии — 70—80 лет. В псалме XC (в русском переводе XXXIX) из Ветхого завета мы читаем:

> Дней лет наших — семьдесят лет,
> а при большей крепости — восемьдесят лет;
> и самая лучшая пора их — труд и болезнь,
> ибо проходят быстро, и мы летим.

Древнегреческий поэт Мимнерм (VII в. до н. э.), жалуясь в своих элегиях на бренность человеческой жизни, говорит, что смерть приходит к человеку в 60 лет. Ему возражал один из самых известных семи греческих мудрецов — Солон, считавший естественным возрастом смерти 80 лет.

В средневековье и Возрождении представления о длительности человеческой жизни куда менее оптимистичны. Папа Иннокентий III (1161—1216), считавшийся

видной фигурой своего времени, в книге «О презренном мире и о нищете человеческой» пишет, что сорока лет мало кто достигает, а шестидесятилетние представляют собой редкий случай. Выдающийся французский поэт XIV века Э. Дешан (1330—1415) в книге «Зеркало брака» считал, что старость у женщин наступает в 30 лет, а у мужчин — в 50. 60 лет — предел человеческой жизни, по Э. Дешану, что не помешало ему самому прожить 85. Относительно же утверждения о наступлении старости у женщин в 30 лет, то, по свидетельству современников, Э. Дешан был не только выдающимся поэтом, но и выдающимся женоненавистником, как следствие не вполне благополучных семейных обстоятельств. Вероятно, поэтому им определен такой век женщин.

Все указанные выше суждения носят достаточно произвольный характер и опираются, по-видимому, в основном на личный опыт «наблюдателя».

Вместе с тем в истории было множество попыток научного определения видовой продолжительности жизни человека. Начиная с античности, пытались найти «корреляцию» (устойчивое соотношение) между периодом роста и длительностью жизни. Эту гипотезу выдвинул еще Аристотель в отношении оленей. В XVII веке ее поддержал и развил знаменитый естествоиспытатель Ж.-Л. Бюффон, положивший в основу магическое число 7 и утверждавший, что продолжительность жизни живых существ в семь раз превышает период их роста. Французский физиолог П. Флауранс, уменьшив коэффициент до 5 и считая, что процесс роста человеческого организма заканчивается в 20 лет, получил цифру 100. Академик А. Богомолец считает, что этот коэффициент равняется 8, а процесс роста человека — 25 годам и получает цифру 200.

Относительно этих суждений трудно сказать, чего в них больше — научных наблюдений или цифрового символизма, доставшегося нам в наследство от пифагорейской школы.

Мнения ученых-«естественников» конца XIX — начала XX века отличались оптимизмом. Русский физиолог XIX века академик И. Тарханов (1846—1908) считал естественной продолжительность человеческой жизни в 100 лет. Его современник польский физиолог Ю. Майер (1808—1899) определял этот срок в 100—110 лет. А. Богомолец пришел к выводу, что «нормальное долголетие» в современном мире — 125—150 лет и подчерки-

вал, что эти цифры не предельные. И. Мечников (1845—1916) считал естественной продолжительностью человеческой жизни 150 лет.

Мы считаем, что все указанные выше суждения, хотя они и не лишены интереса, не решают и не могут решить проблему естественной продолжительности жизни, которая не подвержена ни магии цифр, ни чисто естественнонаучному определению. В этом смысле мы не согласимся с теми учеными, которые, как, например, Э. Россет, считают, что проблема эта является уделом естественной науки. Как правило, замечает английский биолог А. Комфорт, слишком «опрометчивыми» являются выводы естественников, оценивающих биологическую продолжительность человеческой жизни в 150—200 лет. И конечно же, очень точен Б. Урланис, упрекающий естественнонаучные исследования этого вопроса в отрыве от реальных процессов жизни и, добавим мы, игнорировании социальных и культурных факторов, значение которых здесь трудно переоценить.

И все же — сколько лет длится человеческая жизнь — вопрос остается открытым. В идеале, который для наших современников ничем не менее привлекателен и желаем, чем для людей прошлых эпох, жизнь человека мыслится как бессрочная, вечная, что столь ярко выражено в идее бессмертия.

Впрочем, в наш рациональный век отношение к этой идее довольно скептическое — люди сегодня в большинстве не верят в самую возможность бессмертия. В ней видят — и не без оснований — теологическое, религиозное по своей сути ухищрение, называют «химерой», «скучным бессмертием».

И даже наиболее оптимистически настроенные мечтатели и ученые предпочитают говорить о бессмертии как об очень отдаленной перспективе, по сути исключая возможность его в наше время, несмотря на очевидные достижения современной науки, медицины, социальный и культурный прогресс.

Вместе с тем, вполне реальный факт удлинения жизни современного человека делает желание продлить человеческую жизнь, насколько это только возможно (достижение долгожительства и долголетия), и оправданным и страстным. И не следует придавать слишком серьезное значение разговорам старых людей о смерти. Часто это лишь своеобразное кокетство со смертью, за которым скрывается желание жить и притом долго.

Действительно, если средняя продолжительность жизни человека в бронзовом веке, по-видимому, не превышала 18—20 лет, а во времена Римской империи — 23 года, то уже в средние века она поднялась до 35 лет, в XIX веке — достигла 44 года, а в семидесятые годы нашего столетия в наиболее развитых странах мира средняя продолжительность жизни достигла 68—72 лет.

Ученые считают, что совершенствование социально-экономических и научно-технических средств уже в течение ближайших поколений позволит удлинить среднюю продолжительность человеческой жизни приблизительно на 10 лет.

Главные надежды при этом возлагаются на социальный фактор (совокупность государственных, общественных, культурных и медицинских мероприятий). Уже сегодня падение детской смертности, ликвидация ряда инфекций в более поздних возрастах, улучшение диагностики и лечения позволили увеличить среднюю продолжительность жизни до 75 лет.

Статистически может быть доказано, что если бы удалось ликвидировать все сердечно-сосудистые заболевания, то для шестидесятилетнего человека это увеличило бы среднюю продолжительность на 8,8 года. Ликвидация опухолей, инфекций и несчастных случаев (травм) дала бы прирост еще в 1,5 года. Таковы резервы современной медицины.

Таким образом, в современной науке о старости центральное место занимает по существу своему конкретно-практическая задача поддержания жизни человека на некоем реальном стабильном уровне, расширения сроков индивидуальной жизни, изменения сроков наступления нетрудоспособной старости и самого ее характера. Сегодня человек, достигнув возраста 70—80 лет, стоит в преддверии биологического лимита времени, определяемого видовыми, наследственными и индивидуальными свойствами, которые не поддаются пока точному раскрытию.

Тем важнее и принципиальнее становится для нас изучение фактов и факторов человеческого долголетия и долгожительства как своего рода дерзкого вызова человека силам природы. Долгожительство, а, по современным научным представлениям, долгожителями являются люди в возрасте свыше 90 лет, всегда интересовало ученых. Для объяснения его создано немало гипотез и теорий, которые в конце концов видят причины долголетия в особенностях личности, в климатических особенностях мест-

ности, характере труда и быта, особенностях взаимоотношений (общения) с окружающими людьми, наследственности и т. д. По мнению выдающихся русских ученых — медиков и биологов — И. Мечникова, А. Богомольца, И. Павлова, естественная продолжительность жизни человека составляет свыше ста лет, а долголетие и долгожительство являются не исключением, а естественным физиологическим явлением.

С другой стороны, на Западе, начиная с Г. Спенсера и А. Вейсмана, существует много противников идеи увеличения продолжительности человеческой жизни, многие из которых слишком близко подходят к чисто первобытному тезису об уничтожении стариков (см. главу вторую нашей книги).

Американский биолог У. Фогт снискал печальную славу своей попыткой доказать, что путь спасения человечества лежит через повышение смертности в перенаселенных странах мира. Ему вторят американский китаевед Дж. Уинфильд, сокрушающийся по поводу снижения смертности в современном Китае, и также американский биолог П. Урлих, автор нашумевшей книги «Демографическая бомба», в которой сравнивает неконтролируемое увеличение населения Земли с раковой опухолью, которую «нужно оперировать», а именно... сократить население планеты до 2 миллиардов человек.

Находятся также и «специалисты», подсказывающие путь «хирургического вмешательства» — так, например, американский врач В. Ослер предлагает ни больше ни меньше, как усыплять людей в возрасте около 60 лет хлороформом! Французский демограф Ж. Бертильон менее радикален в методах, но и он настаивает на том, что на продолжительности жизни стариков не могут быть сконцентрированы усилия общества. В 20-е годы нашего века так называемые евгенисты обосновывали этот тезис «экономически», настаивая на том, что «убыль престарелых» снизит бремя нагрузки на трудящихся.

Позиция советских ученых, их коллег из социалистических стран и прогрессивных научных кругов Запада в этом вопросе принципиальна и гуманистична: увеличение продолжительности жизни человека, удлинение творческого периода жизни — важнейшая задача современной науки и медицины, важный фактор прогресса социальных отношений.

В этом плане закономерен интерес ученых к тем отдельным индивидам, которые своей жизнью вселяют оп-

тимизм в настроение ученых, утверждающих большие возможности расширения творческих рамок человеческой жизни — интерес к долгожителям. Известно, что наша страна всегда отличалась долгожительством — в прошлом веке даже утверждалось учеными, причем иноземными, что Россия вообще (наряду со Швецией и Норвегией) наиболее благоприятная страна для долгожительства. Это нам, конечно же, лестно, хотя мы должны отметить, что это мнение было основано на достаточно поверхностном знакомстве с данным вопросом.

В современном СССР зоной наибольшего распространения долгожительства является район Кавказа; по переписи 1970 года, его население, составляющее лишь около 7 процентов общесоюзного, дало 16 процентов всех долгожителей страны, в том числе свыше 35 процентов всех людей старше 100 лет. Группы с повышенной долей долгожителей отмечены в Якутии, Таджикистане, Белоруссии и Прибалтике.

Исследования феномена долгожительства (наиболее масштабные работы ведутся Институтом этнографии АН СССР и Исследовательским институтом по изучению человека в Нью-Йорке) показали, что на долгожительство влияет ряд факторов. Ученые сходятся в признании значения природно-экологических, климатических факторов, указывая на особое значение высокогорья, ибо именно в горных районах (не только СССР, но и Эквадора, Колумбии и т. д.) долгожители встречаются особенно часто.

Отмечается значение физиоморфологических особенностей. Долгожители — это, как правило, худые, активные люди, любители свежего воздуха, лишенные старческих недугов, органических заболеваний. У долгожителей наблюдается феномен натуральной, то есть с точки зрения медицины — «идеальной», смерти. Парадоксально, но факт: как правило, долгожители бывают скромными в отношении своего материального обеспечения, часто малограмотными или вовсе безграмотными, жившими в неважных и даже плохих гигиенических условиях и выполняющие тяжелую физическую работу.

И. Давыдовский отмечает, что здесь мы фактически имеем дело с парадоксом: «Широко распространенное мнение, что тяжелые жизненные ситуации, нездоровый образ жизни ускоряют наступление старости». Вместе с тем, «на достаточно больших и достоверных материалах

это никогда не было доказано, хотя с виду кажется весьма вероятным. Жизнь изобилует примерами, подтверждающими и опровергающими это положение».

Искатели «золотого напитка»

Людям степенным, привыкшим считаться с аргументами здравого смысла, не исключено, придутся по душе те вполне резонные замечания о старости и долголетии, которые только что прозвучали. Но не разумом единым жив человек. И что поделаешь, если эмоции захлестывают и влекут в область куда менее благоразумную, зато таинственную и заманчивую.

Как остроумно замечает Оскар Уайльд в «Портрете Дориана Грея»: «Трагедия не в том, что стареешь, а в том, что остаешься молодым». Эту подчеркнуто парадоксальную мысль можно расшифровать и так: увы, и старея, человек не может с легкостью проститься с потребностями и мотивами молодости; так же жаждет любви, впечатлений, кипучей активности и многого другого, чему согласно обычным представлениям о старости уже «не время». Мотив возвращения молодости — центральный в романе Уайльда — движет сюжет и многих реальных судеб людей.

Кажется, уже не в первый раз на страницах книги пытаюсь отказаться от обсуждения настойчивых поисков целыми поколениями людей пресловутого «золотого напитка» — эликсира молодости и... и не могу. Не могу не написать об этом еще, так же, как не может и нынешняя популяция землян отказаться от этой прекраснодушной мечты о возвращении молодости. Поразительный факт: сколько ни приводи рациональных суждений в пользу старости, отыскивая в этом возрасте свои если не преимущества, то уж во всяком случае достоинства, тем не менее, стоит забрезжить тени шанса вернуть молодость, и все благоразумие слетает, как сон, как наваждение, уступая место тому, что по большей части все-таки... сон, наваждение.

Остановимся немного на новейших поисках способов омоложения, чтобы затем постараться проникнуть в тайну психологии пожилых людей в той ее части, которая связана с попытками вернуться в более ранние возрасты.

В начале книги, в рассказе об истории возрастов жизни, уже много говорилось о том, чего только не перепробовал человек в попытке найти эликсир молодости.

Вход шло все — ртуть и злато, которыми пытались вернуть себе молодость китайские императоры во времена Конфуция, мандрагора: родственное картофелю растение, корень которого часто имеет вид крохотного человечка с растопыренными ручками и ножками и, как верили средневековые европейцы, кричит, когда его выкапывают, а главное — будто бы возрождает мужскую силу (а на самом деле содержит сильный, ядовитый наркотик). Не менее популярными были пресловутые шпанские мушки, которые изготовлялись из жука-нарывника; они считались не только возбуждающим, но и восстанавливающим половую потенцию средством, хотя их действие сводилось к сильнейшему раздражению и зуду в мочевом пузыре и мочеточниках. Все это было.

Впрочем, и наши современники — жители XX века — неравнодушны к так называемым омолаживающим средствам. Серж Воронофф, русский по происхождению, был некоторое время личным медиком египетского правителя Аббаса II. Наблюдения за немощами и страданиями кастрированных евнухов, охранявших гарем своего владыки, привело Вороноффа к мысли, что продуцирование половых гормонов является ключом к молодости. Бесплодные попытки найти мужчин (дело было во Франции в 20-е годы), которые даже за баснословное вознаграждение согласились бы расстаться со своими тестикулами (яичками), привело настырного экспериментатора к идее взять оные у человекообразных обезьян, что ему в конечном счете и удалось. Богатые клиенты (операция стоила 5000 долларов) буквально хлынули к Вороноффу. Появились последователи. Американец Джон Бринкли, за неимением обезьян, пересаживал состарившимся мужчинам тестикулы козлов, естественно куда дешевле (за 750 долларов). Это чистой воды шарлатанство оставило по себе недобрую память среди клиентов, не получивших желаемого, но награжденных в процессе пересадки органов сифилисом, которым, как оказалось, болели многие обезьяны, отобранные Вороноффом.

Наиболее известным среди врачей-омолаживателей является швейцарский эндокринолог Пауль Ниханс. Он обосновался в своем доме в Швейцарских Альпах, который назывался «Солнечная скала», и настаивал на родстве с прусским королем Фридрихом II, незаконнорожденной дочерью которого была якобы его, Пауля, матушка. Впрочем, это детали. С точки зрения нашей темы более существенно то, что Ниханс в своих опытах по омоло-

жению пользовался бычьими тестикулами (быки сифилисом не болеют). Свой метод Ниханс назвал «симпатической магией лечения подобного подобным», утверждая, что инъекция клетки желез вола вызывает восстановление ткани удаленной железы. Открыв тем самым, как он считал, «эликсир молодости», Ниханс развил кипучую деятельность в своей клинике Ла Прери и добился известных успехов, учитывая хотя бы имена его пациентов (державшиеся, кстати, в строгой тайне), среди которых были политики Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Конрад Аденауэр, папа Пий XII, проживший 82 года, писатели Томас Манн и Сомерсет Моэм, умершие соответветственно в 80 и 91 год. Сам Ниханс умер в 1971 году в возрасте 89 лет.

Записные острословы утверждают, что, когда бог создал человека, он забыл изготовить к нему запасные части. Приблизительно так же рассуждает еще один известный современный омолаживатель — англичанин Питер Стефан, называющий свой основной метод «ремонтом тела». «Ремонт» стоит 600 долларов и состоит в инъекции препарата, содержащего рибонуклеиновую кислоту из плаценты, яичников, яичек, коры надпочечников и т. д. Любопытно, что П. Стефан по профессии не врач (у него нет диплома), а «целитель», которому по законам Великобритании дозволяется врачебная практика с условием не применять опасные средства и не делать сложных операций в условиях общего наркоза. Добивается ли ремонтная контора П. Стефана успехов? Естественно, заслуживающей доверия статистики «целитель» не предоставляет, но и в клиентах недостатка не знает. Видимо, работает психологический фактор: в методику верят средне, но согревает надежда — авось! Известно, что критиковать «целителей» — дело неблагодарное: никакая критика не выдерживает борьбы с мечтой о возвращении молодости!

Интересные результаты получены румынскими учеными под руководством доктора Аны Аслан из Института гериатрии в Бухаресте. Они разработали «уколы омоложения», которые может получить любой человек в государственных поликлиниках. В основе методов омоложения здесь лежит препарат под названием «геровитал», который способствует устранению ряда возрастных изменений организма при наступлении старости.

Существуют и многие другие способы, предлагаемые учеными самых разных стран для омоложения. Более по-

дробно с ними можно познакомиться в книге американских авторов, писателя Дж. Курцмена и зоолога-генетика Ф. Гордона, «Да сгинет смерть!».

Нас же этот материал интересует с психологической точки зрения. Судя по прямым заявлениям исследователей, весьма немногие из них уверены в том, что то или иное лекарство в настоящем или будущем сможет помочь хоть ненадолго продлить молодость. Один из исследователей выразился предельно честно: «Мы просто ничего не знаем». И все же думается, что никакое частное разочарование, ни общее скептическое настроение не способны стать на пути человека, ищущего пресловутый «золотой напиток», возвращающий молодость.

Недавнее криогенное движение в США, получившее известное распространение, свидетельствует о неисчерпаемой вере человека в лучшее будущее, в продление жизни и возвращение молодости. Напомним, что суть криогенной методики состоит в быстром замораживании — посмертном или предсмертном — и хранении тела «до лучших времен», а именно до тех, когда науке станут подвластны новые, немыслимые сегодня возможности.

С одной стороны, все это выглядит для нас, простых смертных, как очередная блажь богатой публики — не без этого, поскольку все это стоит дорого. Известно, что некоторые безумцы настаивают на том, чтобы их заморозили в молодом возрасте, надеясь на тот же прогресс науки и на то, что со временем их легко — как королевич Елисей спящую царевну — можно будет пробудить к жизни и наградить вечной молодостью. Все это и проблематично, и жутковато! Однако, с другой стороны, какова все же страсть! Ее нельзя не оценить!

Напомню, поиски средств омолаживания мы прослеживали вплоть до времен Древнего Египта и теперь, в наш просвещенный век, вовсе не лишились надежд на успех — более того, поиски ведутся все интенсивнее.

Думается, что дело не только в желании законсервироваться в молодом возрасте, вернуться в юность, но и в известном страхе перед ожидаемым концом — смертью. Теперь нам предстоит затронуть и этот нелегкий вопрос.

Жизнь и смерть

Древние латиняне, народ южный, темпераментный и веселый, проявляли поразительную склонность к формуле «Memento mori» («Помни о смерти»), которая с тех

пор на века вошла в фонд мудрых заповедей человечества. Действительно, мысль о смерти вовсе не мешает жить; напротив, помня о смерти, человек обретает особое ощущение жизни, познает ее истинную цену, учится видеть строгую грань бытия и небытия.

О смерти люди думают во всех возрастах. Особую остроту и глубину приобретают эти мысли в старости. В них нет ни грана того почти мистического ужаса, который испытывает ребенок, впервые узнавший, что ему когда-то суждено умереть; нет и отстраненной умозрительности молодого человека, который, зная свой конечный удел, предпочитает обсуждать этот предмет в «самом общем виде», как отдаленную перспективу, к настоящей его жизни отношения не имеющую. Даже зрелый человек, переживший горе потерь и знающий, как хрупка, зависима от ничтожных совпадений случайностей жизнь человеческая, и он не в силах представить то самоощущение, когда лицом к лицу встречаются две реальности — жизнь и смерть. Постараемся проникнуть в этот непростой мир отношения к смерти, открывающийся старому человеку.

Поскольку автор этих строк молод, то ему не остается ничего иного, как опереться на опыт людей, которые размышляли на эту тему и поделились своими мыслями в книгах, дневниках, который достался нам в наследство через свидетельства очевидцев. Этим обстоятельством объясняется обилие цитат в нижеследующем небольшом фрагменте.

Что же чувствует человек перед лицом древнего бога смерти Танатоса. Кстати, от его имени образовано название науки «танатологии», изучающей причины и условия, приводящие организм к смерти.

Смерть человека удивительным образом является одновременно и естественным явлением, и событием трагическим. Естественным, потому что, как любое обитающее на Земле живое существо, человек конечен: «Все люди смертны»—гласит постулат формальной логики, и, увы, это правда. Трагична же смерть потому, что, как справедливо замечал великий немецкий поэт Генрих Гейне, «с каждым человеком рождается и умирает Вселенная». Причем смерть человека трагична в любом возрасте и в любых обстоятельствах: умирает ли ребенок или глубокий старик, юноша или мужчина в расцвете лет, «естественной смертью» (какое ужасное словосочетание!) или насильственной — в любом случае никакие утешения и

успокоительные речи не могут снять трагичности происходящего.

Человек всегда был в претензии к природе за свой короткий земной век. Эти претензии так же понятны, как и несправедливы. Природа ведет себя хорошо в отношении человека, хотя, конечно, она своенравна и причудлива в тех сроках, которые отводит для жизни земным обитателям. Дольше всего живут секвойи. Одно из старейших на Земле деревьев — кипарис болотный в Туле (Мексика), ему около 7000 лет. Из животных только некоторые гигантские черепахи живут до 200 лет. И ни одно другое животное не достигает возраста 100 лет. Американский писатель-фантаст Айзек Азимов, который приводит эти сведения в своей книге «Тело человека», замечает, что деревья и черепахи платят за долголетие неподвижностью либо слабой подвижностью. Другие же «твари» по продолжительности жизни либо уступают человеку, либо могут только соответствовать. Креветка живет 1,5 года, крыса — 4—5 лет, кролик — до 15 лет, собака — до 18, свинья — до 20, лошадь — до 40, шимпанзе — почти 40, горилла — под 50, слон — до 70. Все эти цифры ниже официального уровня смертности современного человека. Так что не стоит пенять на природу — она достаточно милостива по отношению к нам, людям.

Впрочем, наше общее рациональное согласие с этим положением быстро теряет силу, когда ситуация обретает черты конкретности. То, что человек смертен, — это понятно, но... как это? Что стоит за словосочетаниями «ожидание смерти» и «переживание смерти», находящимися на грани мыслимого?

Замечательный писатель Викентий Викентьевич Вересаев в «Записках для себя» фиксирует такую жанровую сценку:

«— Бабка, пора тебе помирать!

— Батюшка, и рада бы помереть, да ведь душу-то — нешто ее выплюнешь?»

Сила простонародного ума наглядно демонстрирует трагичность того, что более изощренный интеллект называет «потерей жизненного инстинкта», «насыщением жизнью и примирением со смертью» (высказывания И. И. Мечникова). Поскольку в ожидании смерти человек не умирает, а, как говорит немецкий философ А. Шопенгауэр, «просто перестает жить», то подобное состояние оказывается вполне особенным для старика, несопоста-

вимым с различными переживаниями в других возрастах. «Смерть искушает людей как последнее приключение», — записывают в дневник братья Гонкуры.

Фридрих Паульсен, биограф знаменитого немецкого философа И. Канта, описывает то смятение чувств, которое ощущает творческая личность на пороге смерти. Ощутив на 72-м году неожиданный упадок сил, отказавшись от чтения лекций и впав в печальное состояние старческой слабости, Кант пишет Гарве: «Пользуясь довольно хорошим здоровьем, я чувствую себя как бы пораженным душевным параличом. Я испытываю муки Тантала, видя, что мне нужно подвести итоги в вопросах, касающихся всей области философии, и я все еще не выполнил этой задачи, хотя и сознаю исполнимость ее».

Восемь лет продолжалась эта утонченная пытка, и смерть была вожделенным избавлением для человека, достигшего интеллектуальных высот и застигнутого врасплох предметной смертью на пороге немыслимых философских откровений. Это состояние — могу все и ничего уже не могу — один из трагичнейших моментов старости, когда к человеку одновременно приходят и обостренное понимание жизни, и невозможность жить.

Надо сказать, что сам И. Кант в ранних своих произведениях теоретически определил сущность того, что пережил на склоне лет. Он писал: «Всякая живая система, достигая определенного совершенства в своем развитии, незаметно приближается к гибели». Структурные процессы и механизмы в этой системе, когда-то ее совершенствовавшие, теперь незаметно, но неуклонно приводят ее к гибели». И. Кант с философской точки зрения обосновывает принцип самодвижения, саморазвития живой материи, то есть то, что делает природные предметы и процессы тем, чем они реально являются в их динамике. Это положение делает понятным непонятное с точки зрения обычной логики постоянное нарушение состояния уравновешенности организма с внешней средой (так называемого гомеостаза). Казалось бы, достигая состояния такой уравновешенности, человек должен стремиться максимально зафиксировать его, продлить, особенно, когда эта уравновешенность столь хрупка и ненадежна, как в старости.

Вместе с тем и в старости человек стремится не просто к уравновешенности, а к тому, что замечательный советский физиолог Н. А. Бернштейн называл «преодолением внешней среды», «движением в направлении родо-

вой программы развития и самообеспечения». Получается точно по Канту: то, что порождает человека в его высших проявлениях, то же и разрушает его, и в этом проявляется неумолимый закон жизни, который, впрочем, человек постоянно старается «обмануть». Этот «обман», а точнее — самообман состоит в идее бессмертия.

Отношение к возможности бессмертия у большинства людей подчеркнуто эмоциональное: некоторые в таковое искренне верят, другие же не верят, и столь же искренне.

К. Паустовский в одном из своих рассказов пишет, что бессмертие было бы проклятием для человеческого рода, а американский писатель-фантаст А. Кларк называет «точную дату» обретения человеком бессмертия — 2090 год.

Как уже говорилось выше, Дж. Свифт свел своего героя Гулливера с жителями Лапуты, «обреченными на бессмертие» и завидовавшими смертным.

В то же время на протяжении всей своей истории человек жаждал жить века—вспомним безудержную фантазию библейских сказаний относительно продолжительности жизни древних людей. И в наше время идея бессмертия оказывается предметом споров: бывший президент Белорусской академии наук В. Купревич писал о возможности бессмертия с научной точки зрения, а академик И. Давыдовский пишет о «скучном бессмертии».

К. Ламонт, американский философ, прославившийся книгой «Иллюзия бессмертия», приводит слова некоего набожного церковного старосты: «Конечно, я верю в вечное блаженство, но давайте поговорим о чем-либо менее тоскливом». В наше время не так уж много тех, кто серьезно верит в возможность райской жизни на небе, но всякий хотел бы продлить свою жизнь на земле.

Очень популярный в свое время французский философ Ж.-А. Кондорсэ писал в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»: «Без сомнения, человек не станет бессмертным, но расстояние между моментом, когда он начинает жить, и тем, когда, естественно, без болезни, без случайности, он испытывает затруднения существовать, не может ли оно беспрестанно возрастать?»

Таким своеобразным способом ученый стремится уйти от обсуждения проблемы бессмертия: пусть бессмертие недостижимо, зато существует известная неопределенность предела жизни, который можно постараться расширить в идеале до бесконечности. По сути, к этому и

стремится современная научная мысль, о чем говорилось чуть раньше.

Когда-то М. Твен, прочитав посвященный ему некролог, остроумно заметил: «Сведения о моей смерти сильно преувеличены». Смерть — дело невеселое, однако отдадим должное мужеству и самообладанию знаменитого американского писателя, который так выразил естественный протест живого по поводу его записи в мертвое.

Молодой К. Маркс весьма категорично и темпераментно высказывается на этот счет: «Человеческое тело от природы смертно. Болезни поэтому неизбежны. Почему, однако, человек обращается к врачу только тогда, когда заболевает, а не когда он здоров? Потому что не только болезнь, но и самый врач уже есть зло. Постоянная врачебная опека превратила бы жизнь в зло, а человеческое тело — в объект упражнений для медицинских коллегий. Разве не желательнее смерть, нежели жизнь, состоящая только из мер предупреждения против смерти? Разве жизни не присуще так же и свободное движение? Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь? Неотступный врач уже сам по себе был бы болезнью, при которой даже не было бы надежды умереть, а оставалось бы только жить. Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить».

Эти слова многим покажутся сегодня излишне романтическими, а врачи — те могут просто обидеться за это «и самый врач уже есть зло». Надо ли объяснять, что К. Маркс вряд ли был «против медицины». Впрочем, что же это я защищаю К. Маркса? — он в этом явно не нуждается.

Отмечу только удивительно точную формулу: «болезнь как стесненная в своей свободе жизнь». «Болезнетворность старости», о которой говорилось выше, есть, безусловно, следствие стеснения свободы жизни, происходящее из синдрома старости как совокупности отчасти реальных, а отчасти мнимых преград на пути нормальной жизнедеятельности.

И может быть, прав был голландский философ Б. Спиноза, что «человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит не в размышлении о смерти, а о жизни».

Во всяком случае, сделав этот экскурс в область взаимоотношений жизни и смерти в сознании старого человека, мы возвращаемся к тому, о чем говорили раньше: прежде всего с помощью социальных, гигиенических, от-

части медицинских мер человек может обеспечить себе такой образ жизни, который максимально продлит его земной век.

Немалое значение имеет и психологическое отношение к собственной старости. Современные исследователи утверждают, что само состояние здоровья зависит от психологического настроя человека. Как убедительно показывает известный советский врач В. Тополянский, от 30 до 50 процентов завсегдатаев клиник являются больными «психосоматическими», то есть, по сути, мнимыми больными, органические недуги которых есть следствие ложных установок, неудовлетворенных амбиций, эмоциональных стрессов, короче, как говорят в народе, от нервов. Нервы шалят, а отдувается вегетативная система — и бессмысленно лечить «симптоматику», то есть то, что болит, когда надо разобраться с причинами, корнями заболеваний. Несомненно, современная медицина, в том числе и гериатрия, занимающаяся лицами пожилого возраста, несет огромную, часто непосильную нагрузку, часть которой она смело могла бы уступить психологии. К сожалению, в осознании этого обстоятельства делаются только первые шаги.

Старик как тип и как личность

Мы рассмотрели старческий возраст, так сказать, по вертикали, как некоторую протяженность жизни, заканчивающуюся в своих пиковых выражениях в долгожительстве. Однако это лишь одна сторона вопроса, поскольку, как верно отметил в двух своих афоризмах Сенека: «Как басня, так и жизнь ценится не за длину, но за содержание» и «Сколько бы мы ни жаловались на природу, она ведет себя хорошо; жизнь, если ты умеешь ею пользоваться, достаточно продолжительна».

Античному философу не откажешь в резонности его замечаний, которые сохраняют основной смысл и в наше время. В том числе и в отношении геронтологии, задачей которой, напомним, является не только «прибавить годы к жизни, но и прибавить жизнь к годам». Какова же жизнь человека в старости, каково психологическое наполнение личности старика?

Нам предстоит проникнуть в «горизонталь» — в психический склад старика, который, как мы уже отмечали, достаточно константен и сохраняет свои основные характеристики на протяжении всего возрастного периода.

Для начала нарисуем психологический портрет стари-

ка, используя психологическую характеристику наиболее типичных его проявлений. Вот какой вид принимает этот портрет в одной из работ советского психолога Е. Авербуха: «У старых людей снижены самочувствие, самоощущение, самооценки, усиливается чувство малоценности, неуверенности в себе, недовольство собой. Настроение, как правило, снижено, преобладают различные тревожные опасения: одиночества, беспомощности, обнищания, смерти. Старики становятся угрюмыми, раздражительными, мизантропами, пессимистами. Способность радоваться снижается, от жизни они ничего хорошего уже не ждут. Интерес к внешнему миру, к новому снижается. Все им не нравится, отсюда — брюзжание, ворчливость. Они становятся эгоистичными и эгоцентричными, более интравертированными (обращенным к себе, своим внутренним переживаниям) круг интересов суживается, появляется повышенный интерес к переживаниям прошлого, к переоценке этого прошлого. Наряду с этим повышается интерес к своему телу, к различным неприятным ощущениям, часто наблюдающимся в старости, происходит ипохондризация. Неуверенность в себе и в завтрашнем дне делает стариков более мелочными, скупыми, сверхосторожными, педантичными, консервативными, малоинициативными и т. п. Ослабляется у стариков контроль над своими реакциями, они недостаточно хорошо владеют собой. Все эти изменения во взаимодействии со снижением остроты восприятия, памяти, интеллектуальной деятельности создают своеобразный облик старика и делают всех стариков в какой-то степени схожими друг с другом».

Прямо скажем, картинка получается мрачноватая, хотя Е. Авербух смягчает впечатление от нее оговорками, что «было бы неправильно думать, что все отмеченные изменения в одинаковой степени имеют место у всех людей», что, конечно же, верно.

Но следует, наверное, не бояться посмотреть правде в лицо, поскольку возрастная перестройка человека в старости, как было подчеркнуто, не является только прогрессом, присутствуют и многие из этих тяжелых расстройств. Старость — трудный период в жизни человека.

Уточняя нарисованную выше типическую картину изменения личности в старости, нужно сказать, что она чрезмерно насыщена разнообразным набором качеств, которые редко встречаются в одном человеке. Чрезмерны они и с типологической точки зрения. Во всяком случае

и сама типология может быть существенно уточнена. Так в типологии Ф. Гизе, которую он предложил на X психологическом конгрессе в Бонне, выделяется три типа стариков и старости:

1) старик-негативист, отрицающий у себя какие-либо признаки старости;

2) старик-экстравертированный (используя терминологию К. Юнга), признающий наступление старости, но к этому признанию приходящий через внешние влияния и путем наблюдения окружающей действительности, особенно в связи с выходом на пенсию (наблюдения за выросшей молодежью, расхождение с нею во взглядах и интересах, смерть близких и друзей, новшества в области техники и социальной жизни, изменение положения в семье);

3) интравертированный тип, остро переживающий процесс постарения. Появляется тупость по отношению к новым интересам, оживление воспоминаний о прошлом — реминисценций, интерес к вопросам метафизики, малоподвижность, ослабление эмоций, ослабление сексуальных моментов, стремление к покою.

Оценивая данные типологии старости Ф. Гизе, отметим, что она уже гораздо ближе к реальному феномену старости в том смысле, что многих стариков можно «подвести» под тот или иной тип и как-то оценить происходящую перестройку их личностей.

При этом мы вынуждены будем смириться, что эти оценки всегда будут приблизительны, так как психологические типы — это прием научного анализа, и в реальной жизни «в чистом виде» они не встречаются. Типология выполняет другую, и достаточно полезную, функцию — она классифицирует проявления старости, давая ученому и практику некоторую ориентировку как базу для конкретной работы (исследовательской или практической) с людьми пожилого возраста.

Типологии могут быть разными. Вот пример классификации типов старости, в зависимости от характера деятельности, которой она заполнена. Опираясь на это основание, И. Кон выделяет несколько разных социально-психологических типов старости.

Первый тип — активная, творческая старость, когда ветераны уходят на заслуженный отдых, а расставшись с профессиональным трудом, продолжают участвовать в общественной жизни, воспитании молодежи, короче —

живут полнокровной жизнью, не ощущая какой-либо ущербности.

Второй тип старости также отличается хорошей социальной и психологической приспособленностью, но энергия этих пенсионеров направлена главным образом на устройство собственной жизни — материальное благополучие, отдых, развлечения и самообразование, на что раньше им недоставало времени.

Третий тип, в котором преобладают женщины, находит главное приложение сил в семье. Поскольку домашняя работа неисчерпаема, им некогда хандрить или скучать, но удовлетворенность жизнью у них обычно ниже, чем у представителей первых двух типов.

Четвертый тип — люди, смыслом жизни которых стала забота об укреплении собственного здоровья, которая не только стимулирует достаточно разнообразные формы активности, но и дает определенное моральное удовлетворение. Однако эти люди (чаще мужчины) склонны преувеличивать значение своих действительных и мнимых болезней, их сознание и самосознание отличается повышенной тревожностью.

Все эти четыре типа старости И. Кон считает психологически благополучными и замечает, что есть и отрицательные типы развития.

К таковым могут быть отнесены, например, агрессивные старые ворчуны, недовольные состоянием окружающего мира, критикующие все, кроме самих себя, всех поучающие и терроризирущие окружающих бесконечными претензиями. Другой вариант негативного проявления старости — разочарованные в себе и собственной жизни, одинокие и грустные неудачники. Они винят себя за действительные и мнимые упущенные возможности, не способны прогнать прочь мрачные воспоминания о жизненных ошибках, что делает их глубоко несчастными.

Нет сомнения, что любой, оглядевшись вокруг, легко найдет среди знакомых ему пожилых людей таких, кто как две капли воды похож на одну из описанных картин старости.

Вместе с тем, как уже было сказано, возможности типологии относительны. Она не более, чем удобный способ классифицировать проявления старости.

При всей своей значительности типологические характеристики достаточно ограничены в своем применении — они «отказывают», когда мы рассматриваем удивительную творческую продуктивность «исключительных

личностей», таких, как Р. Тагор или И.-С. Бах, отличавшихся удивительной творческой энергией в пожилом возрасте. И при оценке «ординарных личностей» типология часто пасует перед индивидуальным проявлением старения (половыми, сенсорно-перцептивными, интеллектуальными и т. д.).

Индивидуальность, по мнению Б. Ананьева, характеризуется неповторимостью связей и опосредствований. И для познания индивидуальности, личности старого человека важнее всего, как эта индивидуальность формировалась на протяжении всего онтогенеза (типология здесь уместна лишь для ответа на вопрос: как определенный тип старости сформировался в онтогенезе и как с ним связаны индивидуальные особенности человека).

К сожалению, на этот уровень исследований современная психология только выходит, и количество вопросов здесь значительно превосходит количество (и качество) ответов. Поэтому наше описание личности старика в ее психологическом содержании имеет свои ограничения — это ограничения наличного уровня разработки проблемы.

* * *

Народная мудрость утверждает, что «старость — не радость». Категоричность афоризма делает его уязвимым, ибо он не учитывает всей сложности и многогранности явления. Это скорее мнение, и как таковому ему может быть противопоставлено иное мнение. Старость только начинает осмысливаться человечеством как возраст, таящий в себе большие резервы и возможности.

За сознанием важности старости в жизни человека прямиком следует решение не только научной, но и остросоциальной задачи обеспечения старейшин общества реальной возможностью вести наполненную, общественно полезную жизнь.

Эта задача может воплощаться двумя принципиальными путями.

Первый состоит в максимальном продлении производственной деятельности пожилых людей, повышении лимита трудоспособности и отнесении даты выхода на пенсию к 65—70 годам. Таково, кстати, пожелание основной массы людей, вступающих в пенсионный возраст (55—60 лет). Преимущество такого пути состоит в том, что он не требует от человека коренной перестройки своей жиз-

ни в связи с выходом на пенсию; человек остается в привычной социально-психологической среде существования. Выгода для общества так же очевидна и ощутима — пожилые люди с огромным жизненным опытом и практическими навыками работы часто незаменимы на производстве. Нужны они и для воспитания трудовой смены как наставники юношества и молодежи.

По всей вероятности, именно трехпоколенная структура рабочего коллектива — «деды», «отцы» и «дети-внуки» — наиболее приемлема с точки зрения обеспечения преемственности в развитии производственной сферы общества, передачи социального и профессионального опыта. Причем необходимость контакта стариков и молодежи взаимопродуктивна. Молодежь обретает столь необходимый ей жизненный опыт и мудрость пожилых людей, а старики, через энергию молодежи, оказываются способными деятельно влиять на развитие традиционной для них сферы хозяйства и общественной практики.

Второй вариант решения социальной проблемы старости гораздо хуже освоен у нас, хотя, с точки зрения психолога, он представляется более перспективным и жизненно богатым.

Речь идет о коренной перестройке жизни пожилого человека при выходе на пенсию. Как уже было отмечено, 15—20 лет — это слишком существенный отрезок жизни. Времени, отпущенного биологическим лимитом существования, вполне достаточно для кардинального переустройства привычного ритма и содержания деятельности. Известны не единичные примеры того, как, отдав многие годы выбранному в юности делу, пенсионеры удачно находили себя в новых занятиях, осваивали сложные и дефицитные ремесла, работая в меру сил и желания. Плотником, часовым мастером, краснодеревщиком, ремонтником бытовой техники и т. д. Возрос неизмеримо интерес к работе на земле — в садоводстве, растениеводстве и т. д.

Вместе с тем у нас еще плохо развит туризм пожилых людей. Не всегда хорошо продуманы и организованы формы подключения стариков к решению социальных проблем и проектов по месту жительства. Для многих — увы — до сих пор практически единственной социально полезной функцией остается забота о воспитании внуков.

Нельзя забывать и того, что для немалой части наших сограждан старость протекает весьма непривлекательным образом. И не только в силу присущих старости телесных

недугов. Гораздо тягостнее и разрушительнее для личности ощущение одиночества, своей выключенности из активной жизни, чувство ненужности другим. Иногда мнимые, а порой и реальные переживания такого рода наиболее губительны для психического склада пожилого человека. Как следствие, мы теряем во всех звеньях жизни многих деятельных членов общества, способных обогатить нашу жизнь, полнее реализовать себя на старости лет.

Принципиальная позиция нашего общества в отношении старости общеизвестна. В своих конституирующих чертах она гуманна. На очереди — практические меры по качественному улучшению жизни пожилых людей, увеличению их вклада в копилку общественного переустройства, достижение большей гармонии во взаимоотношениях различных возрастных слоев общества.

Заключение

Приближаясь к окончанию рассказа о возрастах человеческой жизни, перед тем как поставить финальную точку, хочется вернуться к первым страницам, чтобы дать себе отчет в успешности пройденного пути.

Как было заявлено в начале, в мире найдется не так уж много таких захватывающих предметов для размышлений, как жизнь человека в ее возрастном измерении. Так ли это — пусть судит тот, кто прочитал книжку до этих заключительных страниц. Вместе с тем, возможно, нелишней будет авторская оценка затраченных усилий. Речь идет, конечно, не о каких-то отдельных промахах или несовершенстве письма. Вопрос стоит иначе: насколько продуктивен научно-психологический подход к проблемам возрастов жизни?

Возможно, многие, познакомившись с научными воззрениями психологов, отметят — про себя или вслух — их явную неполноту и известную ограниченность. Особенно усиливает такое настроение негодное для научной книги сравнение с масштабными романами-биографиями, такими, как, например, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького или «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси. Действительно, насколько полнее, выпуклее, объемнее предстает в художественной литературе психологический колорит различных возрастных изменений личности. Причина неоспоримого преимущества художественного подхода таится не только в силе дарования выдающихся мастеров пера, их свободном проникновении в глубины человеческой психологии. Главное состоит в том, что ученый необходимо обречен на более формальный подход и исходит из средних типичных обстоятельств жизни, бледнеющих перед яркостью индивидуализированной картины развития личности. Вместить разнообразие людских судеб, неповторимость единичной динамики существования в самые широкие рамки анализа трудно, если вообще возможно. Неминуемо приходится опираться на весьма условный «образец «среднестатистического» человека. Реально можно проследить лишь характер, последовательность и взаимосвязь основных, узловых для развития личности событий на жизненном пути, наиболее важных с точки зрения психологии. Нечто подобное и сделано в этой книжке.

Если же внести поправку на многообразность жизни, соотнести общую схему с богатством индивидуальных условий, учесть «коэффициент» неповторимости каждой отдельной личности, то мы получим в результате нечто вроде стимулятора для дальнейшего размышления над темой. Научные ориентиры помогут желающим продвинуться в осмыслении своей жизни, более полному осознанию сути переживаемого возрастного этапа — в этом их предназначение.

Автору хочется надеяться на то, что собранный в книге материал, сумма научных данных и их осмысление принесут пользу читателю, раздумывающему над проблемой смысла своей жизни и пытающемуся найти опору в науке для самосовершенствования и углубленного развития.

Другая цель работы заключалась в попытке пробудить интерес у широкого читателя к особой отрасли современной науки — возрастной психологии. Конечно, еще какое-то время нам придется мириться с наличием «белых пятен» на карте возрастов жизни, с несовершенством психологического описания процесса развития личности. Увы — возрастная психология, имея огромную предысторию, как научная дисциплина находится лишь в стадии становления. Ее собственный «возраст», хронологически вмещающий неполные сто лет, может быть охарактеризован как ранняя юность, учитывая, что столетие для многовековой истории человечества — срок сравнительно малый. Может, этими особенностями «юношеской психологии» нашей науки объясняется и максимализм планов, предельность задачи и ее сравнительно слабая зрелость и весомость выводов.

Впрочем, молодость, как известно, «порок», от которого человек и детище его рук — научное познание — достаточно быстро освобождаются. На наших глазах возрастная психология мужает, набирается сил, и, кто знает, может, недалек тот день, когда она сможет вмешиваться в человеческую жизнь со всей мудростью опытного (в том числе и в смысле «экспериментального», основанного на опыте) знания.

СОДЕРЖАНИЕ

Толстых А. В.

Т 54 Возрасты жизни. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 223[1] с., ил. — (Эврика).

ISBN 5-235-00590-2

В книге рассказывается о психологических особенностях жизни человека — о психологии детства, юности, молодости, среднего возраста, старости — о динамике развития личности. Издание рассчитано на самые широкие круги читателей.

0304000000—161 / 078(02)—88 259—88 **ББК 88**

ИБ № 5437

Толстых Александр Валентинович

ВОЗРАСТЫ ЖИЗНИ

Заведующий редакцией **В. Щербаков**
Редактор **В. Федченко**
Рецензент **А. Петровский**
Художник **Ю. Ворона**
Художественный редактор **В. Тихомиров**
Технический редактор **В. Пилкова**
Корректоры **В. Назарова, И. Тарасова**

Сдано в набор 06.01.88. Подписано в печать 27.04.88. А00991. Формат 84Х108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,76. Условн. кр.-отт. 12,18. Учетно-изд. л. 12,13. Тираж 100 000 экз. Цена 50 коп. Изд. № 3013. Заказ 8—223.

Набрано и сматрицировано в ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическом объединении ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00590-2

Эврика

Автор этой книги молод. Небольшая научная биография его связана с изучением возрастной психологии личности. Результат этих исследований — кандидатская диссертация и ряд книг: «После детства», «Психология юного зрителя», «Человек и возраст», «До 16 и старше... Заметки психолога» и др.

В последние годы А. Толстых работает над созданием психологической картины жизненного пути современного человека, стремится показать, что каждый возраст жизни подчинен закономерностям, имеет свои особенности и внутреннюю красоту. Нет возрастов плохих и хороших — все они прекрасны, если суметь полностью реализовать возможности их саморазвития.

В серии «Эврика» А. Толстых печатается впервые.

АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ ТОЛСТЫХ

50 коп.